

Н О В О С Т И
Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы,

ИЗДАНИЯ

А. Воейковылъ и В. Козловылъ.

К Н И Ж К А ІІІ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печашано въ Военной Типографіи Главнаго Шшаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1 8 2 3.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы до выпуска изъ Типографіи были
предспавлены въ Цензурный Комитешъ семь экзем-
плярвъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуешъ.

С. Пешербургъ, Маія 21-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

третьей книжки.

ПРОЗА.

	№.	Стр.
О Гердерѣ и его сочиненіяхъ	I.	1.
Второе письмо Морскаго Офицера изъ Корфу	—	5.
Сеспра Милосердія. (Повѣсть Г-жи Жанлисб.)	{ II.	17.
	{ III.	33.
Сельская жизнь въ Англіи	{ —	42.
	{ IV.	49.
Рудольфъ Аккерманъ, славный Художникъ, Фабри- кантъ и Книгопродавецъ въ Лондонѣ	—	54.
Парни въ книжной лавкѣ. (Изъ Булби.)	{ V.	65.
	{ VI.	80.
Индійскіе Героглифы	V.	76.
Весминстерская зала и засѣданія Англійскаго Парламентна	VI.	86.
	{ VII.	97.
Припчи. (Изъ Крулмахера.)	IX.	120.
	{ X.	145.
Анекдоты, мысли и опривки	VII.	102.
Письмо изъ Рима	VIII.	113.
	{ —	119.
Оксфордскій Университетъ	{ IX.	135.
	{ XI.	161.
Нѣчто о балахъ	IX.	133.
Щипъ о двухъ лицахъ. Древній Англійскій анекдотъ.	X.	150.
Достопримѣчательный поединокъ	XI.	169.
Письмо изъ Неаполя <i>и Везувіи</i>	XII.	177.
Лордъ Бейронъ и Пѣвецъ Томази	—	183.
Опривки изъ записокъ Барона Гагерна	XIII.	193.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Всякой на свой покрой	I.	12.
Элегія	—	13.
Логогрифъ	—	14.

	№.	Стр.
Къ Партизану-Поэту	II.	27.
Къ В*	—	28.
Фея Моргана къ Оливьеру	—	29.
Романсъ	III.	47.
Филомела	—	48.
Чешыреспише	—	—
Къ А. Ө. В — ву	IV.	62.
Гусь. <i>Васня</i>	—	63.
Къ В. П. У — вой	—	64.
Ошкръшая тайна	V.	78.
Романсъ. (Изъ Поэмы <i>Лалла-Рукб.</i>)	—	79.
Стихи въ Альбомъ ***	—	80.
Вишязь	VI.	94.
Гусарская пѣсня	—	95.
Сонешъ	—	—
Пѣсня Руской дѣвицы	VII.	107.
Курганы	—	109.
Къ Александру Яковлевичу Княжнину	VIII.	124.
Сельская сирота. <i>Элегія</i>	—	126.
Басни. 1. <i>Львиное право</i>	IX.	143.
2. <i>Чужеземное растѣніе</i>		
3. <i>Равновѣсіе</i>		
4. <i>Преступникб.</i>		
5. <i>Роза и шмель</i>	XI.	171.
6. <i>Пѣснь лебедя.</i>		
Подоконье	IX.	143.
Спишки, сочиненные въ слѣдствіе шуточного заклада съ дѣвицею К — ой	X.	153.
На кончину П. С. К. С — на	—	154.
Прелестъ ужаса. Опрывокъ изъ Деллалеовой Поэмы: <i>Воображеніе</i>	—	155.
Ивань Сусанинъ. <i>Дума</i>	XI.	172.
Паденіе листьевъ	XII.	186.
Къ звѣздѣ, въ безсонную ночь	—	188.
Въ Альбомъ ***	—	—
Чужбина	—	189.
Подражаніе Псалму	XIII.	205.
Голосъ къ Вышнему	—	206.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. I.

П Р О З А.

О Гердеръ и его сочиненіяхъ.

Юганнъ Готфридъ *Гердеръ* принадлежалъ безъ сомнѣнія къ числу первостепенныхъ Писателей прошедшаго вѣка. Всеобъемлющій его Геній простирался на все отрасли человѣческихъ познаній; образованный талантъ его оставилъ изящные образцы почти во всехъ родахъ Литтературы. Просвѣщенный Богословъ, глубокомысленный Философъ, проникательный Историкъ, неутомимый Филологъ, примѣрный Критикъ, пріяшннй Спихопворецъ и превосходный Переводчикъ — все сіи качества, изъ коихъ каждое въ особенности было бы достаточнo для прославленія его имени, соединялись въ немъ въ полной мѣрѣ. Многочисленныя его шворенія суть драгоценное наслѣдіе, которое оставилъ онъ современникамъ и потомству. Признательные соотечественники, — не исключая даже и тѣхъ, кои не сходствовали съ нимъ въ Литтературныхъ и Философическихъ мнѣніяхъ, — донынѣ произносятъ имя его съ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ. Тѣмъ болѣе должно сожалѣть, что въ

Германіи, имя сего Писателя вообще болѣе извѣстно, нежели его сочиненія, ученія и глубокомысленныя, цвѣшущія и краснорѣчивыя, дышущія благочесніемъ и любовію къ Человѣчеству. (*)

Гердеръ родился 26-го Августа 1744-го года, въ маленькомъ городкѣ Морунгенѣ, что въ Восточной Пруссіи, гдѣ отецъ его былъ младшимъ Учителемъ. Спѣшенное положеніе сего послѣдняго не позволяло ему, дасть сыну шакого воспитанія, которое бы соотвѣтствовало отличными его способностямъ. Почти всѣ начальныя свѣденія почерпнулъ онъ изъ книгъ, кои доставалъ по случаю. Пасторъ *Трешо* употреблялъ юнаго *Гердера* для переписки своихъ проповѣдей и другихъ бумагъ, коихъ содержаніе не всегда было занимательно. Но природный умъ его и добрыя качества сердца вскорѣ приобрѣли ему привязанность сего Священника: замѣшивъ превосходныя его способности, починалъ онъ долгомъ своимъ, содѣйствовать къ образованію оныхъ. *Трешо* позволялъ *Гердеру*, принимать участіе въ урокахъ, кои давалъ онъ дѣтямъ своимъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ. Успѣхи молодаго Человѣка превосходили всякое ожиданіе. Но въ сіе самое время, жестокая глазная болѣзнь остановила ученія его упражненія и познакомила *Гердера* съ однимъ Рускимъ Лѣкаремъ, который жилъ тогда въ домѣ

(*) Одинъ почтенный Липшерапторъ обѣщаль украситъ листы наши переводомъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ *Гердера*. Съ неперпнїемъ ожидаемъ исполненія сего обѣщанія, споль же лестнаго для насъ самихъ, какъ и прїяшнаго для нашихъ Читателей. Изд.

Пастора. Сей предложилъ ему, ѣхать съ нимъ въ С. Петербургъ и хопѣлъ учить его, безъ всякой платы, Медицинѣ и Хирургіи. *Гердеръ*, неимѣвшій надежды продолжашъ любимыя свои занятія, охотно согласился и — въ 1762-мъ году оставилъ свою родину. По прибытіи въ Кёнигсбергъ, новый наставникъ повелъ его въ тамошній Анапомическій Театръ, дабы дать ему нѣкоторое понятіе о будущихъ его упражненіяхъ. Но сіе зрѣлище споль сильно подѣйствовало на слабыя нервы *Гердера*, что онъ упалъ въ обморокъ и — на-
 . . .гда отказался отъ Хирургіи. Оставшись въ Кёнигс-
 бергѣ, познакомился онъ съ людьми, кои умѣли
 цѣнить его таланты и вскорѣ доставили ему мѣсто
 Надзирашеля, а попомъ Учишеля въ одномъ изъ
 тамошнихъ публичныхъ заведеній. Должность сія не
 препяшествовала ему однакожъ, занимашъ Богосло-
 віею, изученію коей посвящилъ онъ себя ошнынѣ.
 Но всеобъемлющій его Геній и неутомимая дѣятель-
 ность вскорѣ распространились и на другія вѣтви
 учености. Древняя и новая Исторія, Философія и
 Липшерапура, языки и Криптика — все занимало его
 попеременно и всегда съ одинаковою основатель-
 стію. *Гердеръ*, подобно пчелѣ, извлекалъ чиспѣйшій,
 сладоспнѣйшій медъ изъ всѣхъ цвѣтовъ. Въ 1765-мъ
 году переселился онъ въ Ригу, въ качествѣ Пропо-
 вѣдника при тамошней Соборной церкви и Ректора
 при главномъ училищѣ. Обѣ сіи должности исправ-
 лялъ онъ съ равно счастливымъ успѣхомъ и вскорѣ
 приобрѣлъ достойное уваженіе своихъ согражданъ.
 Краснорѣчіе проповѣдей его, сильное въ проспомѣ
 своей и испинно-Евангельское, привлекало ему еже-

дневно большее число слушателей. — Въ 1768-мъ году возвратился онъ въ Германію, гдѣ былъ уже извѣстенъ нѣкошорыми сочиненіями. Въ Спрасбургѣ познакомился онъ съ *Гёте* и въ непродолжительномъ времени здѣлался его другомъ. Связь сія не только была полезна для обоихъ, но имѣла даже благошворное вліяніе на успѣхи Нѣмецкой Литшперашуры. — Въ 1770-мъ г. призванъ *Гердеръ* въ Бюккебургъ, гдѣ и получилъ званіе Суперъ-Иншпенденша и Придворнаго Проповѣдника. Здѣсь снова началъ онъ заниматьса Богословією и издалъ многія сочиненія, кои и въ семъ отношеніи посшавили его на ряду съ первоклассными Учеными. — Въ 1775-мъ г. переселился онъ въ Веймаръ, по приглашенію Герцога, кошорый наименовалъ его своимъ Придворнымъ Проповѣдникомъ и Совѣшникомъ Главной Консисшоріи. Здѣсь-шо провелъ онъ осшальные и конечно сшасшлливѣйшіе годы своей жизни. Дворъ *Карла Августа* и *Амаліи*, кои по любви своей къ Наукамъ и Словесности напоминали вѣкъ *Медицисовъ*, и Дворъ *Урбинскій*; ежедневное общештво *Гёте*, *Виланда*, *Шиллера* и другіихъ извѣстныхъ Литшперашоровъ, жившихъ въ Веймарѣ; семейное сшасштіе; спокойное и независимое положеніе; важныя должности, кои не шолько не отвлекали его отъ ученыхъ занятій, но напросивъ находилсь съ оными въ неразрывной связи; лестное уваженіе Герцогскаго Дома и всѣхъ согражданъ: словомъ — все соединилось, для досшавленія *Гердеру* обширнѣйшаго, блещашельнѣйшаго круга дѣятельности. Въ 1801-мъ г. наименовалъ его Герцогъ Президентомъ главной Консисшоріи: мѣсто, кошорое дошолъ исключительно предосшавлялось осо-

бамъ знатнѣйшихъ фамилій. (*Гердереъ*, послѣ уже того, возведенъ въ Дворянское достоинство Курфирстомъ Баварскимъ.) — Сей знаменитый мужъ скончался въ Веймарѣ, 18-го Декабря 1803-го года. Въ послѣднія минуны своей жизни занимался онъ сочиненіемъ *Гимна Богу*, коего первые стихи напечатаны были въ публичныхъ листахъ. — Нынешній Великій Герцогъ Веймарскій воздвигнулъ ему, въ 1819-мъ году, прекрасный надгробный памятникъ. Полное собраніе *Гердеровыхъ* швореній издано въ Тюбингенѣ, Юганномъ *фонъ-Мюллеромъ*, Исторіографомъ Швейцаріи и братомъ его, *І. Г. Мюллеромъ*.

Второе письмо Морскаго Офицера изъ Корфу. (*)

17-го Января, 1804.

По случаю новаго знакомства съ Офицерами полковъ и Черноморскаго Флота, былъ у насъ на фрегатѣ обѣдъ. Пошомъ, всякой день по очереди, давались балы на корабляхъ и на берегу. Словомъ, мы праздновали здѣсь, какъ Эней, когда онъ прислалъ въ Сицилію. Капитаны Сибирскаго полка *П...* и *В....* убѣдили меня ѣхать въ Кавальшино. Въ 9-шь часовъ пришли мы въ Теашръ. Изъ паршера вынесены были скамейки; ошъ чего и образовалась довольно большая зала. Дамы шанцовали въ маскахъ, Кавалеры же по большой части были безъ оныхъ. Я шанцовалъ съ первою фигураншкою здѣшняго Балета. Она надѣлала

(*) См. *Новости Литтературы*, Ч. II., No. XIX.

нѣ столько учтивосшей, сколько можешь женщина-
Актриса. Дама ея очень хорошо говоришь по Фран-
цузски.

Насупила полночь и балъ кончился. Мы не нашли у прислани шляпки и принуждены были иппи на-
задъ и искашь почлегу. Переходя изъ улицы въ улицу,
вступили мы наконецъ въ одинъ домъ и съ такою
оспорожностию взобрались на чердакъ, съ какою только
крадушя воры. Охрипый голосъ: „кто тамъ?“ при-
нудилъ насъ, скорѣе и съ такими же предоснорожно-
стями выпши изъ дома. Ночь была шемная, погода
сырая и холодная. Повсюду, гдѣ только свѣтился
огонекъ, смиренно просили мы укрышь насъ ошъ мрака
и непогоды. — Наконецъ приняли насъ въ спаромъ,
полуразвалившемся домѣ. Смѣло можно сказашь, что
такой духошы, нечистошы и шуму, какіе нашли мы
здѣсь, не можешь быть въ самой дурной Еврейской
корчмѣ. Одинъ изъ товарищей нашихъ рѣшился по-
мѣшиться въ чуланъ; ибо болѣе не было мѣста. Я,
съ другимъ знакомцемъ, принужденъ былъ снова бро-
дись изъ дома въ домъ. Наконецъ, были мы споль
счастливы, что нашли ошпершую дверь. Комната,
кошорую намъ показали, не имѣла ни полу, ни пошолку;
земля была мокра, какъ-будто послѣ дождя; но ушас-
лось моя и при часа нѣчи не позволяли мнѣ быть
разборчивымъ. Знакомецъ мой не хотѣлъ однакожь
оставишь меня одного и я раздѣлилъ съ нимъ скуд-
ное свое ложе. Угасающая лампада, слабымъ свѣшомъ
своимъ, освѣщала при или чепыре повѣшенныя ро-
гожки, кои употребляюшя здѣсь вмѣсто ширмъ и
за кошорыми отдыхали другіе посѣшители. Подлѣ

насъ, на бѣдной кровати спалъ Альбанецъ. Ничто не казалось мнѣ такъ опасно, какъ проводишь ночь въ шакомъ домѣ и съ такимъ сосѣдомъ. Я смошрѣлъ на кровлю, сквозь кошорую свѣсилъ вѣтнеръ. Все эшо вмѣстѣ навело на меня такой ужасъ, что я рѣшился не смыкать глазъ. Мнѣ правда было и не до сна: всякое движеніе Альбанца приводило меня въ страхъ, всю ночь держалъ я въ рукахъ мое плашье и находился въ готовносни къ оборонѣ. Било пять часовъ и я, услышавъ мяуканье кошекъ и разговоры людей, разбудилъ своего товарища, вскочилъ, одѣлся и поспѣшилъ вытннн изъ сего ада.

Новый знакомецъ, любезный молодой человекъ, пригласилъ меня къ себѣ на кварширу, оставилъ у себя обѣдашь; словомъ, принялъ меня, какъ роднаго брата. Ошдохнувши нѣсколько послѣ обѣда, ходили мы за городъ и — вошь что я видѣлъ:

Мы вышли въ вороша, кошорые прежде назывались Porta Reale, но при заняши острова Французами, по обыкновенному ихъ шщеславію, названы были: Porte Françoise. За оными построены новыя укрѣпленія, кошорыя простирающся поперегъ узкаго перешейка. На обѣихъ сторонахъ полуострова, на космѣ построены городъ, видны двѣ крѣпоссти, удивительной высоты и прочноссти. Одна называется *Старою* или *Сентъ-Анджело*, а другая *Новою*. Первая почисаешся непреодолимою; послѣдняя досшойна примѣчанія — по своимъ подземнымъ переходамъ, по шашшвеннымъ лѣшницамъ, виупри горѣ просѣченнымъ, по казематамъ и башіонамъ, одинъ надъ другимъ усстроенымъ, по двичьему монастырю, къ кошорому ешь также

подземный ходъ. Чшобы въ почпости изобразить Вамъ, сколько романическое, сколько же почши и бесполезное устройство сей чудесной крѣпости, должно еще прибавить слѣдующее: Оная построена на крутой скалѣ, высокою отъ поверхности моря на 30 сажень. Скала сія внутри вся изрыта, а кругомъ обнесена толстою граничною стѣною.

Мы пошли долиною по дорогѣ, идущей чрезъ многія селенія, гдѣ встрѣчались намъ развалины домовъ, множество порубленныхъ деревьевъ, два запущенныхъ женскихъ монастыря и нѣсколько совсемъ оставленныхъ церквей. Въ прехъ версхахъ отъ города показывали мнѣ останки древней Корциры; но я ничего не видалъ, кромѣ высокой стѣны и кучи каменьевъ, какія здѣсь довольно нерѣдки. Пошому и не буду описывать сихъ памятниковъ древности, предоставляя сіе терпѣливымъ искателямъ почпенной спарины. Мы безпрестанно шли садами, гдѣ масличныя, апельсинныя и лимонныя деревья распушь, какъ у насъ береза. Хотя я не Бопаникъ и не думалъ искашь шравъ; однакожь замѣшилъ много такихъ распушій, какихъ мнѣ еще не случалось видѣшь. Мы ворошились назадъ; ибо прищли къ болошамъ, кошорыя теперь очень грязны, хотя жипели и переходяшь оныя безъ всякаго опасенія.

Одежда Корфионовъ состоитъ въ фуфайкѣ, похожей на мапрозскую, и широкихъ Греческихъ шароварахъ. Они ходяшь по большой части босые. Люди высшихъ Сословій носяшь однакожь чулки и башмаки съ пребольшими пряжками. Длинные волосы висяшь надъ глазами; а темя прикрываюшь они маленькою красною скуфейкою. Здѣсь нѣтъ никакого щегольства, и

всеобщая неопрятность происходить не отъ бѣд-носши, а отъ обычая, привычки, а частію, бышь можешъ, и отъ жаркаго климата.

На другой день вспаль я довольно рано и пошелъ осматривать церкви, коихъ въ Корфу считаешся 48. Первая, кошорую мы посѣпили, была церковь *Св. Спиридоніа*. Въ оной лежашъ мощи сего Угодника. Въ преддверіи или на паперши, кошорая никогда не запираешся, живущъ нищіе, неимбующіе другаго при-станища. Ихъ здѣсь шакъ много, что и сно папершей были бы недоспапочно для ихъ помбщенія. На каждой улицѣ сидашъ они рядами и жалосшнымъ голосомъ про-сяшъ милосшыи.

Вездѣ еспъ свои обычаи, кошорыхъ не лзя и не должно осуждашъ; но одному изъ здѣшнихъ, кажешся, не найдешся подражашелей. Повѣрише ли, что мощи *Св. Спиридоніа*, почипаемаго покровишелемъ острова, принадлежашъ одному Дворянину, кошорый имбешъ право, опдавашъ ихъ по наслѣдшеву и въ приданое? (*) Впрочемъ, во всей Греціи, слѣдуя древнему обыкновенію, церкви опдающъ въ наемъ, и спрощель храма пользущешся доходомъ съ онаго, безъ малѣйшаго зазрвнія совѣсти.

(*) Общояшельство сіе не лзя назвашъ справедли-вымъ въ строгомъ смыслѣ. Помянушый Дворя-нинъ еспъ только охранишель мощей *Св. Спи-ридоніа* и Испощишель храма, въ коемъ почипающъ оныя. Сіе-шо почешное званіе можешъ онъ пере-давашъ или завбщевашъ своимъ дѣшямъ и род-ственникамъ. Фамилія Графовъ *Бульгари* пользущешся, съ нѣкошораго уже времени, симъ пишломъ и сопряженными съ онымъ правами. К.

Мы были пошомъ въ здѣшнемъ Соборѣ и еще въ одной Капюлической церкви; но ничего достойнаго вниманія не замѣшили. Живонись, особенно въ сшаринныхъ Греческихъ церквахъ, больше, нежели посредшвенна.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Лаокоонъ.

Ошрывокъ изъ вшорой книги Виргиліевой *Энеиды*.

Тупшъ явилось другое, неслыханно-спрашное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный
шрепешъ!

Лаокоонъ, Нешуновъ избранный Жрецъ, всенародно
Гучнаго богу вола приносилъ передъ храмомъ на
жершву!

Вдругъ чешой . . . ошъ спраны Тенедоса, по
шихому морю —
(Вспомнивъ о шомъ шрепещу!) два змѣя, возлегши
на водѣ,

Рядомъ пльвущъ и медленно шянушся къ нашему берегу!
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые
гребни

Дыбомъ; глубокій излучистый слѣдъ за собой покидая,
Вьюшся хвосты; расгибаясь, стибаясь, вздымающся
спины;

Ишьяся влага подъ ними шумишъ. Всползающъ на
берегъ;

Ярко налипые кровью глаза и рдѣють и блещуть;
Съ свисомъ проворными жалами лижешь разинушы
пасши.

Мы поблѣднѣвъ разбѣжались; чудовища прынули дружно
Къ Лаокоону и двухъ сыновъ его малолѣсныхъ,
Разомъ насшигнувъ, скрушили ихъ шѣло и жадные
вписнувъ

Зубы имъ въ члены, мгновенно загрызли обоихъ. На
помощь

Къ дѣшамъ ошець со спрѣлами бѣжишь; но змѣи, на-
павши

Вдругъ на него и зашавшись крѣпкими кольцами,
дважды

Чрево и грудь, и дважды выю ему окружили
Тѣломъ чешуйнымъ и грозно надъ нимъ поднялись
головами.

Тщешно узлы разорвашъ напрягаешь онъ слабыя руки;
Черный ядъ и пѣна шекушь по священнымъ повязкамъ!
Тщешно, перзаемъ, пронзительный спонъ ко звѣздамъ
онъ подьемлешь!

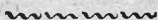
Такъ, опряхая попоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
Бѣсися воль и ревешь, опорвавшись ошъ жертвен-
ной цѣпи! —

Быспро віясь, побѣжали къ высокому капищу змѣи;
Тамъ, досшигнувъ свящилища гнѣвной Трипоны,
припали

Мирно къ спопамъ божесива и подъ щипъ улеглся
огромный.

Жуковскіи

Всякой на свой покрой. (*)

Поршнихъ у насъ въ сполницѣ много;
Всѣ модѣ слѣдуютъ одной:
Шьютъ ровной, кажешься, иглой;
Но видишь, всемашриваясь спрого,
Что каждый шьешь на свой покрой.

Поршними насъ всѣхъ можно счислишь:
Покрой у каждаго есть свой,
И шовъ, кто масперъ самъ плохой,
Другихъ принудишь хочешь мыслишь
И посшупашъ на свой покрой.

Дай Богъ покойнику здоровье!
Вольтеръ чудесный былъ поршной:
Въ стихахъ, записочкѣ проспой,
Въ Ишорьи, въ Сказкахъ, въ Баснословѣ —
Вездѣ найдешь его покрой.

Уча, насъ Комикъ забавляешь:
Денись шому примѣръ живой;
Но Вралькинъ самъ себѣ большой
И на смѣхъ прочимъ одѣваешь
Онъ Талію на свой покрой.

(*) Сія и слѣдующая пьесы взяты нами изъ *Поллярной Звѣзды*, Карманной книжки на 1823-й годъ, о коей подробное извѣщеніе помѣщено въ Р. И. — Изобиліе прекрасныхъ Спихотвореній затрудняло намъ выборъ; но предѣлы сихъ листовъ заста-вили насъ ограничиться — двумя и крашчайшими.

Спарикъ Оедуль; мужь правилъ спрогихъ,
Бышь хочешъ въ домъ головой:
Жена предъ нимъ равна съ правой,
Но головѣ, не хуже многихъ,
Наряды шьешъ на свой покрой.

Языкъ нашъ былъ кафшанъ тяжелый
И слишкомъ пахнулъ спариной:
Даль *Карамзинъ* покрой иной.
Пускай ворчатъ себѣ расколы!
Всѣ приняли его покрой.

Пускай Баллады бабьи сказки;
Пусть чоршъ качаешъ въ нихъ горой;
Но въ нихъ я вижу слогъ живой,
Воображенъе, чувствво, краски; —
Люблю *Жуковского* покрой.

Пусть мнѣ дурачешво съ любовью
Дурацкой шьюшъ колпакъ порой:
Лишь Паркъ бы шолько причешъ злой
Не шоропился по условью
Убращъ меня на свой покрой!

Князь Вяземскій.

Элегія.

Увы! зачѣмъ она блискаетъ
Минушной, нѣжной красотою?
Она примѣшно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой.

Увянешь! жизнью молодою
Не долго наслаждашься ей;
Не долго радуешь собою
Счастливымъ кругъ семьи своей;
Безпечной, милой оспрошю
Бесѣды наши оживляшь
И тихой, ясною душою
Спиральца душу услаждашь.
Спѣшу, въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаешься рѣчей веселыхъ
И наглядѣшься на нее.
Смою на всѣ ея движенья;
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

А. Пушкинъ.

Логогрифъ.

Одиннадцать во мнѣ сочтете ногъ;
А если вы меня на части разобьете,
То многое во мнѣ сыскаете поможетъ Богъ.
Во первыхъ, вы во мнѣ найдете
То, что вы въ зеркаль увидите своемъ;
Что въ васъ шакъ хорошо и мило,
А часто, часто шакъ поспыло
Или въ иной или въ иномъ. —
Найдете вы и то, что встрѣтите въ Драмѣ каждой,
И то, что можете уполять
Тоску мучителей, помимыхъ вѣчной жаждой,
Меня до капли осушать. —

Найдете ягоду, кошорая ропъ вяжешъ
И шупъ же красошу, покинувшую свѣшъ,
Кошорую связалъ свяшой обѣшъ.
Догадка вамъ еще на жершву здѣсь укажешъ;
На жершву славную въ Испоріи спрасшей:
Пошомешву дальнему она легко докажешъ,
На зло всѣхъ шолковъ и рѣчей,
Чшо женщина любишь умѣшъ,
Когда — ряхнешя разумъ въ ней.

Найдете разныхъ здѣсь владыкъ и Королей;
Союзъ мѣсечко здѣсь имѣшъ,

А если одного вамъ мало, шо додамъ
Охошно и другой и прешій.
Свѣшило будущихъ столѣшій,

Вольтеръ Трагедію здѣсь завѣщаешъ намъ,
Таланша славнаго прощальныя обноски.
Ошъищемъ слѣдъ и Руской шѣски
Его Трагедіи, когда угодно вамъ.

Довольно кажешя! Къ концу я присшупаю

И часши разныя я въ *цѣлое* сложу.

Я вещь и всѣмъ равно нужна бываю

И на одинъ конецъ у всѣхъ равно служу;

Но разное у всѣхъ имѣю назначенье,

Иль разнымъ слѣдспвіямъ бываю я виной.

Вы призадумались: вошъ шайны изъясненье,

И вы меня легко дошронешесь рукой.

Расину — на примѣръ — я къ славъ послужила,

А злому Кришику бываю я во вредъ;

Инымъ я блескъ дала, другихъ я очершила;

Во мнѣ шайшя мракъ, во мнѣ шайшя свѣшъ.

Сосудъ цѣлебный я или сосудъ опоравы;

Равно источникъ я беззлавья или славы.

Во мнѣ, что вздумаешь, но черпаешь народъ:

Законодатель — приговоры;

Любовникъ — нѣжности; ревнивый другъ — укоры;

Поэшь, любимецъ Музы — шопъ вкусный, сладкій сошь,

Изъ коего въ стихахъ свой сославляешь мѣдь;

Писатель скучныхъ Драмъ — шопъ элексиръ сно-
шворный,

Которымъ усыплять онъ Публику привыкъ;

Льстець — расписную ложь; *Вздорыкинъ* — Оды
взорны;

На честность пасквили — безстыдный клеветникъ;

Полищикъ — свой Трапашъ; торговля — свой
Тарифъ,

А Стихотворецъ вашъ покорный —

Сей безконечный Логогрифъ.

К. Вяземскій.

Печаташь позволяешя: Января 8-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. II.

П Р О З А.

Сестра милосердія.

(Повѣсть Г-жи Жанлисб.)

Юная Аделаида лишилась матери въ нѣжнѣйшемъ своемъ младенчествѣ. Отецъ ея, богатый Парижскій купецъ, старался дать ей хорошее воспитаніе и не жалѣлъ издержекъ; но въ семъ воспитаніи не было ни извѣснаго плана, ни какого-либо методическаго порядка. До осмысленнаго возраста прожила она подъ надзоромъ доброй своей бабушки. Сія-шо почтенная женщина внушила ей благочестивыя правила, кои никогда не изглаждались изъ ея сердца. Смерть сей попечительной родственницы заставила Аделаиду, возвратившись въ домъ отца своего. Дальнѣйшее ея воспитаніе надлежало вѣрить хорошей надзирашеляницѣ, которая, при сохраненіи строгихъ правилъ нравственности, могла бы вмѣстѣ образовашь въ ней пріятныя таланты и предуготовить блестящіе успѣхи, ожидавшіе ее при вступленіи въ свѣтъ. Отецъ Аделаиды избралъ для сего женщину, которая соединяла въ себѣ всѣ способности и знанія, необходимыя

для воспитанія богашой наслѣдницы. Юная Аделаида училась музыкѣ и пѣнію; славнѣйшій Танцмейстеръ своего времени давалъ ей уроки; она нерѣдко уже посѣщала спектакли и дѣшскіе балы. Всѣ сіи разсѣянія имѣли для нея свою прелесть. Но благочестивыя мысли, кои привыкла она питать съ самаго младенчества, нерѣдко нарушали удовольствіе, кошорое находила она въ семъ шумномъ образѣ жизни. Аделаида имѣла двоюродную сестру, кошорая воспитывалась въ монашырѣ. Она посѣщала ее ошъ времени до времени и — всякой разъ возвращалась домой въ глубокой задумчивости. Сія родственница нерѣдко рассказывала ей о шихомъ, безмяшежномъ счастьи уединенной жизни; о добродушии и кропости благочестивыхъ монахинь. Она сообщала ей многія черты прогашельнѣйшихъ добродѣтелей; черты, кои производили глубокое впечатлѣніе на чувствительную душу Аделаиды. Но впечатлѣніе сіе было только минушное: шумныя забавы и разсѣянія большаго свѣша вскорѣ оно изглаждали.

Г-жа *дель Ормъ* — такъ называлась надзирашельница *Аделанды*, — хотѣла пріобрѣсти любовь своей воспитанницы шѣмъ, что никогда и ни въ чемъ ей не прошиворѣчила. Излишнее сіе снисхожденіе проширалось до такой степени, что сія послѣдняя, не взирая на доброе основаніе своего характера, здѣлалась вскорѣ непослушною и своенравною. Оба сіи порока увеличивались въ ней съ лѣшами и нерѣдко огорчали ошца ея чувствительнѣйшимъ образомъ. Наконецъ, сей послѣдній рѣшился ошданъ ея въ монашырѣ на 6-шъ мѣсяцовъ и — объявилъ ей о семъ

намѣреніи. Аделаида едва шолько вступила въ 15-й годъ своей жизни. Привыкнувъ дѣлать все по своей воли, ошвѣчала она довольно сухо, что исполнишь желаніе родишеля, съ шѣмъ однакожь условіемъ, чтобы ее не отдавали въ монастырь *Св. Маріи*, гдѣ находилась ея двоюродная сестра. „Напрошивъ!“ возразилъ отецъ. „Туда-шо имянно хочу я тебя помѣстить.“ — „Нѣтъ! Нѣтъ!“ вскричала Аделаида; „я ни за что въ свѣтъ не хочу жить въ эшомъ монастырь!“ — „Что эшо значишь? Не сама ли ты хвалила сію обитель, всякой разъ, когда возвращалась опъ своей родшвенницы?“ — „О конечно! Но по эшой-шо самой причинѣ... — „Я тебя не понимаю: говори яснѣ!“ — „Я увѣрена, что если буду жить въ эшой обители, шо никогда уже опшуда не выйду и поспригусь въ монахини.“ Говоря сіи слова, Аделаида не могла воздержаться опъ слезъ: спрашь ея къ удовольствіямъ находилась въ борьбѣ съ шайнымъ влеченіемъ сердца, которое казалось ей непреодолимымъ. Ослѣпленная блескомъ свѣта и увлекаемая въшреносію, свойственной лѣшамъ ея, спрашлась она сего душевнаго побужденія, какъ будшо бы оно было предосудительно. Она живо чувшвовала, что прелестъ добродѣтели и высокіе примѣры, кои будешъ она имѣшь предъ глазами, произведущъ на нее глубокое, неизгладимое впечашлѣніе. — Какъ бы шо ни было, отецъ приписалъ спрашность опшвѣговъ ея безпокойному и своенравному характеру; разлучилъ Аделаиду съ ея насшавницею и самъ опшвезъ ее въ монастырь *Св. Маріи*. Въ первыя двѣ недѣли, юная воспитанница удивила монахинъ своимъ непослушаніемъ, своеволь-

ствомъ и нерадѣніемъ; но, по прошествіи сего времени, была она до того пронута ихъ крошосою и неизмѣннымъ, благочестивымъ шерпѣніемъ, что бросилась къ ногамъ Насшоаяшельницы и со слезами просила у ней прощенія. Аделаида торжественно объявила, повинувшись во всемъ ея волѣ и пользовавшись благошворными ея наставленіями. Она здержала слово и съ сей самой минушы здѣлалась образцомъ для молодыхъ дѣвиць, кои воспишывались вмѣстѣ съ нею и коихъ дошоль ошдала опъ себя несноснымъ своимъ характеромъ. Родшвенница ея Селина, кошорая шолько прешя годами была шпарше Аделаиды, немало содѣйшвовала, примѣромъ своимъ и совѣшами, къ сей счасшливой перемѣнѣ и къ ушверженію ея на пуши добродѣтели и благочестія.

Прошло уже 5 мѣсяцовъ, какъ Аделаида находилась въ обителѣ Св. Маріи. Въ сіе время Селина объявила ей, что намѣрена ошацишь монастырь и вышши за мужъ. Предпріяшіе сіе немало удивило Аделаиду, кошорая была увѣрена, что благочестивая ея родшвенница навсегда ошанешся въ обителѣ и пошрижешся въ монахини. Но Селина имѣла конечно другое назначеніе; ей предшояли другія обязанности и она долженшвовала бышь примѣромъ другихъ, не менѣе шрогашельныхъ добродѣтелей. Въ послѣдствіи Селина оправдала сіи ошиданія въ полной мѣрѣ. Она была превосходною супругою, и нѣжною, попечительною машерью. — Чшожь касается до Аделаиды, шо сія рѣшилась воспріяшь монашескій чинъ. Она сообщила сіе намѣреніе доброй своей родшвенницѣ, кошорая не осуждала онаго, шо шолько совѣшвала ей, зрѣло

е семь размыслишь и не прежде приступишь къ исполненію, какъ по спрогому испытанію себя самой.

Прошло полгода и онецъ Аделаиды явился въ обитель, дабы взять ее съ собою. Но предсавъше себѣ его удивленіе, когда сія умоляла его со слезами, оставишь ее въ монастырѣ. „Я Вамъ предсказывала,“ говорила она ему, „что если поживу въ сей обители, то не захочу уже оставишь оной.“ — Однакожь ни прозьбы, ни слезы ея не имѣли успѣха: она принуждена была послѣдовать за ошцомъ своимъ. Возвращеніе въ свѣшъ не перемѣнило ея образа мыслей. Аделаида не хотѣла болѣе посѣщать ни спектаклей, ни баловъ; съ швердостію ошклоняла она льстивыя убѣжденія Г-жи *дель Ормъ*, кошорая упошребляла всѣ свои силы, дабы снова привлечь ее къ свѣшскимъ удовольствіямъ. „Вспомнише,“ говорила она, „что Вы богатая наслѣдница и что можете здѣлать блисшательную царшію.“ — „Я ни о чемъ не думаю“ ошвѣчала Аделаида, „кромъ спокойшвія въ здѣшней жизни и счастья въ будущей.“ — „Но Вы единственная дочь у своего родителя: если Вы его оставише, то кто же будетъ услаждать его старость?“ — „Селина замѣнишь мое мѣсто: она добра и любезна, и пришомъ же родная племянница башюшкѣ. Онъ найдетъ въ ней всю привязанность нѣжной и попечительной дочери.“ — „Но что будетъ съ пріятными шаланшами, кои получили Вы ошъ Природы и воспитанія? Не ужели Вы оставише Музыку, въ кошорой шакъ много успѣли? Что здѣлается съ прелестнымъ Вашимъ голосомъ, кошорый приводилъ въ восхищеніе всѣхъ, кто шолько Васъ слышалъ?“ — „Я буду

играшь на органѣ и пѣшь хвалебныя пѣсни Всевышнему. Это будетъ полезнѣйшее употребленіе моихъ талантовъ и можешь быть послужишь къ ихъ усовершенствованію. Попрѣше, что внутреннее услажденіе души гораздо предпочтительнѣе всѣхъ похвалъ свѣта, кои только забавляютъ наше тщеславіе, да и шо ненадолго?“ — Г-жа *дель-Ормъ*, недовольная симъ отвѣтомъ, кошорый казался для нея непонятнымъ, удалилась, пожимая плечами.

Аделаида была непоколебима въ своемъ намѣреніи. вмѣстѣ съ симъ, старалась она сблизить Селину съ оцемъ своимъ и во всякомъ случаѣ давала ему замѣтить превосходныя ея качества. Она хотѣла предуготовить, утѣшеніе для его старости и — вскорѣ успѣла въ своемъ намѣреніи. Селина переселилась въ домъ своего дяди, кошорый дѣйствительно нашелъ въ ней вшорую дочь.

Аделаида знала, что ей не позволять постричься прежде 18-ти лѣтъ и съ нетерпѣніемъ ожидала сей эпохи. Но за 6 мѣсяцовъ до наступленія оной возгорѣлась революція. Родственники ея извѣстны были своею приверженностію къ Королевскому Дому и пошому находились въ очевиднѣйшей опасности. Аделаида не хотѣла оставить своего семейства, среди всеобщаго безпокойства и смятенія. Въ концѣ 1790-го года, отецъ ея, кошорый былъ родомъ изъ Альзаса, переселился въ Кольмаръ, вмѣстѣ съ своею дочерью; но Селина и мужъ ея оспались въ Парижскомъ его домѣ.

Въ сіе время отворили во Франціи всѣ монастыри. Видя, что благочестивыя монахини не оставляли

оныхъ, неистовые сподвижники революціи выгнали ихъ именемъ свободы. Сестры Милосердія дѣлали однакожь исключеніе изъ сего правила, частію по тому, что онѣ по большой части не были посприжены, частію же для того, что благородная и полезная цѣль сего Ордена пріобрѣтала имъ всеобщее уваженіе и предохраняла оныя всякихъ преслѣдованій.

Аделаида и отецъ ея нашли по же въ Кольмарѣ, чего хошѣли избѣгнувъ въ Парижѣ: мнимыхъ *друзей свободы и равенства*, снѣдаемыхъ шайнымъ честолюбіемъ и желаніемъ власшвовашь; нечестивцовъ, кои, подъ предлогомъ *истиннѣйшаго Богопочитанія*, покушались изгладить послѣдніе слѣды Религіи; такъ называемые Совѣщы *общественнаго благоденствія*, кои не внимали воплю всеобщихъ бѣдешвій и думали только объ удовлетвореніи буйныхъ страстей своихъ, принося имъ на жертву всякаго, кто казался имъ опаснымъ по своему богатству или знатности, по талантамъ или добродѣтелямъ.

Чрезъ два мѣсяца по прибытіи въ Кольмаръ, Аделаида постигнуша была ужаснымъ несчастіемъ: отецъ ея впалъ въ жестокую болѣзнь и вскорѣ скончался. Попечительная дочь не отходила оныя него во все сіе время, опказывая себѣ во снѣ и успокоеніи. Но болѣзнь его была неизлѣчима, и Аделаида, лишась родителя своего, ушвердилась въ намѣреніи, посвятивъ себя отнынѣ служенію спраждущаго человечества. Въ Кольмарѣ находилось заведеніе, преимущественно назначенное для воспитанія найденныхъ и другихъ бѣдныхъ дѣтей. Надзоръ надъ воспитанниками и внутреннее устройство сего дома поручены

были Сесирамъ Милосердія, кои никогда не оставляли онаго, какъ развѣ для того, чтобы ходишь за больными и перевязывашь раненыхъ, въ городѣ или въ окрестностяхъ. Аделаида удалилась въ сіе благочестивое заведеніе; она возложила на себя одежду Сесиръ Милосердія и здѣлалась усердною ихъ подругою. Она успѣшила написанъ о томъ къ Селинѣ, коюрой вмѣстѣ объявила, что предоставляешь ей все опцовское имѣніе, коего была наслѣдницею.

Аделаида думала найши совершенное спокойствіе въ сей обителі благошворенія и всѣхъ Христіанскихъ добродѣтелей. Но миръ давно уже не обиталъ во Франціи; ибо оный не можешь существованъ тамъ, гдѣ властвуетъ нечестіе. Одинъ изъ самыхъ неистовыхъ Якобинцовъ въ Кольмарѣ, именовъ *гражданинъ Помпей ле-Ру*, зналъ, что Аделаида была наслѣдницею значительнаго имѣнія и принялъ швердое намѣреніе, выдашь ее за мужъ за своего сына, коюрый не задолго предъ тѣмъ развелся съ женою. Сей послѣдній, назначенный Коммиссаромъ въ Бельгію, находился тогда въ опсушенвіи. Гражданинъ *Помпей* здѣлалъ о семъ насмоятельное предложеніе Аделаидѣ, коюрую одна мысль о семъ союзѣ исполнила ужасомъ. Она съ швердосію опвѣчала, что навсегда опказалась опъ замужства и успѣшила возвратишь въ смиренную обитель благочестивыхъ своихъ подругъ.

Гражданинъ *Помпей* былъ весьма раздраженъ симъ опказомъ и поклялся опмститъ Аделаидѣ. Онъ покушался на многія преслѣдованія, кои однакожь не имѣли успѣха; ибо Сесиръ Милосердія пользовались въ народѣ всеобщимъ уваженіемъ. Такимъ образомъ,

Аделаида около года провела въ еей обителѣ. Но наконецъ Якобинцы воспоржесшвовали въ Кольмарѣ, какъ и повсюду во Франціи. Вскорѣ положено было, изгнать Сестрѣ Милосердія изъ ихъ убѣжища и изъ самаго города, выключая только тѣхъ, кои изъявляшъ желаніе, вышши немедленно за мужъ.

Сіи преслѣдованія были еще ужаснѣе для Аделаиды, нежели для прочихъ ея подругъ. Неисповый Якобинецъ, непримиримый врагъ ея, угрожалъ ей даже эшафотомъ, если она не согласишся вступитъ въ еунружесшво съ его сыномъ. Наконецъ онъ далъ ей только двое сутокъ на размышленіе, по прошесшвіи коихъ долженшвовала она явншся съ рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Аделаидѣ не оставалось другаго средшва къ спасенію, кромѣ бѣгшва. Она имѣла въ шомъ счастливыи успѣхъ, при содѣйшвіи одного семейшва, честныхъ ремесленниковъ, кои воспользовались симъ случаемъ, дабы возблагодаришъ за попеченія, приняшья ею въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ о сшарой и больной ихъ родшвеницѣ. Съ ихъ-шо помощію, Аделаида удалилась изъ города во время ночи и благополучно достигла границы. Она чувшвовала живѣйшую радость, когда вступила на чужую землю. Но проводники ея принуждены были съ нею простишся, и сія богатая наследница, долженшвовавшая пользоваться всѣми дарами изобилія и роскоши, осталась одна, въ бѣдности, въ изгнаніи и посреди страны, совершенно ей незнакомой. Все ея имущесшво сошшло въ Распяшіи изъ слоновой кости, которое носила она на шеѣ; въ грубой и просшой одеждѣ и

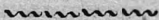
въ небольшомъ чемоданѣ, въ коемъ находились двѣ рубашки, одинъ хлѣбъ, нѣсколько мѣлкихъ монетъ и банка съ бальзамомъ и съ плашьями для перевязыванія ранъ. При всемъ томъ, Аделаида съ восхищеніемъ бросилась на колѣни и благодарила Небо за счастливое свое освобожденіе. „По крайней мѣрѣ,“ сказала она, „я надѣюсь найши здѣсь сердца чувствительныя.“ Едва успѣла она произнести сіи слова, какъ увидѣла первые лучи утренней зари, разгоняшіе мракъ ночи. Не взирая на бѣдственное положеніе Аделаиды, сей возникающій день казался ей однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ ея жизни.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Партизану - Поэту.

(Въ 1814-мъ году.)

Анакреонъ подь дуломаномъ,
Поэшь, рубака, весельчакъ!
Ты съ лирой, саблей пль спаканомъ (*)
Равно не попадешь въ просакъ.

*

Носи любви и Марсу дани!
Со славой крѣпокъ швой союзъ:
Въ день брани — шы любишель брани!
Въ день мира — шы любимецъ Музь!

*

Душа, двойнымъ огнемъ согрѣша,
Въ тебѣ не можешь охладѣшь:
На пламенной груди Поэша
Георгія пріятно зрѣшь.

*

Воинскимъ соблазнясь примѣромъ,
Когда бь Парнассъ давалъ Кресты,
И Аполлона Кавалеромъ
Давно конечно былъ бы шы.

Князь Вяземскій.

(*) Поэшь подь симъ словомъ разумѣешь острья шушки и веселость въ дружескомъ пиру, умѣренно приправленные шѣмъ напишкомъ, кошорый веселишь сердце челоувѣка. *Прим. Издат.*

К ъ Б. *

И шакъ, безпечнаго досуга
Отвергнувъ сладоспный покой,
Ужь ты въ мечшахъ покинулъ друга,
И новый пушь передъ шобой!

Наспанешъ скоро день желанной, —
И воинъ мой, прошивнымъ схрахъ,
Надвинувъ шлемъ, съ мечемъ въ рукахъ,
Лешипъ на голосъ славы бранной.
Иди! Воинспвенный нарядъ
Приличень юноспи ошважной.
Люблю я пушекъ громъ просяжной;
Люблю красивый вахшпарадъ;
Люблю пишомцевъ шумной славы.
Смошри, сомкнулсь въ рашный спрой!
Идушъ — блестящей полосой
Горяшь ихъ шлемы величавы!
Идушъ — вскипѣль кровавый бой!
Люблю ихъ видѣшь въ бивъ шумной,
Лешящихъ въ пламень роковой,
Толпой веселою и бурной.
И вошь — подъ шѣню шаптровъ,
Дружины въспренныхъ Героевъ
Поюшь за чашей славу боевъ
И спыдъ низложенныхъ враговъ!

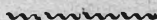
Спѣши же къ нимъ, любовникъ брани:
Сшупай, служи богинѣ бѣдъ
И къ ней съ мольбою швой Поэшь
Подымаешь шрепешныя длани.

Зовушь — лети въ опасный путь!
Да идишь мимо рокъ-губишель!
Люби, рубись — и вѣчно будь
Въ кипящей браки побѣдишель!

Баратынскій.

Фея Моргана къ Оливьеру.

(Изъ Поэмы Миллсва : Карлъ Великій.)

1.

Ужь вечеръ былъ. — Я въ перемъ поспѣшала,
Неслась одна эфирною спракой;
Тамъ плѣнница грустила молодая,
А другъ ея спрадалъ въ земль чужой.
Тебя тогда близъ роши я узрѣла
И на лицѣ румянецъ запылалъ;
Забыла я, куда, за чѣмъ лѣтѣла
И ты одинъ сердечной думой спалъ.

2.

Весны и розъ царвеною воздушной
Предспала вдругъ предъ взоромъ я швоимъ;
Въ волненьи чувствъ, съ надеждой просшодушной
Сказала я: „О Вишязь, будь моимъ!“
Дала кольцо изъ радуги огнистой;
Спустилась ночь; шаиншвенной луной
Осеребренъ кругомъ былъ лѣсъ шѣнистой
И цѣлый мѣръ изчезъ для насъ съ шобой.

3.

Ахъ! въ радостной обихели Морганы,
Въ какихъ бы ты воспоргахъ упохаль;
О сколькобъ разъ мой домъ прозрачнорднй
Эфирныхъ игръ веселоспью блиспаль;
Волшебныхъ арфъ при звонѣ сладкоспруинномъ,
Въ златыхъ лучахъ румяныя зари,
Являлись бы въ пространствѣ мы подлунномъ
И шаялибъ и въ нѣгѣ, и въ любви.

4.

И въ часъ, когда въ полуночномъ молчаньи,
Свой нѣжный свѣшъ льешь мѣсяць молодой,
Слешалибъ мы, о другъ! въ его сіяньи
Къ шомящимся любовною шоской;
Иль въ шемну ночь надъ бурными волнами,
Мелькалибъ мы въ блуждающихъ огняхъ;
Горѣли бы привѣшными звѣздами,
Рождая жизнь въ вшпревоженныхъ пловцахъ.

5.

Но праздноспью швой пылкой духъ скучаешь,
Прелесшнй другъ! скучаешь ты при мнѣ!
Вошъ шлемъ и мечъ! — Со вздохомъ ушупаешь
Тебя любовь и славѣ и войнѣ;
Твоя вездѣ, въ шревоги боевыя
Помчусь и я подругою швоей;
Я брошуся на стрѣлы роковыя
И пришуплю ихъ грудію моей.

И. Козловъ.

Романсъ.

(Que fais-tu là, beau Troubadour?)

„Кого ты ждешь, Пѣвецъ молодой,
Славъ жершвой грозныя измѣны?
Напрасно ищешь дорогой:
Твой другъ сіи оставилъ спѣны.
Увяль швоей надежды цвѣшъ;
На лирѣ — кипарисъ унылой
И пѣснямъ — слезы лишь предметъ!
Пѣвецъ молодой! Твоей нѣшъ милой!“ —

*

Коль другъ далеко опъ меня,
Къ кому прибѣгну въ грустной долѣ?
Пускай средь браннаго огня
Окончу жизнь въ кровавомъ полѣ.
Ахъ! легче зрѣшъ намъ дней конецъ,
Чѣмъ жить съ надеждою поспылой.
Пусть скажутъ всѣ: „Молодой Пѣвецъ
Окончилъ дни, покинуть милой!“

*

Услышь, о другъ, въ послѣдній разъ
На лирѣ скорбной гласъ прощальный;
Не повторишь сей больше гласъ
Ни темный боръ, ни берегъ дальный.
Изъ сердца лира издаешъ
Сей звукъ гармоніи унылой:
Несчастный грушъ одну поешъ,
Когда на вѣкъ оставленъ милой.

*

Цвѣшокъ, порывомъ бурь склонень,
Теряешь блескъ и украшенье;
Спрадась кпо сердцемъ осуждень,
Съ Природой всей дѣлишь мученье.
Сей цвѣшь любви подобье намъ, —
Но оживясь чудесной силой,
Весною блескъ опдасть полямъ;
Но я — не оживу безъ милой!

Д. Гл. Б. въ.

Логогрифъ, помѣщенный въ предыдущемъ Но., значить — *гернильница*, въ коемъ находятся слова: *лицо*, *гернила*, *герница* (ягода), *герница* (монахиня), *Нина*, *Нинъ*, *ни ни*, *Ирена* и *Ирина*.

При семь Но. прилагаешся картинка, изображающая гробницу Кіевскаго Князя *Ярослава Владиміровича*. Крашкое изъясненіе находится при самой картинкѣ. О семь опечесивенномъ памятникѣ упоминаешся въ *Исторіи Государства Россійскаго*, Томъ 2-мъ, стр. 40 и въ примѣчаніи 51-мъ.

Печаташь позволяешся: Января 18-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. *Бирюковъ*.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. III.

П Р О З А.

Сестра милосердія.

(Окончаніе.)

Аделаида, совершивъ свою молитву, успокоилась душою, въ первый разъ послѣ долгихъ спраданій: она не спрашалась болѣе ни доносовъ, ни шемницы, ни позорной казни. Многошрудное ея спрашивание казалось ей прелестною прогулкою. Освободясь отъ ужасныхъ опасностей, кои непрестанно угрожали ей въ опечесивъ, не помышляла она объ опасностяхъ другаго рода, предсвоившихъ ей въ чужой землѣ, гдѣ не имѣла она ни друзей, ни присланица. Наступилъ полдень и утомленная Аделаида почувствовала нужду въ отдохновеніи. Оное было однакожь крашкоременно: едва прошелъ часъ, какъ юная наша спрашаница, съ обновленными силами, снова опправилась въ путь. Черезъ нѣсколько времени, свирѣли пашуховъ и веселое блеяніе овецъ опозвались въ ея слухъ. Прелестнѣйшая музыка въ свѣтѣ не могла доспавить ей большаго удовольствія. Аделаида удвоила шаги свои, и прекрасный лугъ, устьянный многочисленными спа-

дами, представилась ей взорамъ. Живучи въ Кольмарѣ, выучилась она Нѣмецкому нарѣчію, употребляемому въ Альзасѣ: оное было почти то же, самое, коимъ говорятъ Швейцарскіе поселеніе. На семь-но нарѣчій зѣлала она нѣсколько вопросовъ насмухамъ, кои очень хорошо ее поняли и объявили, что на четверть мили отъ сего луга отстоитъ небольшая деревенька, гдѣ можетъ она найти пристанище. Одинъ изъ сихъ добрыхъ людей показалъ ей студа дорогу. Аделаида увидѣла тамъ пять или шесть крестьянскихъ хижинъ, построенныхъ на берегу озера. Но одна только изъ оныхъ казалась обитаемою; ибо хозяева прочихъ не возвратились еще съ поля. Старая женщина, оставшаяся въ деревнѣ, отворила ей двери. Аделаида просила у ней гостепріимства и ночлега; но пресмѣлая крестьянка, которая съ лѣтами потеряла слухъ, не поняла ея словъ и вообразила, что она проситъ милосыни. Она зѣлала знакъ, коимъ просила Аделаиду, подождать нѣсколько у дверей; юная наша путешественница повиновалась. Наконецъ, по прошествіи двухъ или трехъ минутъ, крестьянка возвратилась и подала ей кусокъ чернаго хлѣба и — небольшую мѣдную монету. Неожиданное сіе подаяніе заставило Аделаиду содрогнуться. Но она вспомнила, что давно уже зѣлала обънъ пищи и смиренія, и покрасивъ и съ потупленными взорами, приняла сію скромную милосыню. — Старая крестьянка зѣлала ей знакъ удалиться и довольно сухо зашворила свою дверь.

Аделаида, съ спѣшенною душею, посѣщила оставшій сію деревеньку. Она не зѣлала еще двухъ сотъ

шаговъ, какъ встрѣтила нищаго, который шель па
косьмляхъ. Она немедленно опдала ему кусокъ хлѣба
и мѣдную монету, полученныя ею отъ крещьянки.
Въ послѣдствіи, разсуждая о семъ поспункѣ, Аделаида
невольно вздохнула; ибо она чувствовала, что не
сполько хотѣла здѣлать добро, сколько освободиться
отъ нанесеннаго ей уничиженія.

Наконецъ наступила ночь, и Аделаида, упомленная
усталостію, предалась живѣйшимъ безпокойствамъ.
Но вдругъ услышала она звонъ колокола, и слѣдуя про-
ложенной тропинкѣ, векорѣ достигла довольно боль-
шаго селенія. Она постучалась у перваго дома, и ей
отворили немедленно. Она просила ночлега и при-
станища на нѣсколько часовъ, и добрые хозяева
охотно предложили ей то и другое. Молодая женщина,
пріятной наружности, съ искреннѣйшею ласкою
взяла ее за руку и сказала: „Мы должны благо-
дарить Бога, который, посреди нашего несчастья,
дастъ намъ случай, увидѣвши себя добрымъ дѣломъ.“
Тронутая Аделаида спросила: въ чемъ состояло сіе
несчастье? Молодая хозяйка рассказала ей, что мать
ея, работая въ саду, упала съ лѣстницы и очень
больно ушиблась; что она получила глубокую рану
въ ногу, хотя къ счастью и не переломила оной.
На сіе отвѣчала Аделаида, что она Сеспра Мило-
сердія и умѣетъ перевязывать раны. Крещьянка,
обрадованная симъ извѣстіемъ, немедленно повела ее
въ комнату, гдѣ находилась больная. Аделаида нашла
сію послѣднюю въ самомъ жалкомъ состояніи: всѣ
дѣвши ея стояли вокругъ ея постели и неушѣшно
плакали. Между тѣмъ кровь лилась непрерывно изъ

ея рапъ и никто изъ присушествовавшихъ не находилъ средства, останоивъ оной. Аделаида перевязала ей ногу съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ; употребила въ пользу бальзамъ и пластыри, которые имѣла съ собою, и со всеми должными предосторожностями перенесла ее въ постелью. Благодарность дѣшей и всего семейства превосходила всякое описаніе. Аделаида казалась имъ Ангеломъ-упѣшителемъ, коего само Небо имъ ниспослало. Вообще, Вѣра и благочестіе царствовали въ сей хижинѣ. Аделаида вскорѣ сіе замѣтила, и шѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что пришла изъ такой страны, гдѣ безбожіе и развратъ унизили одну изъ просвѣщеннѣйшихъ націй на послѣднюю степень дикости и варварства.

Аделаида, которая сама имѣла нужду въ успокоеніи, провела ночь въ одной комнатѣ съ больною. Она всякой разъ вспавала съ постели, когда думала, что сія послѣдняя требовала ея попеченій. — Аделаида провела въ сей хижинѣ шесть недѣль, до того времени, когда больная совершенно выздоровѣла. Добрые крестьяне предлагали ей, навсегда останоиться въ ихъ хижинѣ; но Аделаида отказалась, ибо непремѣнно хотѣла вступити въ монастырь. Къ великому своему удовольствію слышала она, что находишься женская обитель неподалеку отъ сей деревни. И такъ она просилась съ семействомъ добрыхъ крестьянъ, кои наполнили маленькій чемоданъ ея сельскими плодами всякаго рода. Они предлагали ей также денегъ; но Аделаида не хотѣла принять оныхъ. Честные поселяне осыпали ее благословеніями и взяли съ нее слово, возвращаясь въ ихъ хижину, если она, по

какимъ-либо причинамъ, не останешся живъ въ помилушомъ монастырѣ.

Для сопровожденія ея въ сію обитель, дали ей мальчика 7-ми или 8-ми лѣтъ, которъй хорошо зналъ сіе мѣсто. Сей послѣдній, дабы сократить дорогу, предложилъ ей идти лѣсомъ; на что и Аделаида охотно согласилась. Это было въ 6 часовъ утра. Юная путешественница и маденькій проводникъ ея спокойно шли по тропинкѣ, какъ вдругъ услышали они, въ довольно близкомъ разстояніи, жалобные стоны. Аделаида остановилась и послала мальчика узнать, откуда оные происходили. Сей понычасъ возвратился и объявилъ ей, что нашелъ спарика, которъй лежалъ подъ деревомъ и плавалъ въ своей крови. „Поспѣшимъ къ нему на помощь!“ воскликнула Аделаида, и побѣжала къ сему мѣсту, предводимая мальчикомъ. Она дѣйствительно нашла спараго чловѣка, довольно хорошо одѣшаго, но окровавленнаго, израненнаго и едва дышущаго. Съ соботѣзнованіемъ искренняго чловѣколюбія приблизилась она къ сему спрадалцу. „Успокойтесь!“ сказала она ему. „Я перевяжу Ваши раны и постараюсь доставить Вамъ облегченіе.“ Услышавъ сей утѣшительный голосъ, незнакомецъ содрогається и подьемлеть ослабѣвшую свою голову. Аделаида смотреть на него и приходишь въ невольный шрепешъ: она узнаеть въ немъ непримиримаго своего врага и гонителя, гражданина *Помпел*.

„Ахъ!“ воскликнулъ сей умирающимъ голосомъ. „Вы шеперь вѣрно меня осшавите.“ — „Нѣтъ! Нѣтъ!“ съ швердосшію возразила Аделаида. „Я хочу спасти Вамъ жизнь, если это шолько возможно.“ Сказавъ

сіи слова, вынула она изъ чемодана всѣ свои бальзамы и пластыри, приложила оныя къ ранамъ *Помпея* и перевязала ихъ съ обыкновенною своею щцательностію. Долговременныя спраданія и сильное впечатлѣніе, которое произвело на него присушествіе *Аделаиды*, лишили его послѣднихъ силъ. Оставивъ его въ лѣсу, безъ всякаго присмотра и попеченія, казалось ей безчеловѣчнымъ. Посему и рѣшилась она, перенести его въ госпепрїимную хижину, которую она недавно оставила. Прежде всего, спаралась она привести его въ чувство, посредствомъ спирта, который всегда носила съ собою. Попеченія ея векорѣ вознаградились желаннѣйшимъ успѣхомъ: несчастный открылъ глаза и произнесъ нѣсколько невнятныхъ словъ, въ изъявленіе живѣйшей своей благодарности.

Аделаида, при помощи маленькаго проводника своего, подняла его къ себѣ на плеча и, хотя съ великимъ трудомъ и напряженіемъ силъ своихъ, перенесла въ хижину. Жители оной встрѣтили ее съ удивленіемъ. Несчастному спрадальцу дали хорошую поспель и *Аделаида* ходила за нимъ съ нѣжнѣйшею попечительностію. Добрые крестьяне вообразили, что она нашла въ немъ ближняго родственника и сообщили *Аделаидѣ* сію догадку. Сія отвѣчала имъ слѣдующими словами: „Для спасенія его жизни, я охотно отдала бы свою.“ Несчастный спарець, услышавшій сей отвѣтъ, поднялъ взоры къ Небу; сердце его исполнилось умиленіемъ и онъ, въ первый разъ, живо почувствовалъ все величіе и благошворное могущество Религіи!

Раны его были не опасны, и по прошествіи нѣсколькихъ дней спраданія его совершенно прекра-

пились. Тогда рассказалъ онъ Аделаидѣ печальное происшествіе, съ нимъ случившееся. Республиканскіе начальники оправили его въ одинъ изъ Швейцарскихъ Кантоновъ, съ нѣкоторымъ важнымъ порученіемъ. Не желая быть узаннымъ, предпринялъ онъ сіе путешествіе верхомъ, въ сопровожденіи одного только слуги. Сей послѣдній зналъ, что господинъ его имѣлъ съ собою значительныя суммы денегъ и рѣшился убить его и ограбить. Приѣхавъ въ лѣсъ, гдѣ нашла его Аделаида, сей злодѣй нанесъ ему дѣйствительно нѣсколько ранъ; похищилъ всѣ деньги и прочія драгоценности и спасся бѣгствомъ на его верховой лошади. Къ сему прибавилъ *Полпей*, что, къ счастью, оспался при немъ весьма значительный вексель на одного Банкира въ Швейцаріи; что онъ напишетъ къ сему послѣднему и немедленно получитъ деньги. Онъ далъ почувствовать Аделаидѣ, что ошдасигъ ей важнѣйшую часть сей суммы. „Я должна сказать Вамъ,“ отвѣчала она, „что Сестры Милосердія здѣлали обѣщаніе нищенны и что имъ не позволено принимать никакой награды отъ людей, о кошорыхъ имѣли они попеченіе. Одинъ Господь можеть награждать насъ и никакая сила человеческая не можеть замѣнить ихъ благъ, кои Онъ ниспосылаеть намъ свыше. Сверхъ того, Вы совѣтъ не обязаны мнѣ особенною благодарностію: я только исполнила свой долгъ. Благодарите Провидѣніе: Оно одно могло сохранить Вашу жизнь. Завтра оставлю я сію хижину и конечно никогда уже Васъ не увижу. Если Вы дѣйствительно имѣете ко мнѣ нѣкоторую дружбу; то я найду Вамъ средство, докажеть мнѣ оную.“ — „Говорите! что долженъ я здѣлать?“

Въ угожденіе Вамъ гошовъ я всѣмъ пожертвовашь.“ — „Хорошо“ отвѣчала Аделаида и сняла съ себя Распяшіе, которое всегда носила на шеѣ. „Преклоните же колѣна предъ симъ священнымъ образомъ и общайше мнѣ, не забываясь послѣдняго нашего разговора.“ Аделаида произнесла сіи слова твердымъ и шоржественнымъ голосомъ. Самое лицо ея озарилось какимъ-шо небеснымъ величіемъ. Тронутый спарець, съ благоговѣніемъ и воспоргомъ, упалъ на колѣна и сказалъ: „Я вижу въ Васъ истиннаго Ангела-ушѣшителя и спѣшу воспользовашься Вашими благошвореніями. Я опрекаюсь ошъ пагубныхъ своихъ заблужденій и дѣлаюсь усерднымъ Хрисшіяниномъ. Завшра же приглашу къ себѣ Священника и во всѣ дни моей жизни буду благодарить Провидѣніе, которое избрало Васъ для моего спасенія и насшавленія на путь истины!“ — При сихъ словахъ, онъ сошворилъ крестное знаменіе и облобызалъ Распяшіе, проливая благочестивыя и сладосшныя слезы.

Аделаида бросилась къ нему на шею, называла его опцемъ своимъ и осыпала благословеніями. Слезы ихъ смѣшались и сладосшнѣйшія чувшвованія, внушенныя истиннымъ благочесшіемъ и успокоенною совѣстію, наполняли умиленныя сердца ихъ.

Въ эшу самую минушу, молодая поселанка взошла въ комнату и была свидѣшельницею сей прогашельной сцены. „Приблизшесь,“ говорилъ ей шарикъ, „и узнайте въ полной мѣрѣ Ангельскую доброшу сей дѣвщицы. Вы ошибались, почитая меня ближнимъ ея родешвенникомъ. Наброшивъ: я былъ непримиримымъ ея врагомъ и жесшочайшимъ гонителемъ. Она нашлась

принужденно оставишь опечесство, дабы спасишь ошь заключенія, а можешь бышь и ошь смерши; и я былъ виновникомъ всѣхъ ея бѣдствій. Вы видѣли, какъ она мнѣ опмстила.“ При сихъ словахъ обратился онъ къ Аделаидѣ и продолжалъ: „Дѣвица благочеснивая и свяшая! Обращивъ меня на путь истины, ты дала мнѣ полное право, осыпашъ себя благословеніями! Я съ пронумымъ сердцемъ разлучаюсь съ шобою; но не беспокоюсь о швоей участи: Ангелы небесные будутъ швоими проводниками и покровителями. Я съ своей стороны намѣренъ ошпашься въ сей странѣ, дабы окончишь дни свои посреди народа благочесниваго и добродѣтельнаго. Здѣсь постараюсь я загладишь свои прешупленія и, подобно тебѣ, буду молишь Небо о благоденствіи нашего опечесства, о возвращеніи въ оное свяшой Вѣры, единшвеннаго источника внушренняго мира и спокойшвія.“

Такъ говорилъ спарець, и слезы живѣйшаго умиленія блискали въ глазахъ его. — На другой день Аделаида оставила хижину, сопровождаемая искреннѣйшими благословеніями всѣхъ ея обитателей и ушѣшенная внушреннымъ сознаниемъ добраго дѣла, коего орудіемъ избрало ее Провидѣніе.

Она удалилась въ ближній монастырь, коего смиренныя обитательницы приняли ее дружественнѣйшимъ образомъ. Тамъ провела она ошпашокъ дней своихъ и вкусила въ полной мѣрѣ шо счастье, которое душа, истинно благочеснивая, всегда обрѣпашетъ въ обители мира и Хрисшіанскаго милосердія.

Сельская жизнь въ Англии.

Кто хочетъ имѣть истинное понятіе о характерѣ Англичанъ, тотъ не долженъ ограничиваться наблюденія свои одною только столицею. Для сего надобно проникнуть во внутреннія области; надобно обозрѣть мѣстечки и селенія; посѣтить замки и загородные дома, жилища ошкупщиковъ и крестьянскія хижины; бродить по садамъ и Паркамъ; посѣщать сельскія церкви и присушивать при Богослуженіи; видѣть ярмарки и разные деревенскіе праздники; словомъ, познакомиться со всѣми обычаями, забавами и приходами народа.

Въ большихъ городахъ, повсюду почти, заключается богатство и вкусъ націи; оныя нерѣдко служатъ единственнѣмъ мѣстопребываніемъ высшаго Сословія и образованныхъ обществъ; въ оныхъ обитають, по большоѣ части, одни только бѣдные поселяне. Въ Англии напрошивъ, столичный городъ служишь только временнѣмъ средоточіемъ образованныхъ Сословіи, гдѣ проводятъ оныя извѣстную часть года, въ забавахъ и увеселеніяхъ. Когда же пройдетъ сей родъ Карнавала, то всѣ сіи особы возвращаются къ сельскимъ своимъ обиталищамъ и ко всѣмъ привычкамъ сельской жизни. По сей-то причинѣ общества всякаго рода разсыяны по всей Англии, и въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ ея находящіяся люди высшихъ, образованнѣйшихъ состояній.

Англичане одарены особенною привязанностію къ сельской простотѣ. Они имѣють живое чувство къ красотамъ Природы и страшно любящъ удоволь-

спивія и занятія деревенской жизни. Склонность сія кажется въ нихъ наследственной. Постояннѣйшіе городскіе жители, воспитанные посреди каменныхъ стѣнъ и въ шумныхъ улицахъ, легко принимаютъ сельскія привычки и показываютъ охоту и готовность къ деревенскимъ занятіямъ. Каждый купецъ въ Англіи имѣетъ маленькое убѣжище близъ города, гдѣ ешолько же гордится разведеннымъ собственными его руками цвѣтникомъ и зрѣющими плодами, какъ и обширными оборотами своей торговли. Даже и небогатые люди, обязанные проводить жизнь въ городскомъ шумѣ, стараются развесити у себя садикъ, который бы напоминалъ имъ о зеленѣющихъ сѣняхъ Природы. Въ самыхъ мрачныхъ и шумныхъ частяхъ города, часто подъ окнами расшутъ цвѣтны; каждое мѣсто, не занятое строеніемъ, покрыто мягкимъ дерномъ и испещрено красивыми произрастѣніями; всякая площадь посреди города предшавляетъ маленькой садъ, со вкусомъ расположенный и привлекающій взоры свѣжею зеленью.

Смотря на Англичанъ въ Лондонѣ, можно возмѣтть невыгодное мнѣніе о сей націи, относительно къ общежительности. Они всегда кажутся или чрезвычайно занятыми, или разсѣянными отъ множества приглашеній, которыя въ сей обширной столицѣ наполняютъ все время, всѣ мысли и чувства. Отъ сего-то, почти всегда, имѣютъ они видъ нѣкоторой поспѣшности. Да и дѣйствительно Англичанинъ, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда спѣшитъ въ другое мѣсто; разговаривая съ однимъ, мысли свои устремляетъ уже къ другому, и поспѣшивъ пріятеля, расчитываетъ время для другихъ визитовъ, предназначенныхъ имъ

въ то же утро. Столь обширный и шумный городъ, какъ Лондонъ, невольно дѣлаешь людей эгоистами и нечувствительными. Встрѣчаясь случайно между собою, говоряшь они мало и избѣгають подробностей; характеръ ихъ обнаруживается только поверхностно; пошребно время и случай, чшобы естественныя свойства онаго явились намъ въ благопріятнѣйшемъ видѣ.

Но въ деревнѣ Англичанинъ даетъ полную свободу своимъ природнымъ склонностямъ. Онъ снѣвшишь позабышь холодныя приличія и пришворныя учтивости городскія. Онъ оставляетъ обыкновенную свою скрытность, происходящую отъ осшорожности. Веселость и опкровенность къ нему возвращаются. Окруживъ себя всѣми удобностями и пріятностями сельской жизни, изгоняешь онъ всякое принужденіе. Загородный домъ его избилуешь всѣмъ, чшо только служишь къ удовольстворенію вкуса, или чшо нужно для деревенскихъ занятій. Тамъ вы найдеша книги, каршины, Музыку, верховыхъ лошадей, псовую охоту и всѣ нужные для оной снаряды. Хозяйка избавляетъ гостей своихъ отъ принужденія, спараясь подавашь имъ собою примѣръ и, въ духѣ истиннаго гостепримства, изыскиваетъ всѣ средства къ наслажденію, предоставляя на волю каждаго, избирашь удовольствія по своему вкусу.

Англичане имють особый вкусъ въ обрабошываніи полей и въ Садоводствѣ. Они въ точности изслѣдовали Природу и умють, съ особеннымъ искусствомъ, сосредоточиваешь красоту ея и показываешь оныя съ наивыгоднѣйшей стороны.

Ничто не можетъ быть разительнѣе величія Англійскихъ Парковъ: обширныя равнины, покрытыя свѣжею зеленью; разсыяныя мѣстами группы исполинскихъ деревь, развѣсившихъ вокругъ себя густыя сѣни; торжественное величіе роцей, надъ копѣрыми, шумнымъ пологомъ несущая снада дичи, гдѣ испуганный заяць спѣшишь въ чащу деревьевъ, или фазанъ подымлетъ свои крылья при приближеніи охотника; ручей, вѣющійся въ легкихъ изгибахъ или ниспадающій съ горы въ цвѣтущую долину; отдаленный прудъ, на зеркаль коего дремлетъ изсохшій листъ, а въ прозрачныхъ водахъ безопасно гуляютъ форели; далье, какой-нибудь кельхій храмъ или статуя Пана, опъ времени проникнувшая влагою и поросшая мохомъ: — все придаетъ сей искусственной пустынь нѣкошорый видъ классической древности.

Всего восхищительнѣе видѣшь творческій даръ Англичанъ, при украшеніи скромныхъ жилищъ посредственнаго состоянія. Самое дикое мѣстоположеніе, самая бесплодная и каменистая полоса земли, въ рукахъ Англичанина, превращается въ прелестный садъ. При первомъ видѣ кѣждаго мѣста, съ рѣдкою проникаемостью, предначертывается уже онъ себѣ планъ для будущаго ландшафта. При неусыпномъ его спараніи, самая дикая пустыня принимаетъ прелестный видъ; но при всемъ томъ едва примѣшны усилія искусства въ его произведеніяхъ. Попечительная разсадка шибиневыхъ деревь и щадательное отдѣленіе вредныхъ вѣшвей; методическое размѣщеніе цвѣшвовъ и другихъ растѣній; зеленые уступы бархатнаго дерна; опкрывающіеся мѣстами прекрасные виды, по въ сущую

даль, то на серебристыя воды, — все сіе показывается въ Англіи сколько же искусства и старанія, сколько найдете вы въ любимой картинѣ Художника, сколько что оконченной волшебною его кистію.

Богатые и образованные Англичане, живучи въ деревнѣ, распространили сей вкусъ къ украшеніямъ даже на самыя низшія Сословія. Бѣдные люди, живущіе въ хижинахъ, покрытыхъ соломой, довольствующіеся малымъ клочкомъ земли, стараются украсить его по возможности. Вокругъ домовъ ихъ возвышается красивая терраса, служащая нѣрѣдко вмѣсто забора; передъ ворошамъ видите вы деревяную площадку; тамъ цвѣтникъ, обсаженный кустарниками; здѣсь жимолость, кошорая извивается вокругъ стѣны; на окнахъ горшки съ разнообразными цвѣтами. Все сіе показываетъ вліяніе хорошаго вкуса, коимъ жители Англіи отличаются во всѣхъ состояніяхъ. Если любовь, какъ говорятъ Спихсворцы, охотно посѣщаетъ хижины, то она вѣрно избересть хижину Англійскаго поселянна.

(Окончаніе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Романсъ.

Когда, душа, просилась шы

Исчезнуть иль любить;

Когда желанья и мечты

Къ тебѣ шѣснились жить;

Когда еще я не пилъ слёзъ

Изъ чаши бытія; —

За чѣмъ тогда, въ вѣнкѣ изъ розъ,

Къ шѣнямъ не отбылъ я?

За чѣмъ вы начертались такъ

На памяти моей,

Единый молодости знакъ,

Вы пѣсни прошлыхъ дней?

Мои сѣдьютъ волоса,

Цѣвницу я разбилъ; —

За чѣмъ же ваши голоса

Мнѣ слухъ мой сохранилъ?

*

Не возвратише счастья мнѣ,

Хоть дышеть въ васъ оно:

Съ нимъ въ промелькнувшей спаринѣ.

Проснился я давно.

Не возмущайте жъ, я молю,

Вы сна души моей

И слова спрашнаго: *люблю,*

Не повпоряйте ей!

Баронъ Дельвинъ.

Филомела.

(Изъ Гёте.)

Отрокъ Амуръ тебя вѣрно вскормилъ, о пѣвица!
Дѣтской рукой подавалъ пищу тебѣ на смѣхъ:
Ядъ мясежной спроси разлился по звонкому гласу —
И Филомела разишь силой любви сердца!

В. Тило.

Четырестишиё.

Довольны бышь мы не умѣемъ;
Преградъ желаніямъ не зримъ;
О дняхъ пропекшихъ сожалѣемъ,
А настоящее бранимъ.

Д. Гл.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. IV.

П Р О З А.

Сельская жизнь въ Англіи.

(Окончаніе.)

Привязанность знашныхъ Бришанцовъ къ сельской жизни имѣла сильное и полезное вліяніе на характеръ націи. Нельзя найти лучшихъ мушннъ, какъ Англійскіе Дворяне. Въспо слабоспн и извѣженноспн, оплачающей во многихъ другихъ земляхъ людей высшаго Сословія, являющъ они соединеніе красоспн и силы, крѣпкаго сложенія и благопріятной наружноспн. Качеспва сіи можно вообще приписашъ свѣжему воздуху и сельскимъ упражненіямъ. Сіи послѣднія много способсшвуютъ къ развншію какъ шѣлесныхъ, такъ и душевныхъ силъ, къ искренности и проспоспн нравовъ, кошорыхъ и самыя городскія разсѣянія совершенно испребншш не могутъ. Сверхъ шого, въ деревнѣ всѣ классы общеспва имѣютъ свободнѣйшее сообщеніе и пошому благопріятнѣе дѣйсшвуютъ другъ на друга. Разлічіе соспояннй не преняшсшсшсшсш сему соединенію съ такимъ упорсшсшсшсш, какъ въ городахъ. Споспбъ раздѣла имѣннй на малыя помѣсшья и мызы

произвель между всѣми сосноянїями, начиная отъ знатныхъ и зажепочныхъ помѣщиковъ и богатыхъ опкушчиковъ до самыхъ просныхъ земледѣльцевъ, нѣкоторую поспешенность, кошорая, согласивъ взаимныя ихъ права и шребованїя, доспавила каждому извѣспную независимость. Надобно однакожь признашья, что время многое перемѣнило и что въ послѣднїе неблагопрїяшныя годы, когда большїя помѣстья поглотили шакъ сказашъ малыя, въ нѣкопорыхъ часпяхъ Англїи классъ мѣлкопомѣспныхъ владѣльцевъ совсѣмъ пѣчши испребилса.

Въ сельскихъ заняпїяхъ нѣшъ ничего низкаго или недосшойнаго людей образованныхъ. Напрошивъ, оныя приводяшъ человѣка къ созерцанїю величїя и красоты Природы; возбуждаюшъ и сохраняюшъ чувспвишельность сердца его, чистѣйшими и прїяшнѣйшими впечатлѣнїями. Простота и нѣкопорая суровоспъ правовъ, свойспвенная поселянину, не унижаюшъ впрочемъ сего Сословїя. Посему-шо человѣкъ образованный не боится уронить себя обхожденїемъ съ низшими сосноянїями, особливо въ сельской жизни. Тамъ оплагаешъ онъ всякую гордосп и, забывая всѣ различїя сосноянїй, охотно предаешя истиннымъ, живѣйшимъ наслажденїямъ жизни.

Сему-шо сближенїю образованныхъ общеспвъ съ поселянами можно приписашъ шѣ живыя чувспвованїя, коими дышешъ Бришанская Поэзія: сіи привлекащельныя описанїя сельской жизни, сіи несравненныя картины Природы, кои находимъ мы въ Англїйскихъ Спихошворцахъ. Должно замѣшпшь, что сей вкусъ къ описательной Поэзіи оспалса неизмѣннымъ въ Ан-

глійскої Липшерашурѣ, починая опъ Чаусерова Спихопворенія: *Цвѣтокъ и листокъ*, до нынѣшнихъ времянь. Чистая Идиллія Спихопворцевѣ другихъ націй, можно сказашь, что они какъ-бы *мимоходомъ* посѣщали Природу и наблюдали толькo общія ея красоты. Напротивъ того, въ твореніяхъ Англійскихъ Поэтовъ видно, что они постоянно жили вмѣстѣ съ нею; что они проникли во внутренность сокровеннаго ея свяшилаща; что наблюдали всѣ ея красоты и силы, дѣйствія и движенія. Малѣйшее препешаніе въпви опъ легкаго дуновенія вѣшерка; шорохъ листочка, падающаго на землю; жемчужная капля росы, блестящая на зелени растѣній; бальзамическій запахъ, восходящій опъ скромной фіалки; пышный амараншъ, распускающій пурпуровые листки свои предъ солнечнымъ восходомъ, — ничто не скрылось опъ сихъ тонкихъ и спрашныхъ наблюдателей; все умѣли они облекашь въ прелестную одежду Поэзіи и нравоченія.

Сія склонность чувствительныхъ душъ къ сельскимъ занятіямъ имѣешь какое-то чудесное вліаніе на искусственное украшеніе Природы, на утонченное образование прелестныхъ видовъ. Большая часть Британскаго острова состоишъ изъ равнинъ и безъ оживляющаго населенія казалась бы единообразною. Но сія спрана покрыва замками и прекрасными зданіями и, такъ сказашь, испещрена садами и Парками. Не будучи богата обширными и возвышенными видами, Англія предспавляешь намъ по большой частши скромныя явленія сельской пишины и безмяшежнаго спокойствія. Каждый спаринный домъ ошкупщика,

каждая хижина, мохомъ обросшая, спановишся карпиною; вездѣ вспрѣчаешъ роци и куспарники, пресѣкаемыя извивающимися пропинками; вездѣ взоръ любуешся множествомъ разнообразныхъ и привлекашельныхъ ландшафтовъ.

Но главную прелеснь Англійскихъ сельскихъ видовъ составляешъ нѣкошорое правспвенное чувштво, неразрывно сопряженное съ пріятнымъ впечатлѣніемъ оныхъ. Здѣсь невольно приходишь мысль о порядкѣ, спокойствіи и благоразуміи сихъ деревенскихъ жишелей, о строгой ихъ правспвенности и о достойной подражанія привязанности къ обычаямъ предковъ. Каждый предметъ, кошорый вы здѣсь находите, кажется плодомъ единообразной, тихой жизни, переходившей отъ отца къ сыну и продолжавшейся цѣлыя столѣтія. Древняя церковь съ своими низкими каменными воротами, съ Гопическими главами и раскрашенными окнами; красивые памяшники воиновъ и Рыцарей, предковъ нынѣшняго Помѣщика; другіе надгробные камни съ надписями, сохранившіе имена многихъ поколѣній, коихъ пошомки воздѣлываютъ все еще то же поле и преклоняющъ колѣна предъ шѣмъ же олшаремъ; Паспорскій домъ, красивое, но неправильное спроеніе, отчаспи довольно спарое, отчаспи же вновь переспроенное и украшенное послѣдними хозяевами; низкій заборъ и пропинка, ведущая къ кладбищу, между обильныхъ полей и густыхъ куспарниковъ; ближнее село, съ своими древними хижинами и бархашными лугами, гдѣ подѣтнію деревъ забавлялись предки нынѣшнихъ обшашелей; спарый господскій домъ, споящій отдѣльно

и какъ бы владычествующій надъ окрестностями: въ сіи обыкновенныя черты Англійскаго сельскаго вида показывающъ какую-то мирную, благоустроенную безопасность, какое-то наследственное уваженіе семейныхъ добродѣтелей, которое глубоко и profoundly свидѣтельствуетъ въ пользу нравственнаго характера націи.

Въ воскресный день по утру, когда просяжный звонъ колокола раздается по мирнымъ долинамъ, Англійскіе поселяне, въ лучшемъ нарядѣ своемъ, съ свѣтлыми лицами, изображающими веселіе чистыхъ душъ, полнами идутъ въ церковь, по дорогѣ, усаженной зелеными кустарниками. Пріятно также видѣть, когда они ввечеру собираются передъ своими хижинами, любуются простыми ихъ украшеніями и наслаждаются выгодами домоводства, кои приготовлены собственными ихъ руками.

Сія-то сладостная любовь къ родинѣ, сія постоянная привязанность къ удовольствіямъ домашней жизни — служить самою твердою опорою для добродѣтели и доставляетъ самыя чистыя удовольствія. Нельзя лучше заключить сихъ крашкихъ замѣчаній, какъ словами одного Англійскаго Стихотворца:

„Во всѣхъ сословіяхъ, начиная отъ пышнаго замка и богатыхъ городскихъ зданій, до скромнаго сельскаго жилища мирной посредственности, до соломенной кровли и уединенной долины — островъ сей издавна былъ спранию, гдѣ семейное счастье нашло себѣ постоянный пріюстъ; гдѣ оно, подобно вѣжной горлицѣ, собрало пшеницы въ гнѣздѣ своемъ; гдѣ чело-вѣкъ, заключившій міръ свой въ себѣ самомъ и отка-

завшійся опъ шумнаго свѣша, находишь, еще и въ земной жизни, то безмятежное счастье, которое служишь ему предвѣшникомъ блаженства небеснаго. Такъ скромной цвѣшокъ, сокрытый въ ущелии горъ, съ улыбкою развертываетъ листочки свои, когда благотворный лучъ солнца оживишь его, хотя на минушу, своимъ свѣсомъ и щедротою!“ (*)

Съ Нѣмецк. С.

Рудольфъ Аккерманъ,

*славный Художникъ, фабрикантъ и Книгопродавецъ
въ Лондонѣ.*

Не входя въ споры о преимуществахъ прежняго и нынѣшняго времени, — споры, всегда болѣе или менѣе пристрастные, — не можемъ однакожь не сознаться, что успѣхи истиннаго просвѣщенія, благотворныя мѣры Правительствъ, великодушное ободреніе Наукъ и Искусствъ, повсемѣстное облегченіе взаимныхъ связей между народами, важныя открытія и изобрѣшенія, доставляющъ нашему вѣку и современникамъ великія выгоды, опчасши совершенно неизвѣстныя предвѣдущему поколѣнію. Къ числу шаковыхъ выгодъ принадлежишь конечно и сближеніе всѣхъ Сословій, составляющихъ гражданское общество: необходимое послѣдствіе просвѣщенія, коего благотворныя лучи равно процикають въ чертоги и въ хижину.

(*) Мѣсто сіе взято изъ одной Элегіи на смерть Принцессы Шарлотты, соч. Г. Кеннеди.

Изъ сего-то источника происпекають — взаимное уваженіе сихъ Сословій, искреннее сознание необходимости каждаго изъ оныхъ и наконецъ — поспешное истребленіе предразсудковъ, вредныхъ успѣхамъ общежитія, народной промышленности и внутреннему благосостоянію.

Государи Христіянской Европы, во всякое время, покровительствовали Науки и Художества; уважали отличные таланты и умѣли цѣнить ихъ произведенія. Но въ нашемъ вѣкѣ, сіе ободреніе Наукъ и Искусствъ здѣлалось однимъ изъ существенныхъ условій каждаго благоустроеннаго Правительства. Высокіе Владыки и предшавители народовъ не только награждаютъ Ученыхъ и Художниковъ; но и спавяють ихъ на ряду съ прочими служителями опечесива, подвизавшимися на полѣ брани или въ должностяхъ Гражданскихъ. Августы новѣйшихъ временъ торжественно признаются, что *Виргилій* и *Горацій* присоединили споль же несудаемые лавры къ вѣнцу своего Государа, какъ и побѣды, одержанныя его Полководцами.

Сей великодушный образъ мыслей распросранился и на всѣ высшія Сословія. Лишператоры и Художники, копорые недавно еще составляли кругъ, совершенно отдѣльный, имѣють нынѣ входъ въ блистательнѣйшія общества; пріобрѣтають себѣ дѣятельныхъ друзей и покровителей; оживляють и украшаютъ бесѣды свѣтскихъ людей, споль же пріятнымъ, какъ и насшавительнымъ образомъ; пользуются всеобщимъ уваженіемъ согражданъ и не находящъ болѣе затрудненій въ благонамѣренныхъ своихъ предпріятіяхъ.

Художникъ, коего сообщаемъ мы крапкую Біографію, служишь живымъ доказательствомъ сей истины. Не имѣя выгодъ ни рожденія, ни воспитанія, посредствомъ однихъ только трудовъ и того покровительства, коимъ пользуются нынѣ шаланшы во всякомъ родѣ, приобрѣлъ онъ богатство, почести и славное имя во всей просвѣщенной Европѣ. Тѣ же самыя отличныя способности оспались бы можеть быть сокрытыми въ уединенномъ углу его отчизны, если бы онъ появился на свѣтъ — 50-ю годами ранѣе!

Рудольфъ *Аккерманъ* родился въ Штольбергѣ, что въ Саксонскомъ гдѣніи, въ 1764-мъ году. Отець его былъ искусный сѣдельникъ и гошовиль его для сего же ремесла. Молодой *Рудольфъ* обучался нѣсколько времени въ городской Гимназіи, но не докончивъ полного Курса, долженъ былъ оставить оную и приняться за мастерство отца своего. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, послали его путешествовать, какъ то всегда дѣлается въ Германіи съ молодыми ремесленниками. (*) Въ Парижѣ и Брюсселѣ работалъ онъ на фабрикахъ извѣснѣйшихъ карешниковъ и повсюду находилъ желанный случай, показавъ отличныя свои способности и усовершенствовать Механическія и Художественныя свѣденія. Онъ обращалъ вниманіе свое на всѣ предметы Моды и роскоши, въ особенности же на тѣ, кои относились къ удобности,

(*) По древнему и во многихъ отношеніяхъ весьма полезному обычаю, не могутъ они получить званіе мастера, если не провели нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ и не привезутъ отшуда одобреніельныхъ свидѣтельствъ.

богатству и красотѣ экипажей. Искусство его въ рисованьи приобрѣло ему уваженіе фабрикантовъ и прочихъ особъ, съ коими находился онъ въ сношеніи. Но желаніе, увидѣть еще другіе города и познакомиться съ другими обычаями, заставило его, оставивъ оныя всѣхъ выгодъ, кои имѣлъ онъ въ Брюссель, и отправившись въ Лондонъ. Здѣсь нашель онъ одного соотечественника, именемъ *Фаціуса*, копорый, на собственный свой счетъ, издавалъ Модный Журналъ съ раскрашенными картинками. Сіе подало мысль *Аккерману*, предпринять нѣчто подобное. Собравъ всѣ свои деньги, издалъ онъ нѣсколько тетрадей съ рисунками каретъ и колясокъ, собственного его изобрѣтенія. Новыя и красивыя формы оныхъ понравились Лондонской Публикѣ и обратили на него всеобщее вниманіе. Богатые люди заказывали ему новые рисунки и сіе - то положило основаніе обширному торгу Художественными произведеніями, копорый производишь онъ и понынѣ. *Аккерманъ* вскорѣ потомъ женился на Англичанкѣ, въ коей нашель себѣ дѣятельную помощницу; записался въ Лондонскіе граждане и завелъ, посреди сей обширной столицы, прекрасный магазинъ, копорый, безъ всякаго увеличенія, можно признашь первымъ въ своемъ родѣ. Оный извѣстенъ подъ названіемъ *Хранилища Искусствъ* (*Repository of Arts*) и соединяетъ въ себѣ все, что только касается до изящныхъ и Механическихъ Художествъ, Моды и роскоши. Прекрасная Библіютека для чтенія соединена съ симъ магазиномъ. — Принцъ-Регентъ (нынѣшній Король), съ самага начала, оказывалъ *Аккерману* великодушнѣйшее покровительство

и досель удостоиваетъ его своимъ благоволеніемъ. Вся прочія особы Королевскаго Дома споль же къ нему благосклонны и нерѣдко посѣщаютъ его заведенія. Принцесса *Елизавета* поручила ему даже собственныя свои рисунки для изданія.

Аккерманъ умѣетъ пользоваться каждымъ новымъ изобрѣщеніемъ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ, кои дѣлали удачныя опыты надъ непроницаемымъ полошномъ, шерстяною тканью и бумагою (*Water-proof*), равно какъ и надъ освѣщеніемъ посредствомъ газа. Сочиненіе извѣстнаго Химика *Аккума* о семъ послѣднемъ предметѣ (*Treatise on Gaze-light*), напечаталъ *Аккерманъ* на собственный свой счетъ. — Лучшія Литографіи, кои выходятъ нынѣ въ Англіи и нимало не уступаютъ Парижскимъ, суть также произведенія *Аккермана*. — Онъ издалъ множество дорогихъ и прекрасныхъ сочиненій, относительно къ Искусствамъ и роскоши. Книжная торговля его ограничивается швореніями сего рода; но оныя находяща у него въ такомъ множествѣ, какое едва-ли можно встрѣтить въ знаменитѣйшихъ Европейскихъ Библіотекахъ. Онъ имѣетъ также самое полное собраніе Карриатуръ, по большой части остроумно изобрѣщенныхъ и искусно ошдѣланныхъ. *Аккерманъ* посылаетъ ихъ, въ весьма значительномъ количествѣ, не только во внутреннія обласи Великобританіи, но даже въ Остъ- и Востъ-Индію. Модный Журналъ его, подъ названіемъ: *Repository of Arts, Litterature, Fashions* и проч., есть безъ сомнѣнія превосходнѣйшее изданіе въ своемъ родѣ и продолжается уже около 10-ти лѣтъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Каждая книжка украшена

3-мя или 4-мя карпинками, превосходно раскрашенными и продается въ Лондонѣ по 4 шилл. (Разумѣется, что для Пренумераншовъ обходился Журналь сей гораздо дешевле). — Наибольшую славу приобрѣлъ *Аккерманъ* изданіемъ прекрасныхъ Топографическихъ сочиненій, съ большими видами, гравированными in Aqua-tinta. Знапки единогласно признаются, что оныя превосходятъ все, донынѣ извѣстное въ семь родѣ. Первое изъ сихъ изданій было — *Описаніе Лондона* (Miscrocosm of London), въ 3 частяхъ въ 4 и со 164-мя раскрашенными видами. Здѣсь найдете вы всѣ публичныя зданія, со внутренностію оныхъ; городскія площади, рынки и разныя народныя сцены. Засимъ издавъ онъ, въ томъ же форматѣ и съ одинаковымъ совершенствомъ, внутренніе и внѣшніе виды Веспминстерскаго Аббатства, Виндзорскаго дворца, Оксфордскаго и Кембриджскаго Университетовъ и пр. Все сіе составляетъ 9 томовъ въ большую 4-ку и стоить въ Англіи 60 фунт. ст.; но экземпляры первыхъ описковъ всѣ уже почти раскуплены. — Нѣкоторыя сочиненія Спихошворца *Сомервилл* украсилъ *Аккерманъ* прекрасными картичками, вырѣзанными на деревѣ. Онъ собралъ здѣсь работы всѣхъ лучшихъ Художниковъ, занимающихся симъ родомъ рѣзбы; ибо желалъ показати, до какой степени совершенства дошли въ Англіи и въ сей отрасли Искусства.

Аккерманъ не менѣе достоинъ уваженія въ частной своей жизни, какъ и въ Художественныхъ предпріятіяхъ. Онъ имѣетъ многочисленное семейство и воспитывалъ дѣтей своихъ со всею попечительно-

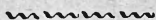
сною добраго ошца и щедростію богатаго челоѣка. Нѣкошорые изъ сыновъ его обучающа вѣ Швейцаріи, подѣ руководствомъ знаменишаго *Песталоцци*. Бѣдные родсвенники его вѣ Саксоніи посшоаянно пользующа его пособіями. Вѣ 1813-мѣ году, когда собирались пожертвованія вѣ пользу несчастныхъ семействъ вѣ Германіи, пострадавшихъ ошъ послѣдней войны, показалъ онѣ себя дѣяшельнѣйшимъ другомъ челоѣчества и особеннымъ благошворителемъ своихъ соошечесшвенниковъ. Архіепископъ Каншербурійскій избралъ его для раздачи 100,000 фунш. стерл., назначенныхъ для сей цѣли ошъ Парламенша, и *Аккерманъ*, не взирая на множество собсшвенныхъ дѣлъ своихъ, не шолько принялъ на себя ошотно сіе попеченіе, но и вѣ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ неушомимо занимался перепискою, справками и разсылкою денегъ по сему предмешу. Много слезъ осушилъ онѣ вѣ Саксоніи и во всей Германіи; многочисленна семейства произносятъ имя его съ уваженіемъ и благодарностію.

Е. В-во, Король Саксонскій, наградишь Паптріотическое его усердіе, пожаловавъ ему Орденъ *Гражданскихъ заслугъ*, кошорый и возложенъ на него Посланникомъ, Барономъ *Юстомъ*. Сверхъ шого, изъ Мейсенской фарфоровой фабрики присланы ему и ревностнѣйшимъ его сошрудникамъ вѣ семѣ подвигѣ драгоцѣинныя вазы, парочно здѣланныя по сему случаю и украшенныя приличными надписями. — Когда Принцъ *Леопольдъ* Саксенъ - Кобургскій вшупилъ вѣ супружесшво съ Принцессою *Шарлоттою*; шю все внутреннее украшеніе дворца своего поручилъ онѣ

Аккерману, съ полною и лестною довѣренностію. — На фабрикахъ сего почтеннаго Художника шрудятся ежедневно до 600 человекъ. Въ 1818-мъ году предпринималъ онъ путешествіе на твердую землю, частію для того, чшобы всшунпшь въ ближайшее сношеніе съ Алоизіемъ *Зенефельдеромъ*, коему одолжены мы изобрѣненіемъ Липографіи. *Аккерманъ* дѣйствительно воспользовался симъ посѣщеніемъ, дабы усовершенствовать себя и въ сей отрасли Искусства. Съ помощію одного соотечественника, кошораго привезъ онъ съ собою въ Лондонъ, распространилъ онъ Липографическое свое заведеніе и, въ короткое время, успѣлъ уже здѣлать оное первымъ во всей Англій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ А. О. В — ву.

Стиховъ желаешь ты, любезнѣйшій Поэшь!

Ты лучшихъ жизни благъ у шруженника просишь —

И, опнимая ихъ, последнее уносишь,

Чѣмъ радуешься онъ, чѣмъ непримѣнный слѣдъ

На жизненномъ пуши цвѣтами усыпаешь,

Чѣмъ онъ безцѣнные ушрапы возвращаешь

И призракамъ надеждъ даруешь бышіе.

Довольно щещныхъ жершвъ обманчивымъ желаньямъ!

Довольно слабостей безплоднымъ ожиданьямъ!

Пора съ собою жишь — и шайное свое,

Ниспосланное въ даръ отъ горяго собора

Безмерныхъ Музь, хранишь для избранныхъ друзей,

Для неподкупнаго ихъ правды приговора

И роздыхъ вкусу дашь убійшвенныхъ судей,

Законодатель священиаго Искусства,

Гдѣ все постигъ ихъ умъ, измѣрилъ, оцѣнилъ

И шолько невзначай въ шрудъ своемъ забылъ

Порывы подсперечь воспорженнаго чувства!

На зрѣлищѣ ума посредникъ легкихъ думъ

Поэша робкаго и зрительей отважныхъ,

Головъ ты передашь на судъ враговъ присяжныхъ,

Чшо въ праздные часы внушилъ неспрогій умъ.

Чшо пользы для меня? Я встрѣчусь шамъ съ бѣдою —

И, можешь быть, навѣкъ разсорюся съ шобою:

Зачѣмъ ты дни мои безпечные смушилъ

И шихое души веселье погубилъ?

Гоговъ признашья я: бесѣдуя съ Каменою,
Спокойствія ищу, вознаграждаю дни,
Когда безплодно мной ушрачены они;
Поэзія мнѣ жизнь — послѣднею замѣной
Насильно взяшаго холодною судьбой.

За чѣмъ же повергаешь на судъ неумолимыхъ,
Что тайно ввѣрилъ мнѣ смягченный жребій мой
Въ замѣну радостей, ничѣмъ невозвратимыхъ?

Такъ — мысль любимая, какъ милая черта,
Изображенныя покорною рукою,
Пріявши образъ свой въ стихахъ передо мною,
Со мной бесѣдуешь, влечешь мои мечты . . .

О, нѣтъ, не въ силахъ я взыскашельное мнѣнье
Поспавишь судіей моихъ сокрытыхъ благъ!

Пускай раздѣсишься въ неслышимыхъ снѣгахъ
Невозмущенное свирѣли пѣснопѣнье!

Какъ чижь, испуганный свиспящею стрѣлой,

Изъ лука пущенной въ орла подь небесами,

Поспѣшно кроется межъ легкими листьями,

И въ робости шашетъ незвонкій голосъ свой:

Такъ я безмолвствую въ моемъ уединеньи,

Враговъ *Карамзина* увидя въ ополченьи.

Плетнезь.

Г у с ь .

Б а с н я .

Въ кашпанахъ по уши, у барина въ дому,
Гусь жирной хвастался судьбой предъ ушкой дикой;
Онъ знаки щедростей, оказанныхъ ему,
Счишалъ своихъ заслугъ наградою и ошпикой.

„И жалко и смѣшно смотришь на эту спѣсь,“
Дикарки былъ опившись: „шутъ есть ошибка въ счетѣ.
Живемъ мы про себя, вы про другихъ живете;
Мы кормимся, а васъ опкармливаюшь здѣсь.“

К. Вяземскій.

Къ В. П. У — вой,

копирой Авшоръ обязанъ былъ написать стихи, проигранные
объ закладъ.

Ты пребуешь стиховъ скоропоспѣшныхъ,
И думаешь, что такъ легко ихъ сочинаяшь,
Какъ для тебя — пѣняшь насъ грѣшныхъ.
Нѣшь! риемы во сто разъ пруднѣе покоряшь
И ихъ поднесешь тебѣ въ Экспромпѣ новомъ.

Ты побѣждаешь — однимъ словомъ;

Ты взглянешь — все у ногъ.

Ссуди меня на часъ прекрасныхъ взоровъ силой,
Своей улыбкой милой —
И самъ Парнасскій богъ,
Забывъ свѣшпшь въ полудни міру,
Придешь мою настроишь лиру —
И будешь пѣшь себя со мной!

В — 68.

Печатаемъ позволяется: Февраля 1-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Буруковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. V.

П Р О З А.

Парни въ книжной лавкѣ.

(Изъ Булльи.)

Скромность и простота нравовъ были опличительными свойствами знаменишаго Эвариста *Парни*. Глубокая ученость и сprogий вкусъ соотвѣтствовали опличному его таланту; но онъ не любилъ выспавлять ни того, ни другаго. При счастливой безпечности характера, ничего онъ не искалъ, кромѣ спокойствія. Веселость его была нешумная, непри-
нужденная, но шѣмъ болѣе неистощимая. Пріятная бесѣда *Парни* привлекала ему всѣ сердца и заспавляла всѣхъ и каждаго, искашь его дружбы.

Я причисляю къ счастливѣйшимъ днямъ моей жизни то время, которое провелъ я съ *Парни*, когда были мы Членами Главной Коммисіи объ училищахъ. Это было зимою 1795-го года. Царство ужаса миновалось уже во Франціи и бѣдственныя слѣды его начинали, мало по малу, изглаждаться. Благошворный гласъ знаменишыхъ и почтенныхъ согражданъ не былъ уже болѣе заглушаемъ дикими воплями безначалія. Печальное зрѣлище необузданнаго юношества, предоспавленнаго

влеченію буйныхъ спрасшей своихъ, возбудило вниманіе Правительсва и удосновѣрило его въ необходимости новыхъ учебныхъ заведеній. Для сего составлена была особенная Коммиссія, изъ людей, извѣстныхъ Липперашурными своими свѣденіями и безпорочною нравовъ и, какъ бы нѣкошорымъ чудеснымъ образомъ, спасшихся опть бѣдснвй революціи. Къ сей-то Коммиссіи былъ я тогда причисленъ и имѣлъ въ числѣ моихъ сотрудниковъ — знаменитаго Кавалера *Парни*, сего *Тибулла* Франціи, кошорый въ сіе время долженъ былъ скривашься подь скромнымъ именемъ *Эвариста*.

Личное уваженіе и дружесшво, кои внушалъ мнѣ любезный характеръ *Парни*, вскорѣ сравнились съ шѣмъ удивленіемъ, кошорое всегда имѣлъ я къ его таланту. Занятія наши были не ошягошисельны и оставляли намъ много свободнаго времени. Мы пользовались онымъ, дабы читашь вмѣстѣ знаменитѣйшихъ Поэшовъ нашего отечества. *Расинъ* и *Лафонтенъ* наиболѣ насъ занимали. Когда *Парни* проходилъ со мною ихъ шворенія и сопровождалъ сіе чтеніе тонкими и насшавительными замѣчаніями; шо живой воспоргъ, возбужденный въ немъ сими неподражаемыми Спихошворцами, побѣждалъ природную его заспѣвчивосшь. Казалось, что Геній ихъ воспламенялъ его восбраженіе новымъ огнемъ и придавалъ его траснорѣчію новую, непреодолимую силу. Присемъ показывалъ опть споль здравый вкусъ, споль тонкое Эстетическое чувсшво, споль глубокія свѣденія, что слушаая *Парни*, мнилъ я видѣшь предь собою спхъ двухъ великихъ Писашелей.

Знаменимый соприудникъ мой не могъ долго пропшшься желанію, принести новыя жерпвы на олшарь богинь, осыпавшихъ его шоль обильными вдохнове- ніями. Испинный шаланшъ можешъ оставапшься сокрытымъ на время и, шакъ сказапшь, смъшашься съ шолпою людей обыкновенныхъ; но рано или поздно, пропшвъ собешвеннаго ошданія, обнаруживаешся оный въ полномъ своемъ блескѣ. Темное облако скрываетъ иногда лучезарное сіе свѣпшло опъ нашихъ взоровъ; но минушное сіе запмѣніе вскорѣ проходапшь, и оно ошашъ появляешся въ прежней своей красотѣ и величіи. — Здоровье *Парни* было въ сіе время весьма разспроено: неушомимыя его заняпшія и душевныя безпокойства наиболѣе къ шому содѣйствовали. Онъ принужденъ былъ наблюдать спрожайшую діету и молоко здѣлалось главною его пищею. Дочь Смошри- шеля, молодая дѣвушка лѣшъ 14-ти, именовъ *Элеонора*, приносила ему каждое ушро свѣжія сливки. Привле- кашельная ея наружность, пріятный голосъ, самое имя, напоминавшее Кавалеру *Парни* шу женщину, ко- торую прославилъ ошъ въ своихъ Спихошвореніяхъ: — все предупреждало его въ пользу юной молошницы, кошорую вскорѣ полюбилъ онъ съ ошеческою нѣжно- стію. Доброша ея сердца и невинное простодушіе дѣйшвишельно сіе заслуживали. Вдругъ сія молодая дѣвушка впала въ жестокую горячку и находилась въ очевиднѣйшей опасности. Тогда Кавалеръ *Парни* проводилъ цѣлыя ночи у ея постели; давалъ ей лѣкар- ство и оказывалъ ей всѣ попеченія, какія шолько лучшій ошець можешъ имѣпшь о любимой своей дочери. Но всѣ сіи старанія были безплодны; всѣ пособія

искуснаго Врача оставались безъ успѣха. Юная *Элеонора* окончила дни свои, тихо и спокойно, обративъ послѣдніе, угасающіе взоры на почтеннаго своего благошворителя. Ранняя смерть ея сильно подѣйствовала на *Парни*. Слѣдующіе стихи написалъ онъ при мнѣ, по сему горестному случаю:

(*) „Давно ль сокрылся дѣшства слѣдъ?

Давно ль, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,

Она плѣняла, наслаждалась,

Безпечны шрашила часы,

Казалась Ангеломъ красы

И какъ Невинность улыбалась?

Порывы бурные спрасшей

Не возмущали мирныхъ дней:

Еще любви она не знала! . . .

Но непоспѣжныя Судьбы

Не вняли дружества мольбы —

И роза юная увяла.

Ея конецъ спокоенъ былъ;

Она уснула безъ ропшанья

И послѣ долгаго спраданья,

На легкихъ крыльяхъ упованья,

Духъ крошкѣй къ Небу воспариль! —

Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ,

На алыхъ юности устахъ;

Такъ голосъ пшички замираетъ,

Поющей въ миршовыхъ кушахъ!“ . . .

(*) Слабый переводъ, или лучше скажешь, подражаніе стихамъ *Парни*, кои прекрасны въ подлинникѣ. К.

Трогательная сія Элегія вскорѣ здѣлалась извѣстною въ кругу сослуживцовъ нашихъ, а ошъ нихъ перешла и къ прочимъ любителямъ Поэзіи и Словесности. Тщешно Авшоръ скрываль свое имя, споль же знаменитое, какъ и драгоцѣнное для всѣхъ истинныхъ друзей изящнаго. Таланшъ его предалъ сію шайну и въ короткое время вся Парижская Публика съ удовольствіемъ узнала, что Кавалеръ *Парни*, подъ скромнымъ именемъ *Эвариста*, посвящаль полезныя труды свои опечесству и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ Членовъ Училищной Коммисіи.

Вскорѣ пошомъ, знаменитый сотрудникъ мой, безъ всякой съ его стороны прозбы или старанія, призванъ былъ къ важнѣйшимъ должностямъ, сопряженнымъ для него съ большими выгодами. Жалованье его было не только доспащочнымъ для нужнѣйшихъ потребностей жизни, но и открыло ему возможность возобновить мало по малу свою библіотеку. (*Парни*, подобно прочимъ Лишператорамъ Франціи, принужденъ былъ продать всѣ свои книги, во время всеобщихъ бѣдствій.) Съ какимъ удовольствіемъ опдѣлялъ онъ для сего извѣстную сумму изъ жалованья, которое выдавали намъ каждый мѣсяць! Онъ радовался, какъ ребенокъ, когда покупаль новыя и прекрасныя изданія любимыхъ своихъ Авшоровъ: *Горація* и *Тибулла*, *Расина* и *Лафонтена*. Онъ охотно показываль сіи приобрѣтенія друзьямъ своимъ и, обращаясь къ книгамъ, восклицаль съ восшоргомъ: „Вы опяшь у меня, безсмертныя образцы и лучшіе друзья мои! Вы оживите мою старость, украсите дни мои и благошворнымъ огнемъ Поэзіи воспламените вновь мое воображеніе.“

Теперь я надеюсь, что мы никогда уже не расстанемся.“

Парни обыкновенно покупали свои книги у одного Книгопродавца, именем *Фрокара*, человека просвещенного и честного. Сей последний почитал за особенное удовольствие, доставляя ему лучших изданий хороших сочинений, кои сам он покупал по большей части съ публичного торгу или по случаю. Лавка его была невелика и соответствовала спешенному его положению, весьма разброшенному революціею. Книги, кои *Фрокаръ* не могъ помѣстить въ оной, сохранялись въ особенномъ магазинѣ, кошорый занималъ онъ въ одной изъ ближнихъ улицъ. Сюда принадлежали почти всѣ рѣдкія и дорогія сочиненія, имѣющія цѣну въ глазахъ охотника, но неизвѣстныя большой части прочихъ покупателей.

Однажды *Парни* зашелъ къ нему на дорогу въ Комиссію и спросилъ одной книги, въ коей имѣлъ онъ надобность. „Здѣсь ее нѣтъ,“ отвѣчалъ *Фрокаръ*, „но она у меня въ магазинѣ. Если бы я не былъ одинъ; то бы сей часъ за нею сходилъ.“ — „Потрудишесь“ сказалъ ему *Парни*; „а я между тѣмъ поберегу вашу лавку.“ При сихъ словахъ Спихошворецъ садится на мѣсто Книгопродавца и начинаетъ заниматься сочиненіемъ, кошорое въ то время приводилъ онъ къ окончанію. Едва успѣлъ онъ написать нѣсколько стиховъ, какъ отворяется дверь, и одинъ изъ мнимыхъ остроумцевъ, кои, выучивъ наизусть нѣсколько чужихъ фразъ, прикрываютъ оными совершенное свое невѣжество, съ шумомъ входитъ въ лавку.

Сей Липшерапоръ - самозванецъ, видя предъ собою сухаго и блѣднаго челоуѣка, довольно просто одѣшаго, принимаетъ его за Книгопродавца и спрашиваетъ ошрызненымъ тономъ, котораго люди сего рода почишаютъ необходимымъ для моднаго Писателя: „Есть ли у Васъ — *Маротицескія Стихотворенія*?“ Кавалеръ *Парри*, взявшій на себя роль *Фрокара*, немедленно всааетъ, ошрыскиваетъ въ лавкѣ сочиненія *Клемана Маро* и подаетъ ихъ незнакомцу. Сей раскрываетъ на удачу первый томъ и находитъ въ ономъ извѣстную Балладу: *Безнежные* (*Les enfans sans souci*). Онъ начинаетъ читать первые стихи; но шаринный языкъ сего Поэтика кажется непонятнымъ для мнимаго Ученаго. „Что это за вздоръ?“ восклицаетъ онъ съ негодованіемъ. — „Но Вы сами спрашивали *Маротицескія Стихотворенія*?“ — „Конечно; но это не то, мой другъ, советъ не то.“ — „Сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ другихъ.“ — „Какъ? А шѣ *Маротицескія Стихотворенія*, гдѣ упоминается о какой-то *Элеоноръ*?“ — „Вы вѣрно говорите объ опытахъ *Парри*?“ отвѣчаетъ Поэтъ, тихимъ голосомъ и съ нѣкоторымъ невольнымъ смущеніемъ. — „*Парри*! точно! Вѣдь онъ писалъ *Маротицескія Стихотворенія*?“ — „Вы хотите сказать: *Эротическія*. — „О, *Эротическія* или *Маротицескія*, это почти все равно.“ — „Да, почти“, возразилъ *Парри*, стараясь скрыть свою усмѣшку и подавая ему 2 маленькіе тома въ 16-ю долю, переплеченные въ сафьянъ и съ золотымъ обрѣзомъ. . . „Вошь онъ!“ — „Что цѣна? — „Признаюсь, что я не могу Вамъ вдругъ сказать.“ — „Вошь забавно! Вы не знаете цѣны своимъ книгамъ?“ —

„Здѣсь переплеть можешь быть дороже самаго сочиненія. Кажешься однакожь, что я могу ошданы ихъ за 6 франковъ.“ — „Но Вамъ извѣстно, что ученымъ людямъ всегда дѣлается маленькая уступка“ — „Но совѣщи, я не могу Вамъ ничего уступить: это послѣдняя цѣна.“ — „Если такъ, то вотъ и деньги.“ — Незнакомецъ расплачивается, беретъ съ собою книги и выходитъ изъ лавки, бросивъ гордый взоръ покровительсва на Поэша, кошорый такъ хорошо сыгралъ свою роль.

Между шѣмъ настоящимъ Книгопродавецъ возвращается и приноситъ съ собою сочиненіе, коего желалъ *Парни*. Сей послѣдній, съ громкимъ смѣхомъ, рассказываетъ ему свое приключеніе. „За сколько же продали Вы свои сочиненія?“ спрашиваетъ его *Фрокаръ*. — „За 6 франковъ.“ — „Возможно ли? онѣ стоятъ болѣе, нежели вдвое!“ — „Какъ? Эшѣ двѣ маленькія книжки въ 16-ю долю?“ — „Но вспомнише, что онѣ напечатаны на веленовой бумагѣ, украшены картинками *avant la lettre*, переплечены превосходно. Крайняя цѣна — 12 франк. Къ тому же, все изданіе шеперь раскуплено и это былъ послѣдній экземпляръ.“ — „Виновашъ! Я не думалъ, чтобы мои сочиненія были такъ дороги.“ — „Вы одни только не знаете себѣ цѣны.“ — „Послушайте, любезный *Фрокаръ*; я не хочу, чтобы Вы оспались въ убыткѣ отъ моего невѣжесва. Эшотъ покупатель довольно меня позабавилъ, и я охотно возьму на себя, вознаградишь Васъ за сію потерю.“ — „Вы шушите, Г. *Парни*!“ — „Нимало: я былъ представителемъ Вашей особы и дурно сыгралъ свою роль; слѣдо-

вашельно, и причиненный убышокъ должно опнести на мой счесть.“

Во время сего разговора, остановилась предъ лавкою богашая кареша. Изъ оной вышла Дама, соединявшая всю красоту молодости съ нѣкошорою привлекательною скромностію, симъ вѣрнымъ признакомъ хорошаго воспитанія и неразлучною спутницею истинныхъ достоинствъ. Съ ласковымъ видомъ подошла она къ Книгопродавцу; а сей принялъ ее съ искреннимъ уваженіемъ. Все удосповѣряло *Парни*, что сцена перемѣнилась и что прекрасная незнакомка была споль же умна и образована, сколько мнимый Лишператоръ самолюбивъ и невѣжеспвенъ.

„Любезный *Фрокъаръ*,“ сказала Дама, „посѣщайте вознаградите меня за важную потерю, здѣланную мною въ послѣднее путешествованіе. Вы конечно помните дорожную библиотеку, которую собрали Вы для меня съ такимъ стараніемъ: она заключала въ себѣ лучшія произведенія нашихъ Спихошворцевъ — 100 томовъ въ маленькомъ форматѣ. Все это помѣщалось въ богатомъ ящикѣ, который Вы же для меня заказывали. Вообразите, что этошъ ящикъ, вѣроятно дурно привязанный къ моей карешѣ, потерянь однажды во время ночи. Я разослала людей своихъ по всей дорогѣ; дѣлала всѣ возможные поиски; но — тщетно. Словомъ, я лишилась лучшихъ друзей моихъ, пріяшнѣйшихъ собесѣдниковъ въ уединеніи и ушѣшителей въ горести. Надобно, чтобы Вы ояшь для меня собрали эту маленькую библиотеку, и пришомъ какъ можно скорѣе; а между тѣмъ, пожалуйте мнѣ Спихошворенія Кавалера *Парни*.“ — „У меня ихъ нѣтъ, Милосшивая

Государыня; сію минушу продавъ послѣдній экземпляръ, кошорый бы мнѣ пріятнѣе было видѣшь въ Вашнхъ рукахъ, нежели у того, кто его купилъ.“ — „Такъ постарайнесь ошъискать мнѣ другой. Эшо любимое мре чпеніе: я пославляю Пѣвца *Элеоноры* паравнъ съ *Овидіемъ* и *Тибулломъ*.“ — „Въ такомъ случаѣ, Вы ему дѣлаете много чести,“ сказала *Парни* съ усмѣшкою, кошорая прекрасной незнакомкѣ показала проницескою. „Вы эшо находише?“ возразила она, бросивъ проницательный взоръ на Спихошворца, коего приняла она за одного изъ зависливыхъ Крипиковъ, кошорые всегда гошовы унижать истинный шаланшъ. „А мнѣ напросивъ кажешся, что *Парни* превзошела всѣхъ своихъ предшесшвенниковъ и современниковъ, чистшошою и пріятношнію языка, живоснію чувства, прелестію каршинъ и очаровательною непринужденношнію своей Поэзіи.“ — „Спихошворецъ, кошорый воспѣвалъ любовь, конечно имѣешь неоспоримыя права на снисхожденіе прекраснаго пола. — Имя *Парни* безъ сомнѣнія драгоцѣнно всякой чувствительной женщины; но оно не менѣе уважешся всѣми, кто шолько умѣетъ цѣнншъ истинный шаланшъ. Чшо можешъ бышь нѣжнѣе его Эрошическихъ Спихошвореній; чшо можешъ бышь прогательнѣе его Элегій? Онъ соединяетъ въ себѣ шаланшы *Катулла*, *Тибулла* и *Проперція*, и всѣхъ ихъ превосходитъ чувствительношнію. Словомъ, *Парни* есть первый, единшвенный Спихошворецъ въ своемъ родѣ.“ — „Признаюсь,“ возразилъ *Парни*, кошорый едва могъ скрышь пріятное свое смяшеніе, „чшо я не ожидалъ имѣшь сегодня ученый споръ, и пришомъ съ шшоль опасною прошивницею.

Сама *Элеонора*, если бы она была жива, не могла бы лучше защитить своего друга.“ — „Я совсѣмъ не знаю *Парни*“, отвѣчала *Дама*, „и никогда его не видывала, хотя бы очень желала его встрѣтить. Но ничто не заслѣпляетъ меня, перемѣнитъ свое мнѣніе о прелестной его *Поэзіи*. Я всегда скажу, что онъ принадлежитъ къ числу *Спихошворцевъ*, кои украшаютъ нашъ вѣкъ и опечесство, и что въ своемъ родѣ не имѣетъ онъ ни соперниковъ, ни достойныхъ подражателей. Душевно жалѣю о тѣхъ, кои не могутъ или не хотятъ цѣнить его таланта.“

Сказавъ сіи слова, прекрасная незнакомка бросила на него пронизательный взоръ и ласково поклонясь *Книгопродавцу*, вышла изъ лавки.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

Индѣйскіе Гіероглифы.

(Изъ путешествіенныхъ записокъ Г. Скулкрафта.)

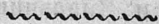
— Сего дня поушру опшравились мы въ дальнѣйшій пушь. Сопровождавшіе насъ Индѣйцы вздумали оставишь памяшникъ нашихъ спранствованій: опи вырѣзали на древесной корѣ множесшво разныхъ фигуръ и знаковъ, кои служатъ въ сихъ спранахъ вмѣсто писменъ. Сіи Гіероглифы изображаются обыкновенно красками или вырѣзываются ножемъ, на кускъ березовой коры, кошорый прикрѣпляютъ пошомъ къ высокому колу. Сей послѣдній наклоняется нѣсколько въ шу спорону, куда опшравились путешественники. Насъ увѣряли, что обычай сей есть весьма древній и господсшвуетъ между всѣми Индѣйскими поколѣніями. Тѣмъ болѣе показалось мнѣ спраннымъ, что ни одинъ изъ моихъ предшесшвовашелей не упоминаетъ объ ономъ.

Сцупники наши изобразили каждого изъ Экспедиціи особеннымъ знакомъ. Такимъ образомъ, *сабля* означала Порупчика *Маккал*, какъ военного Офицера; *книга* — Докшора *Дати*, какъ ученаго мужа; *молотокъ* — меня, какъ Минералога. *Шляпа* опшличала Европейцовъ опъ коренныхъ жищелей. Изображенія черепахи и пещерева означали, что мы дорогою убили сихъ живопныхъ; при облака предсшавляли при огня, кои разведены были въ нашемъ лагерѣ; 8 ружей показывали, что при насъ было 8 вооруженныхъ людей; голова Европейца, съ изображеннымъ подлѣ него языкомъ, предсшавляла нашего Переводчика.

Такимъ образомъ всякой Индеецъ безъ труда могъ понять, что на семь мѣсѣй останавливалось 14 Европейцевъ и 2 проводника; что въ числѣ первыхъ находилось 5 Офицеровъ и Чиновниковъ, 1 Переводчикъ и 8 человекъ солдатъ; что на пуши занимались мы охотою и ш. д. Впрочемъ каждое поколѣніе Индейцевъ имѣеть, какъ намъ сказывали, особливые Героглифы, для другихъ непонятныя.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Открытая тайна.

„Скажи мнѣ, ошъ чего (жена меня спросила)
Всегда такой огонь въ Поэзіи твоей?“ —
Мудренаго шушь нѣшъ — ошѣшпшповаль я ей —
Элеонора мнѣ чернильницу купила.

*

Дивяшся, что судьба слѣпая мнѣ судила
И въ спароспи спихи любовные писаль;
Гошовъ я въ двухъ словахъ загадку разгадашъ:
Элеонора мнѣ бумагу подарила.

*

Съ ребячества меня Природа приучила
И въ прозѣ и въ спихахъ о спраспи говоритъ;
Сосшарѣлся таковъ . . . и какъ иначе бышь?
Элеонора мнѣ всегда перо чинила.

*

Коль Муза иногда въ унынье приходила
И мрачныя я съ ней каршины рисоваль;
Одну всегда шому причину примѣчаль:
Элеонора шушь свою со мной дѣлила.

*

Когда моя мечша весь мѣръ лицешворила
И неба и земли я списываль красы, —
Опашь-шаки въ сіи прекрасные часы
Элеонорина мнѣ кшшпочка служила.

*

И шакъ, мой Геній, духъ любви, воспоргъ и сила —
Элеонориныхъ все дѣйствіе даровъ.

За что же я одинъ шакъ взысканъ опъ боговъ? . . .
Въ нашуръ вамъ ошвѣшь: — она меня любила!

К. И. Долгорукій.

Романсъ.

(Изъ Поэмы: *Лалла-Рукъ.*)

Есть тихая роща у быспрыхъ ключей;
И днемъ тамъ и ночью поешъ соловей,
Тамъ свѣшлыя воды привѣшно текушь,
Тамъ алыя розы красуясь цвѣшущъ.
Въ шу пору, какъ младость манила мечшашъ,
Въ той рощѣ любила я часто гуляшь;
Любуясь цвѣтами подъ тѣнью густой,
Я слушала пѣсни и мѣла душой.

Той рощи зеленой мнѣ вѣкъ не забыть,
Мѣша наслажденья! Какъ васъ не любишь?
Но съ лѣшомъ ужъ скоро и радость пройдетъ
И душу невольню раздумье беретъ:
„Ахъ въ рощѣ зеленой, у быспрыхъ ключей
„Все такъ ли, какъ прежде, поешъ соловей?
„И алыя розы осенней порой,
„Цвѣшущъ ли все такъ же надъ свѣшлой струей.“

Нѣтъ! розы увяли, мушите струя
И въ рощѣ не слышно шеперь соловья!
Когда же красуясь тамъ розы цвѣли,
Ихъ часто срывали, вѣвиками плели.

Блескъ нѣжныхъ листочковъ хошя помраченъ,
Въ росѣ аромашной ихъ духъ сохраненъ
И воздухъ свѣжился душистой росой;
Всена миновала — а вѣшь весной.

Такъ памяшью можно въ минувшемъ намъ жишь
И чувствѣ упоенье въ душѣ сохранишь;
Такъ вѣшь ошрадно и поздней порой
Бывалая прелесъ любви молодой!
Не вовсе же радости время возьмешъ!
Пусть младость увянешъ; но сердце цвѣнешъ
И сладко мнѣ помнишь, какъ пѣль соловей,
И розы и рощу у быспрыхъ ключей!

И. Козловъ.

*Стихи въ Альбомъ * * **

Чшо нравишя мнѣ сей Альбомъ,
Скажу предъ всѣми безъ ушайки;
Но ничего не вижу въ нёмъ
Прекраснѣе — его хозяйки.

Д. Гл. б. въ.

Печашашъ позволяешя: Февраля 8-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. VI.

П Р О З А.

Парни въ книжной лавкѣ.

(Окончаніе.)

„Скажите мнѣ шеверъ: кто эша прелестная, красно-рѣчивая моя защишница?“ воскликнулъ *Парни*, обращаясь къ *Фрокару*, почти столь же восхищенному ссю сценою, какъ и самъ Стихотворецъ. „Эшо“ — опывчалъ Книгопродавецъ — „любимая ученица знаменишаго *Дюкло*, ревнишная покровишельница шалантовъ, новая *Жоффренъ*, кошорая почишаешъ за особенное удовольшвіе, окружаешъ себя Лишперашорами и Художниками, содѣйшвовашъ ихъ шрудамъ, ободряешъ полезныя ихъ предпріяшя, оказывашъ имъ всевозможныя услуги и пособія; однимъ словомъ, эшо Герцогиня Р.*“ — „Я много слыхалъ объ эшой женщишъ и былъ предубѣжденъ въ ея пользу благопріяшнѣйшимъ образомъ; но признаюшъ, что личное ея знакомшво превзошло все мои ожиданія. Прелестная, единшвенная женщина! Какой огонь въ ея взорахъ! Какая пріяшность въ обхожденіи! Какое живое, убѣдительное краснорѣчіе! И какой вкусъ, какія свѣденія!“ —

„Согласитесь, что рѣдко можно встрѣпишь подобное соединеніе превосходныхъ качествъ. И сіи-шо опасныя оружія употребила она для того, чтобы защищать прекрасныя стихи Ваши — отъ собищенной Вашей Кришки! Повторяю Вамъ, *Г. Парни*: Вы одни только не умѣете цѣнить своихъ произведеній.“

Парни простился съ своимъ Книгопродавцомъ и съ живымъ, сердечнымъ удовольствіемъ вышелъ изъ лавки. Новая знакомка безпрестанно занимала его мысли: черты лица ея, слова, самый голосъ — все неизгладимо запечатлѣлось въ его памяти. Лестныя похвалы Герцогини все еще отзывались въ его слухѣ и, не смотря на примѣрную свою скромность, *Парни* начиналъ уже думать, что былъ оныхъ достоинъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ сей встрѣчи, занялось Правительство возобновленіемъ Гимназій или такъ называемыхъ *Вышнихъ училищъ*. Образование сихъ полезныхъ заведеній возложено было на *Парни* и на меня. Мы употребляли съ своей стороны все усердіе и дѣятельность, дабы оправдать сей выборъ. Домъ Комиссіи ежедневно былъ наполненъ прежними Профессорами и другими учеными людьми, кои желали имѣть мѣста при сихъ новыхъ заведеніяхъ. Въ семь-шю числѣ замѣтилъ я однажды человека, который, по важному своему виду и рѣшительному тону, показался мнѣ знаемымъ Чиновникомъ или, по крайней мѣрѣ, Членомъ Инспиршуа. Онъ подалъ мнѣ просьбу, въ коей изъявлялъ желаніе, получить мѣсто Профессора Словесности, при одномъ изъ помянутыхъ заведеній. Прочитавъ оную, объявилъ я просишело,

что имя его было мнѣ совершенно неизвѣстно и что ему надлежало бы предсавить одобришельныя свидѣльствва ошъ людей, исправляющихъ публичныя должности или, по крайней мѣрѣ, уважаемыхъ въ городѣ. „Но я думалъ“, отвѣчалъ онъ, „что испинныя достоинства не имѣющъ нужды въ заступникахъ. Я самъ за себя отвѣчаю и — признаюсь Вамъ опкровенно — очень удивляюсь, что Вы меня не знаете. . . Какъ ксшани! (продолжалъ онъ, увидя *Парни*, который въ самое шо время входилъ въ комнату). Вошъ мой Книгопродавецъ! Онъ можетъ сказать Вамъ, что я имѣю нѣкоторыя права на шо предпочтеніе, коего пребую съ Вашей стороны.“ — „Какъ?“ спросилъ я съ изумленіемъ. „Эшо Вашъ Книгопродавецъ?“ — „Конечно“, возразилъ *Парни* съ живоспію и дѣлая мнѣ знакъ. „Нѣсколько мѣсяцовъ шому назадъ, имѣлъ я честь продать эшому Господину — *Маротигескія Стихотворенія Парни*.“ — „Вы хошите сказать *Эротигескія*, любезный другъ!“ — „*Эротигескія* или *Маротигескія*, эшо почти все равно“, отвѣчалъ знаменитый мой сошрудникъ съ громкимъ смѣхомъ, ошъ котораго не могъ болѣе воздержашься. При сихъ словахъ, коихъ смыслъ казался мнѣ непоняшнымъ, мнимый Ученый взялъ обращшо свою прозьбу и съ посѣшностію насъ оставилъ, не сказавъ ни одного слова. Тогда *Парни* объявилъ мнѣ, что эшо былъ шошъ самый Линшерашоръ-самозванецъ, который шакъ позабавилъ его въ книжной лавкѣ *Фрокара*. Кшо бы повѣрилъ, что сей дерзкій невѣжда, коего все заслуги сосшояли въ счастливой памяти, осмѣлился спашъ на ряду съ почшенными и испинно

учеными людьми, которые всю жизнь свою посвящали трудамъ и Наукамъ?

Мы много смѣялись сей странной встрѣчѣ и воспоминаніе объ оной было нерѣдко пріятнымъ развлеченіемъ послѣ важныхъ и многотрудныхъ нашихъ занятій. По прошествіи нѣсколькихъ дней, являясь въ мое Оздѣленіе молодая Дама, коей благородный и скромный видъ, выразительный и пріятный голосъ соотвѣтствовали прелестной наружности. Она просила Профессорскаго мѣста въ Парижѣ, для одного дочерняго спарца, коего таланты и познанія извѣстны были съ весьма выгодной стороны. „Милосшная Государыня!“ отвѣчала я незнакомкѣ. „Училища столицы не принадлежатъ къ моему Оздѣленію. Не угодно ли Вамъ войти въ другую комнату? Тамъ найдете вы Кавалера *Парни*, который исключительно занимается сею частію.“ — „Какъ?“ воскликнула она съ пріятнымъ удивленіемъ. „Кавалеръ *Парни* трудился въ этой же Коммисіи? Можно сказать, что онъ дѣйствительно на своемъ мѣстѣ. Какъ я рада, что буду наконецъ имѣть случай, съ нимъ познакомиться!“

Прекрасная незнакомка не успѣла еще окончить сихъ словъ, какъ знаменитый мой сотрудникъ вышелъ изъ своей комнаты, провожая нѣкошорыхъ просителей. „Что я вижу?“ вскричалъ онъ съ невольнымъ изумленіемъ. „Г-жа Герцогиня . . .“ — „Которая является сюда, чтобы возобновить нашъ споръ о Спихвореніяхъ *Парни*,“ возразила она съ крошкою улыбкою. — „Милосшная Государыня“, отвѣчалъ онъ въ пріятномъ замѣшательствѣ. „Могу ли я шеперь

съ Вами спорить? Вы меня знаете и я не имѣю уже той выгоды, кошорою пользовался, при встрѣчѣ съ Вами въ книжной лавкѣ. Когда слышишь споль лестныя похвалы изъ прекрасныхъ успѣ; по мудроно, чшобы скромность не уступила признашельности!“

Засимъ, обращаясь ко мнѣ, рассказалъ онъ пріятную встрѣчу свою съ Герцогинею и всѣ подробности Липперашурнаго спора, споль для него лестнаго. Любезная сія Дама прибавила съ своей стороны нѣкопорыя обстояшельства, кои въ устахъ ея казались вдвое занимашельными. Прозьба ея исполнена была безъ всякаго шруда: почтенный спарець, ею покровишельствуемый, получилъ мѣсто, коего былъ достоинъ во всѣхъ отношеніяхъ. — Съ сего-то времени Герцогиня посвящала нашему Стихшворцу искреннѣйшее уваженіе и дружество. *Парни* пользовался ими во всю свою жизнь и имѣлъ многокрасныя оныхъ опыты. Лестное участіе сей почтенной пріятельницы немало содѣйствовало къ тому, что Французская Академія увѣнчала его паланшы, избраніемъ въ число своихъ Сочленовъ.

Произшесшвіе сіе служить новымъ доказашельствомъ, что достойные Писатели всегда находятъ между прекраснымъ поломъ искреннѣйшихъ друзей и ревностныхъ защитницъ; что лестная похвала образованной жешчины нерѣдко утѣшаетъ знаменишаго Стихшворца, посреди ударовъ жребія и пресѣдованнѣй зависши,

Вестминстерская зала и зазданія Англійскаго Парламента.

(Изъ Нилейерова путешествія.)

Большая Вестминстерская зала, (кошорую не должно смѣшивать съ Аббашевомъ сего имени), равно какъ и мѣста собранія Верхняго и Нижняго Парламента, суть частію остатки древняго Королевскаго дворца, частію же построены на фундаментѣ онаго. Такимъ образомъ нѣкоторыя стѣны существующія уже болѣе шести сотъ лѣтъ. Время и охота строитъ произвели многія перемѣны въ семь зданіи. Нынѣшнее расположеніе онаго, по крайней мѣрѣ въ главныхъ частяхъ, принадлежитъ ко временамъ Реформаціи. Наружность не имѣетъ ничего особеннаго и скорѣе представляетъ длинный рядъ большихъ частныхъ домовъ, нежели публичное зданіе. Я и спутникъ мой видѣли, незадолго предъ симъ, залу Генеральныхъ Штатовъ въ Гагъ, въ коей пышность не уступаетъ вкусу. Товарищъ мой, который бывалъ уже въ Лондонѣ, говорилъ мнѣ напередъ, что не должно ожидать ничего подобнаго ошъ залы Англійскаго Парламента.

Болѣе всего поражаетъ взоры огромная Вестминстерская зала, съ коею непосредственно граничитъ та часть зданія, въ кошорой собирается Нижній Парламентъ. Фасада помянушой залы обращена вся на улицу. Оная почитается величайшею въ цѣлой Европѣ. Сводъ ея, имѣющій 90 фушовъ вышины, не поддерживается ни однимъ столпомъ. Длина ея со-

спавляетъ 270, а ширина 79 фушовъ. Потолокъ здѣланъ изъ орѣховаго дерева, съ довольно красивыми, Гошическими украшеніями. При торжественныхъ случаяхъ, вся сія зала заспроивается галереями и возвышенными мѣстами и увѣшивается коврами. Здѣсь-то Король *Ричардъ* (въ 1377-мъ году) давалъ великолѣпное шршество, для которо *двѣ тысли* новаровъ гошовили кушанье. Число гошей проспиралось, какъ сказываютъ, до десяти тысячъ человекъ. Здѣсь же судимъ былъ несчастный *Карль I* и выслушалъ свой смершнй приговоръ. Здѣсь производилось также извѣстное дѣло Остъ-Индскаго Губернашора *Гастинса*, которое продолжалось 7 лѣтъ и рѣшено въ 1795-мъ году. Убѣдительное краснорѣчіе, подобное тому, какое раздавалось нѣкогда въ Аѣинскомъ Аренагѣ или на Римской площади, волновало здѣсь умы, невольно увлекая ихъ за собою и гошовило побѣду или низложеніе е прошивуположнымъ споровамъ.

Когда пройдете вы сію огромную залу, то въ концѣ оной и прошавъ самаго входа найдете нѣсколько ступеней, ведущихъ въ темный коридоръ, а опшуда въ Нижній Парламентъ (*House of Commons.*) Здѣсь есть большія двойныя дзери, которыя однакож опворяются для однихъ только Членовъ; зрители же всходяшь обыкновенно на галерею, по узкой лѣшницѣ. Впрочемъ, стоишь только получишь карпу опъ одного изъ Членовъ или — заплашишь полкроны стоящему у входа приврашнику, чшобы и сія рѣшешчая дзерь для васъ опворилась. По сей лѣшницѣ, на которой иногда бываетъ ужасная шѣсноша, достигнете вы галереи, могущей вмѣщать въ себя не болѣе 200

человѣкъ. Занявъ мѣсто на одной изъ высокихъ скамей, обнимите вы однимъ взглядомъ всю залу Парламенша. Она не весьма проспираниа. Прежде была здѣсь церковь *Св. Стефана*; но со времянь *Эдуарда VI* (1550), обращена оная для нынѣшняго назначенія. Стѣны ея обиты разноцвѣтнымъ деревомъ. Галлерей для слушателей находишь надъ главнымъ входомъ, въ самомъ концѣ залы. По обѣимъ сторонамъ, на равномъ возвышеніи, простирающя галлерей для знашныхъ особъ. Оныя по большой части пусты, на что нельзя смотрѣть безъ нѣкошорой зависти, когда задыхаешься отъ тѣсноты.

Здѣсь-то собираются 638 предсавишелей Британской націи. Напрошивъ входа, на нѣкошоромъ возвышеніи, находишь Орашоръ (the Speaker) въ длинной черной епанчѣ, съ шляпою на головѣ и въ огромномъ парикѣ. Передъ нимъ стоишь большой столъ, а за симъ послѣднимъ, въ качествѣ Регисшрашоровъ Парламенша, сидяшь два писца, также въ парикахъ и черныхъ епанчахъ. На столѣ лежатъ бумаги и свершки пергаменша, заключающіе въ себѣ новыя предложенія или Билли; а на другомъ концѣ онаго большой золошой жезль или скипешрь, эмблема законодательной власти. (*) Обитыя сафьяномъ мѣста, расположенныя въ видѣ

(*) Нынѣшній Орашоръ, Маннерсъ *Суттонъ*, весьма уважается за отличное его искусство и свѣденіе въ дѣлахъ. Онъ можетъ прямо приходишь въ залу изъ прекраснаго дома своего, присшроеннаго къ самой стѣнѣ Парламенша и почишаемаго его собшвенношшію, доколѣ онъ находишь въ семъ званіи.

Амфишесапра вдоль всей залы, назначены для Членовъ; но часто двѣ прешы оныхъ оспающся незанятыми. Самые Члены нимало не опличающся ошъ зришелей одеждою: они приходящъ въ сершукъ, въ сапогахъ съ шпорами и съ шляпою на головѣ. Нерѣдко, приносящъ они въ карманъ свой завшпракъ; разговаривающъ между собою, когда предметъ совѣщаній не довольно занимащелень или ошеѣчающъ на предложеніе Орашора однимъ шолько *да* или *нѣтъ*. Сей послѣдній шакъ часто принужденъ повшоряишь: „*Тише! тише!*“, что уже не обращающъ на шо ни малѣйшаго вниманія. Только при выходѣ, каждый Члень обыкновенно кланяешся Орашору.

Мнѣ случалось бышь въ зашѣданіяхъ, но не ошъ начала до конца; ибо оныя нерѣдко продолжающся ошъ шрехъ часовъ по полудни до одинадцати часовъ ночи, а въ случаѣ важныхъ споровъ, и до самаго ушпра. Сверхъ шого предметы, о коихъ при мнѣ разсуждали, были не весьма занимащельны, и никшо ке говорилъ изъ первыхъ Орашоровъ, каковы *Г. Тирней*, *Лордъ Кастельригъ* и Канцлеръ Казначейштва, *Г. Ванзиттартъ*. Шосему признаюш, что, особливо при безпреспанномъ шумѣ, ошъ кошораго многихъ словъ не было слышно, одна шолько новостъ и важностъ сего собранія, а не самыя совѣщанія Членовъ, оспавили во мнѣ неизгладимое и пріяиное впечатлѣніе.

Меня наиболѣ поражала мысль: сколь многіе великіе люди, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, занимали сін мѣша; какія искры Генія пылали въ семъ собраніи; какъ, въ наши еще времена, приобрьли здѣсь безмершную славу оба *Питта*, ошець съ сыномъ,

коихъ краснорѣчивыя слова опъзывались во всѣхъ частяхъ свѣта. — Неподалеку отъ сей залы существуетъ еще донынѣ подземельный погребъ, гдѣ въ 1665-мъ году, посредникомъ воспаленія горючихъ веществъ, приготавлилась смерть всѣмъ предшавиземляемъ Бришанекаго народа. Достоинно замѣчанія, что подробности сего, шакъ называемаго *пороховаго заговора* донынѣ еще скрывающася во мракѣ неизвѣстности. Съ сего-то времени принято въ обыкновеніе, предъ каждымъ засѣданіемъ призывать свѣдущихъ и надежныхъ людей, для осмотра сего погреба.

Такъ называемыя *Скоропицы*, сидѣвшіе на послѣдней скамьѣ въ галлерей Парламента, обратили также мое вниманіе. Я удивлялся ихъ вѣрному слуху и непонятому проворству, съ копорымъ умѣли они ловить каждое слово, сказанное внизу и въ столь большомъ отъ нихъ разстояніи. Должно еще замѣнить, что многіе изъ Членовъ говорятъ довольно шихо и по большой части скоро. — Не меньшее удивленіе заслуживаетъ и невѣроятная поспѣшность Англійскихъ Тинографій: все, что написано было въ самую полночь, появляется уже въ печати на другой день, во многихъ публичныхъ лисцахъ и по нѣскольку тысячъ экземпляровъ.

При семъ случаѣ не могу я не похвалить услужливости нѣкоторыхъ моихъ сосѣдей: они показывали мнѣ достопримѣчательнѣйшихъ Членовъ Министерства и Оппозиціонной партіи и весьма охотно изъясняли мнѣ многое, что мнѣ казалось невразумительнымъ. — Другіе зрители изъясняли одобреніе или негодованіе свое невольными, значительными шьдвигеніями.

Впрочемъ я воображалъ себѣ собраніе сіе гораздо порожественнѣйшимъ; по крайней мѣрѣ, ожидалъ въ ономъ болшей тишины и спокойствія. Увѣряюшъ, что оныя господствовали въ полной мѣрѣ, когда говорилъ *Чатамъ* (*); когда предлагалъ онъ сильныя и рѣшительныя мѣры на счетъ Америки и когда — минуша незабвенная! — подвизшись на козлыяхъ своихъ, произнесъ онъ умирающимъ голосомъ: „Британцы! Вы хотите купить мѣрѣ; пожертвовать славою и могуществомъ; оставите въ покоѣ Францію, которая пренежала предъ вами, а нынѣ вамъ посмѣвается! Я буду свидѣтельствовать на васъ предъ лицомъ потомства: Британцы! Къ оружію! И если должно пасть, то падемъ не иначе, какъ подъ развалинами опечесства!“ Сказываюшъ также, что никто не могъ переводить духа, когда *Буркъ* предсказывалъ ужасныя послѣдствія Французской Революціи; когда достойный сынъ *Чатама*, знаменитый *Питтъ*, спокойно опершись рукою на столъ, говорилъ по цѣлымъ часамъ, не сказавъ ни одного слова, которое бы не относилось къ сущности предмета. Тщешно сильное краснорѣчіе *Фокса* и *Шеридана*, разливаясь подобно бурному потоку, стремилось увлечь его: *Питтъ* стоялъ неподвижно, какъ твердый утесъ посреди моря и подобно искусному мореходцу, не жалѣлъ усилій для управленія и спасенія Государства.

Верхній Парламентъ (the House of Lords) составляетъ другое отдѣленіе сего обширнаго зданія. Зала его также обширна, какъ и описанная нами выше,

(*) Въ началѣ Американской войны.

но не имѣешь галлерей. Зрители не иначе входятъ въ оную, какъ получивъ билетъ отъ одного изъ Лордовъ. Они должны стояшь за рѣшеткою, отдѣляющею ихъ отъ Членовъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда Нижній Парламентъ по приглашенію присылаетъ своихъ Депутатовъ, сія послѣдніе должны осаживаться за сею преградой. Иные зрители садятся на полъ, съ коего, какъ сказывающъ, лучше можно слышатъ.

Зала сія также не имѣетъ ничего пышнаго. Обои на стѣнахъ, копорымъ почти 200 лѣтъ, представляющъ победы Бриганцовъ надъ Испанскою *Армадою*. На краю залы возвышается тронъ, на коемъ возсѣдистъ Король или Регентъ, при открытіи и закрытіи засѣданій. Предъ трономъ помѣщается, на нѣкошораго рода мѣшкѣ, набитомъ шерстью, Великій Канцлеръ, копорый, подобно Орашору въ Нижнемъ Парламентѣ, всякой разъ предсѣдательствуетъ въ собраніи. По правую сторону занимающъ мѣста первые Государственные Чины; также Архіепископы Каншербурійскій и Юрскій, въ шоржешвенномъ своемъ одѣяніи. Оба они, такъ какъ и всѣ 24 Епископа Англіи, суть Члены Верхняго Парламента; почему и имѣющъ шишуль Милордовъ. Пошомъ слѣдующъ Герцоги, Графы и прочіе Вельможи Государства. Епископъ Пешерборугскій, Докторъ *Маршъ*, — человекъ, извѣстный и въ Англіи своею ученостію и нѣкошорыми сочиненіями, доставилъ мнѣ билетъ для входа въ послѣднее засѣданіе Верхняго Парламента. Здѣсь слышалъ я крапкую, но сильную рѣчь Графа *Ландсдоуна*, въ копорой онъ, съ мужешвеннымъ краснорѣчіемъ, защищалъ новыя предложенія Г. *Вильберфорса*,

о совершенномъ уничтоженіи шорга невольниками. Онъ говорилъ такъ громко и внятно, что я не пропустилъ ни одного слова: важная выгода, кошорой никогда почши не имѣлъ я въ Нижнемъ Парламентѣ

Съ Нѣмецкаго С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В и т я з ь.

„Младой мой вишязь, ошдохни;
„Сложи свой шлемъ тяжелой
„И спарину воспомяни
„Намъ въ повѣспи веселой!“ — —

Дѣвица! радъ бы всей душой;
Но я другой не знаю были,
Какъ шу, что сердцу напвердили
Любовь несчастная съ шоской. —

*

„Какъ, добрый вишязь, съ юныхъ поръ
„Ты горесъ жизни знаесъ?
„Печиножь младой Царевны Дворъ
„Блещящій покидаесъ?“ — —

Ахъ, опъ нее и слезы лью:
Дерзулъ пылашь къ ней чувшвомъ спрасши
И красотъ ея и власши
Въ душъ моей не измѣню.

*

Царевичъ ей у олшаря
Покляся кляшвой вѣчной;
Надеждою покинушь я,
Но не шоской сердечной.

Несу булашное копье
Прошивъ враговъ, грозящихъ бранью;
Пусть смершь моя ей будесъ данью,
Когда живу не для нее!

К. Вяземскій.

Гусарская пѣсня.

Друзья, залѣтные Гусары!
Шумишь военная гроза!
Головные мѣшкіе удары;
Посмотримъ смерти мы въ глаза!

*

Идушь необозримымъ строемъ,
Но мы прорвемъ ихъ тѣсный строй;
Повеселимся грознымъ боемъ,
Навалимъ трупы ихъ горой

*

Еще долина не опомнеть
И гуль не стихнеть по горамъ;
А гордый врагъ въ крови попомнеть
И мы — оцашь къ своимъ огнямъ!

*

Тамъ къ Небу шепчя молишвы!
И споръ веселый закипешъ
О чудесахъ прорекшей бившвы,
И ночь, какъ пища пролетишъ!

Ө. Глинка.

Сонетъ.

Я плылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ,
Я не сводилъ съ нее моихъ очей;
Я говорилъ въ раздумьи сердца съ ней
Лишь о любви, лишь о моей неволѣ.

Брега цвѣли, пестрѣло жашвой поле,
Зефиръ плескалъ лепечущей струей,
Все нѣжилось. — Почтожь въ душѣ моей
Несчастія, унынья было болѣ?
Что мнѣ шепсаль ревнивый сердца гласъ?
Чего еще душѣ моей спрашишься?
Иль всѣмъ моимъ надеждамъ не свершишься?
Иль и любовь польстила мнѣ на часъ?
И мой удѣлъ, не осушая глазъ,
Какъ сей пошокъ съ рошпаціемъ сокрышься?

Б. *Делови* хъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. VII.

П Р О З А.

П р и т з и.

(Изъ Круммахера.)

1.

Д р у ж б а.

Въ одно весеннее утро, два юноши, друзья нѣжные, какъ нѣкогда *Дамонъ* и *Питий*, прогуливались въ шѣни густаго лѣса. „Спанемъ искашь“ — говорилъ одинъ изъ нихъ — „изображенія нашей дружбы! Сколь пріятно для челоуѣка видѣшь внутреннюю жизнь свою, отражаемую въ какомъ-нибудь предметѣ Природы, какъ будто въ зеркаль.“

„Видишь ли“ — вѣщаль *Дамонъ* — „видишь ли плющъ, обвивающійся вокругъ младаго дуба? Величественно и съ юношескою силою возвышается сіе древо, украшенное, подобно Вакху, вѣнкомъ изъ плюща. Расштіе нѣжное и слабое обнимаетъ его такъ крѣпко, какъ будто хочеть слиться съ нимъ въ одно. Безъ дуба оно пресмыкалось бы въ прахъ.“ Юноши,

взглянувъ другъ на друга, сказали: „Прекрасная картина! Свѣжій плоть дѣйствительно украшаетъ дубъ величественный! Такъ сила приобретаетъ себѣ новое благородство любовію и возвышаетъ все нѣжное и слабое. Прекрасный союзъ! Это союзъ супружескій. Но это ли есть образъ дружбы?“

„Смотри! Тамъ на холмѣ виноградарь привязываетъ младую лозу къ крѣпкому вязу: разумное сочешаніе! Твердое сіе дерево, поддерживая гибкое и полезное расшѣніе, приготавливаетъ челоуѣку прекраснѣйшій плодъ и наполняетъ ему чашу радости. Со слезами признательности благословляю вашъ союзъ полезный! Но оный не созданъ ли рукою челоуѣческою (продолжали юноши) и цѣль его не есть ли выгода? Виноградная лоза, обремененная плодами, не можетъ ли обрушиться вѣтви дерева, служащаго ей опорой? И широкіе листья ея не могутъ ли заглушить гостепріимную сѣнь вяза? Образъ прекрасный! Это сочешаніе силъ челоуѣческихъ съ гражданскимъ общежитіемъ, для произведенія плодовъ полезныхъ. Но это не есть образъ дружбы!“

„Нашъ душевный союзъ не имѣетъ ничего подобнаго ему на землѣ!“ воскликнули юноши. Они спояли тогда въ шѣни двухъ молодыхъ дубовъ. Смотри пристально на станнныя и мощныя сіи деревья, юноши задумались и говорили: „Какія величественныя расшѣнія! Корни ихъ крѣпко сплелись между собою и главы ихъ равно возносящая въ пространствахъ воздуха. Стремясь вершинами къ небу, общими силами прошивоборствуютъ они бурѣ; да и сраженныя ею,

могутъ только пашь вмѣстѣ. Но это ли образъ нашей дружбы?“ И вмѣсто отвѣта, юноши обняли другъ друга въ шны дубовъ мужесшвенныхъ.

2.

Драгоценный камень.

Грубый алмазь долго лежалъ во прахѣ между множествомъ простыхъ камней. Спранники ходили мимо его или даже попирали его ногами, но не поднимали. Блескъ его скрывался отъ взора путешественника; ибо прекрасное являешся въ простотѣ и любви уединеніе. Наконецъ другъ Природы пришелъ въ спрану сію. Собирая цвѣтны и пашкомыхъ, нашель онъ алмазь. Съ улыбкою взирая на него, сказалъ онъ: „Сколь милосшива шы къ почиштелю швоему, прелестная маперь-Природа! Если онъ не найдешъ того, чего ищешъ изъ одной пламенной любви къ пешинѣ; то вѣрно обрѣнаешъ что-нибудь другое, въ замѣну его ревности.“

Онъ взялъ камень съ собою. „Но какиимъ средством образовашъ себя, дикое чадо Природы?“ говорилъ онъ. „Какъ снятъ съ себя грубую одежду, блескъ швой зашмѣвающую? Но благородн е не образуешся ли благороднымъ же?“ И ревностный другъ Природы алмазною пылью ограниль найденный имъ камень, который возсіалъ несравненнымъ блескомъ и слава объ немъ загремѣла въ спранахъ ошдаленныхъ.

Помощъ съ облагороженнымъ камнемъ, пошелъ онъ къ доброду, всѣми подданными своими любимому вла-

*

дыкъ той страны и възглаголю: „Нашедъ сіе прекраснѣйшее произведеніе Природы и освободивъ его отъ грубой одежды, блескъ его скрывавшей, посвящаю тебѣ, дабы сей алмазь сіялъ въ вѣнцѣ швомъ; ибо онъ опредѣленъ бытъ украшеніемъ вѣнцовъ Царскихъ.“

Но Царь спросилъ его: „Что служишь лучшимъ украшеніемъ Царскаго престола?“

„Что алмазь вѣнцу“ — отвѣчалъ ему мудрецъ — „то престолу и Царю — сонмъ благороднѣйшихъ мужей, его окружающихъ.“

3.

А с с а ф ъ.

Знаменитый пѣсопѣвецъ *Ассафъ* сидѣлъ въ тихую полночь, въ верхнемъ покоѣ своей обители. Предъ нимъ стояла арфа, блѣдными лучами луны озаренная. Лице его горѣло и грудь тяжко воздымалась; ибо онъ хотѣлъ пѣть Царя Царей, Создателя неба и земли и всей вселенной.

Такъ сидѣлъ Ассафъ, въ глубокую думу погруженный и арфа у ногъ его безмолвствовала.

„Я выду на крыльцо“; — говорилъ онъ самъ себѣ — „посмотрю на звѣздное небо и пѣснь моя громко зазвучитъ въ славу Вседержителя!“

Сказавъ — и вышелъ съ арфою, и возвелъ взоръ на небо, гдѣ Оріонъ и Колесница, и созвѣдія безчисленные, и миріады міровъ, въ вѣчномъ блескѣ, текли безмолвно надъ его главою. И подъ стопами его, при лунномъ свѣтѣ, простирались священный градъ, и долины и горы; и люди наслаждались своимъ сладостнымъ, въ тишинѣ полуночной. Дуновение ночнаго

въпра ударяло въ струны его арфы, и струны препенали.

Тогда *Ассафъ* безмолвно склонился главою къ арфѣ и слезы полились изъ очей его. Но когда день возсіялъ, и въ градъ пробудились забошы и спрасни, и народъ шумными толпами пошекъ на священную гору; — тогда *Ассафъ* вешаль и, вдохновенный, ударилъ въ струны арфы, и душа его въ громкихъ Гимнахъ вознеслась, надъ шумомъ народа, къ престолю Ошца вселенной.

4.

Сократъ и Критій.

Сократъ, мудрый сынъ *Софрониска*, говорилъ однажды въ кругу учениковъ своихъ о всевъдущемъ Провидѣніи Божиемъ; о томъ, какъ Оно все зришь и слышишь, вездѣ присушествуешь и о всемъ забошишься. Онъ говорилъ, что мы шѣмъ болѣе будемъ сіе признавашь и чувствовашь, чѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ будемъ преклоняшья предъ Божесшвомъ.

И мудрый насшавникъ, пронувшій до глубины сердца, воспользуясь каршиною, взяною изъ пѣсенъ несравненнаго *Гомера*, уподобилъ Провидѣніе матери, шихо и невидимо опгоняющей мухъ онъ своего младенца, въ сладкій сонъ погруженнаго.

Между учениками былъ и предашель *Критій*, изрекшій смершнній приговоръ мудрецу Греціи.

Сей насмѣхался надъ сравненіемъ *Сокрана*; ибо оно казалось ему низкимъ и спрашнымъ.

Мудрый насшавникъ, примѣшивъ сіе и проницая въ глубину сердца насмѣшника, обратился къ нему

и вѣщалъ: „Ужели ты не предчувствуешь, любезный Кришій, въ какомъ близкомъ сношеніи находишься все Божественное съ человѣческимъ, въ прошомъ, неискраженномъ его видѣ?“

Такъ говорилъ мудрецъ. Кришій, кипя на него злобою, удался; но Сократъ продолжалъ наславлять учениковъ своихъ.

Когда въ послѣдствіи, по клеветамъ Кришія, осудили Сократа на смерть и онъ принужденъ былъ пить роковую чашу; тогда злодѣй, вспомнивъ слова и сравненіе мудраго наставника, подошелъ къ нему и сказалъ съ насмѣшкою: „Теперь, Сократъ! боги ошгоняють ли мухъ ошь себя, спящаго младенца!“

„Кришій“ отвѣчалъ ему Сократъ съ улыбкою: „Божество даровало мнѣ сладоспный сонъ, по совершенномъ мною, дневномъ шрудѣ. Зачѣмъ же мнѣ бояться мухъ?“

В. Тило.

Анекдоты, мысли и отрывки.

— Понятія о чести не во всякое время были одинаковы. Кшо изъ насъ согласится на прим. принявъ денежный подарокъ? Кшо рѣшился предложить оный особѣ равнаго или высшаго состоянія? Но не такъ думали въ 17-мъ вѣкѣ. Когда *Фуке*, извѣстный Интендантъ Финансовъ при *Людовикѣ ХІІІ*, давалъ велико-

льпный праздникъ сему Королю въ замкѣ Во; но каждый изъ его Придворныхъ нашель въ своей комнашѣ — кошелекъ, наполненный червонцами, для игры и разныхъ мѣлкихъ расходовъ. Никто эшимъ не обидѣлся; напротивъ, всѣ благодарили хозяина за пріятную его внимательность. Можешь бышь, эти Господа полагали, что кошельки сіи приготовлены имъ опть имени Короля или, по крайней мѣрѣ, на счещъ Е. В. за. Въ послѣднемъ случаѣ, они не совсѣмъ ошибались. — Но если бы какой-нибудь богачъ нашего времени вздумалъ дѣлать подобныя подарки гостямъ своимъ; но внимательность сего рода была бы кажешя доспащною, чшобы удалишь ихъ навсегда изъ его дома.

Впрочемъ, вышеприведенный примѣръ былъ не новый. Г. *Бюльмонъ*, одинъ изъ предѣспниковъ *Фуке* въ званіи Иншendanша Финансовъ, давалъ въ 1640-мъ году великолѣпный обѣдъ, вскорѣ послѣ того, какъ выбишы были первые лундоры. Общество было немногочисленно, но состояло изъ первыхъ Вельможъ Франціи. При окончаніи спола и вмѣстѣ съ фруктами, поданы были три блюда, наполненныя новою монешою. Учиный хозяинъ просилъ знаменитыхъ гостей своихъ, брать сколько угодно; а сіи послѣдніе не посшыдились набить ими свои карманы!

— Происхождение слова: *Адмиралъ*, можешь бышь не всѣмъ извѣстно. Оное взяшо съ Арабскаго языка и означаешъ собшвенно *Господина* или *верховнаго Начальника*. Сарацины упошребляли первые сей шишуль, въ смыслѣ Главнокомандующаго морскою силою. Опть нихъ заимствовали оный Генуэзцы и Сициліянцы. Нынѣ названіе сіе здѣлалось всеобщимъ между Евро-

нейшими націями, выключая Турокъ, кои замѣняютъ его шишуломъ *Каптанъ-Паша*.

— Императрица *Марія Терезія*, будучи беременна, побилась объ закладъ съ Графомъ *Дитр хштейномъ*, что произведешь на свѣсь Принцессу. Графъ увѣрялъ напрошивъ, что это будетъ Принцъ. Вскорѣ попомъ Императрица разрѣшилась отъ бремени *Марією Антуанеттою* и посидѣвши объявишь о семъ Графу, прибавя, что новорожденная походитъ на нее, какъ двѣ капли воды. Осцавалось шеперь *Дитр хштейну*, заплашишь свой долгъ. Для сего заказалъ онъ небольшую фарфоровую статуу, кошорая представляла его самага, спящаго на колѣняхъ и держащаго въ рукъ свинюкъ съ Италіянскими сшихами:

Io perdei: l'augusta figlia
A pagar mi a condannato;
Ma s'è oer che vi somiglia,
Tutto il mondo a guadagnato.

Вотъ смыслъ оныхъ: „Я проигралъ закладъ и выскокая новорожденная заставляешъ меня плашишь. Но если она походитъ на свою родншельницу, то я и цѣлый свѣсь останемся въ выигрышь.“

— Следующій, мало извѣстный анекдотъ о Г-жѣ *Ментелонъ* доказываешъ, что она имѣла весьма доброе сердце: Танцмейстеръ одного маленькаго городка, поссорившись съ нѣкоторымъ Чиновникомъ, нанесъ ему споль сильный ударъ палкою, что сей шунъ же лишился жизни. Родственники его требовали мщенія; Танцмейстеръ былъ немедленно схваченъ, преданъ Суду и — приговоренъ къ смерти. Въ числѣ ученицъ

его находилась одна, кошкою двоюродная сестра была прачкою у Г-жи *Мейтенонъ*. Къ несчастію, она не знала или позабыла адресъ сей родственницы, кошкою заснуленіе могло бы спасти жизнь ея ученицу. Между шѣмъ, день казни его былъ уже назначенъ. Чшожь здѣлала добрая его ученица? Она написала письмо къ двоюродной сестрѣ своей, адресовавъ его слѣдующимъ образомъ: „*Госпожѣ де Мейтенонъ*, съ покорнѣйшею прозбою, доставить ея прачкѣ.“ Для иныхъ показалось бы сіе великою дерзосшію; но Г-жа *Мейтенонъ* думала совсѣмъ иначе. Она находила весьма натуральнымъ, чшо кто-шо, не зная адреса ея прачки и въ надеждѣ на ея снисходительность, препроводилъ сіе письмо прямо къ ней. Когда прачка получила и прочла оное, шо бросилась къ ногамъ Госпожи своей и умоляла ее, испросить помилованіе несчастному Танцмейстеру, коего смерть разрушила бы все благососшояніе многочисленнаго семейства. Г-жа *Мейтенонъ* посѣвшила освѣдомиться о подробностяхъ сего дѣла, а между шѣмъ исходатайствовала приказаніе, ошсрочить день казни. Всѣ полученныя свѣденія согласовались въ шомъ, чшо виновный извѣщенъ былъ донынѣ примѣрнымъ своимъ поведеніемъ и чшо и въ семъ случаѣ былъ шолько неумышленнымъ убійцею. Разумѣеся, чшо ей не стоило большаго штруда, испросить ему помилованіе.

— Замѣчено, чшо люди, не способные къ дружеству, не умѣють также наслаждаться красошами Природы и рѣдко постигаютъ высокія, умѣшительныя истины Правдивенности. Причина довольно ясная: Эгоизмъ, ишпреляющій чувствшо дружбы, постепенно охлаж-

дасть сердце и дѣлаешь его нечувствительнымъ ко всему благородному и изящному.

— Англійскій Липшерапоръ, Г. *Блакморъ*, изъясняется слѣдующимъ образомъ на счетъ Журналиста, здѣлавшаго разборъ его *Опытовъ*: „Замѣчанія его столь основательны и изложены съ такою учтивостію и скромностію, что я почти сожалею, что ихъ такъ мало и что онъ не нашелъ у меня больше ошибокъ. Подобная Кришика есть истинное приобрьшеніе для Писателя.“ А мы прибавимъ: „Подобный Кришикъ есть истинный *Фениксъ* между многочисленными своими собратіями!“

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пьсня Руской дѣвицы.

Мнѣ случилось однажды,
Сматный воинъ молодой
Такъ сказалъ: „Горю ошъ жажды;
Ты напой меня водой!“

*

„Чтожь, красавица-дѣвица?
Все подъ панцыремъ кипишь!
И студеная водица,
Знашь души не холодишь“

*

„Распылалось решивое.
Ахъ, дѣвица, шы виной! . . .
Кинусь въ полъ боевое
Подъ Казанскою спѣной.“

*

„Полечу по чисту полю,
Съ бойкимъ спроемъ на ударь;
Тамъ свою размычешъ долю
Гостъ незванный у Ташарь!“ . . .

*

Воинъ свиспулъ! — А дѣвица,
Все грусня, кого-що ждешъ;
Ей скучна съ шѣхъ поръ свѣшлица,
Хлѣбъ и соль на умъ нейдешъ.

Ө. Глинка.

Курганы. (*)

Съ какими чувствами, среди родныхъ полей,
Я видѣлъ васъ, ошцоѣвъ могильны холмы,
Курганы древніе, свидѣтели безмолвны

Прошкшихъ, незабвенныхъ дней,
И пролетѣвшихъ бышвъ, и славы и волненій;
Гдѣ думы смѣлая, подруги пѣснопѣній,

Поняшно сердцу говорятъ,
Вспоминаніе живишь преданій рядъ —

И сонмы древнихъ поколѣній,
Несущся въ облакахъ, при сумракъ ночей,
Колеблютъ дикій лѣсъ ошъ грома ихъ мечей!
Могила праошца — источникъ вдохновеній

И жизнь передаетъ мечшамъ —
Какъ солнце, въ ползакаша,
Лѣсъ коній, браней видъ, блескъ яркаго булаша
Являя по полямъ! . . .

*

Но здѣсь . . . какіе исполины,
Безвѣстные сыны времянь, среди долины,
Какіе холмы предстолятъ?
Чей памятникъ — кургановъ рядъ?
Какихъ народовъ опдаленныхъ
Могилы мрачныя храняшъ,
Во тмѣ вѣковъ забышыхъ, погребенныхъ?

*

(*) Ошъ самаго Харькова и до Чернаго моря, особенно въ Екашеринославской Губерніи, видно множештво кургановъ. *Сог.*

Заросшій на холмѣ, сей грубый истуканъ (*)
Внимаешь спранника и думы привлекаешь;
Но спранникъ, наклонясь на древній сей курганъ,
Безмолвень — и ничто души не оживляешь,
Воображенію ничто не говоришь!

Пустынною въшерь, надъ могилою,
Ковылъ изсохшую въ поля далеки мчишь. —
Такъ Орды дикія, съ погибельной ихъ силой,
Пришельцы опдаленныхъ спранъ,
Промчались въ сихъ поляхъ — и нѣтъ объ нихъ
преданья;

Молчишь Исторія, молчаешь воспоминанья
И имя ихъ покрылъ забвенья Океанъ? . . .

*

Не древній ли Козарь, Царь-града побѣдитель,
Надъ прахомъ падшаго Царя сей холмъ воздвигъ?
Быть можешь — ихъ Орды свирѣпый повелитель,
Въ послѣдній битвы часъ, въ долину сей проникъ
И налъ на мечъ окровавленный. —
Его ли скрылъ пы прахъ, о холмъ уединенный?

*

Быть можешь, Половецевъ слѣды передо мной!
Здѣсь были вежи ихъ, здѣсь Ханы кочевали. —
Такъ! Съ сихъ полей неслись они въ кровавый бой;
Здѣсь хищники свои добычи раздѣляли
И здѣсь, за счастье Русскихъ спранъ,
Герои-прадѣды сражались со врагами
Быть можешь — соловей пролекшихъ лѣтъ, Боянь,
Ихъ силы оживлять гремящими спрунами,

(*) На нѣкоторыхъ курганахъ врыты грубыя спрануи, обыкновенно называемыя *бабалы*. Сог.

На шомъ холмъ крупомъ,
Гдѣ слѣдъ побѣды надъ врагомъ —
Курганъ безмолвный передъ нами!

Не здѣсь ли Руской вождь, какъ спрашннй Божій
громъ,
Ударилъ въ станъ враговъ, спешами огражденный
И встрѣча съ яростнымъ врагомъ
Зажгла за родину священный
И гибельный опчаянiя бой —

И Руской мечъ всхолмилъ могилами долины?
Не здѣсь ли пали вы, о Рускія дружины?
И заросшаешь холмъ пушинною правой!

*

Иль міра бичъ, Монголь, прошекъ по симъ мѣ-
сшамъ

И прахъ соратниковъ скривая подъ холмами,
Опустошеніемъ и спрашными мечами,
Ихъ гибель опомщала врагамъ?
И гдѣ прошедшаго слѣды существованья?
Исчезло все, какъ вихрь лешащій по полямъ! . . .
Поэзіи очарованья!
Вы не дадите жизнь неяснымъ симъ мечшамъ! . . .

*

Лишь изрѣдка курганъ, отважною рукою,
Корысть несыная дерзаетъ разрывать
И кости великія ломаясь подъ пятою,
Безмолвно говорятъ: „Сюда спѣши узнатьъ,

Какъ Царства въ мѣрѣ исчезающъ
И память бывшаго ничто несохранишь,
И какъ безвѣстныя могилы предсказываютъ
Печальный разрушенья видъ! . . .

Полевой. (*)

(*) Сочинитель сихъ прекрасныхъ стиховъ извѣстенъ уже Публикѣ, какъ ученый любитель отечественнаго языка и Словесности. Благонамѣренные труды его удостоились весьма лестнаго одобренья, со стороны Россійской Императорской Академіи. Намъ пріятно было узнать, что съ обширными и основательными свѣдѣніями соединяетъ онъ счастливый талантъ къ Поэзіи.

Изд.

Печаташе позволено: Февраля 23-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бруковъ.

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. VIII.

П Р О З А.

Письмо изъ Рима.

(Изъ Н. Friedländer's Ansichten von Italien, in den Jahren 1815 — 16.)

Постриженіе монахини. Пещеры и куполь Соборной церкви Св. Петра.

Вчера присушествовалъ я при постриженіи монахини. Обрядъ сей безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу самыхъ торжественныхъ и прогашельныхъ, какіе только можно видѣть. Это была Еврейка, тайно удалившаяся изъ Гіены. Она приняла Христіанскую Вѣру и рѣшилась вступити въ строгій Орденъ Доминиканокъ. — Скромный монастырь Благовѣщенія находящійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, среди обширной площади, возвышался некогда великолѣпный дворецъ *Нерви* и храмъ, посвященный симъ Императоромъ *Марсу-мстителю*. Небольшая церковь помянутаго монастыря была вся наполнена людьми и украшена съ приличною пышностію; а площадь, на которую выходитъ сія обитель, усѣяна лавровыми и миршовыми вѣтвями, какъ-то обыкновенно бываетъ въ Римѣ при

поржественныхъ случаяхъ. Слѣдующій обычай, неизвѣстный въ другихъ земляхъ, заслуживаетъ примѣчаніе: Особа, находящаяся въ искусь, должна провести послѣднюю недѣлю предъ посприженіемъ своимъ — въ монастырѣ, на совершенной свободѣ. Въ сіе время, какая-нибудь знатная Госпожа беретъ ее подъ свое покровительство; объѣзжаетъ съ нею весь городъ, посѣщаетъ публичныя мѣста и даже позволяетъ ей, принимая участіе въ общественныхъ забавахъ и увеселеніяхъ. Всѣ сіе дѣлается для того, чтобы она, разлучаясь со свѣтомъ, обозрѣла еще разъ весь его прелести и испытала сама себя: довольно ли она тверда въ своемъ опреченіи? Молодая особа, коей видѣлъ я посприженіе, выдержала также сей опытъ и — осмалась непоколебимою въ принятомъ ею намѣреніи.

Она взошла въ церковь въ богатой одеждѣ; твердыми шагами приблизилась къ олтарю и ставъ на колѣни, произнесла краткую молитву. Всѣ присуществующіе шептали другъ другу: *Quanto é bella!* (*Какъ она прекрасна!*) и я долженъ признаться, что рѣдко видалъ лицо, столь одушевленное истиннымъ благочестіемъ и пѣкошорымъ благоговѣйнымъ восторгомъ. Она едва имѣла 20 лѣтъ опы роду; великолѣпная одежда, (кошорая, въ подобныхъ случаяхъ, въроятно дается опы монастыря), возвышала блескъ юной ея красоны. Когда раздался Хоръ: *Veni, Creator Spiritus!*; но она вшорично упала на колѣни и смиренно выслушала рѣчь Духовника своего, кошорый увѣщевалъ ее, бытъ неизмѣнною въ своихъ обѣсахъ и шerpъливою во всѣхъ испытаніяхъ.

Засимъ одинъ изъ Кардиналовъ возложилъ на нее жирновый вѣнецъ и препроводилъ ее во внутреннюю обитель. Черезъ нѣсколько секундъ, поднялся занавѣсъ позади главнаго олтаря и, черезъ большую рѣшетку, открылъ видъ въ монашескую залу. Тамъ были уже собраны все инокини. Вскорѣ явился и Кардиналъ, вмѣстѣ съ дѣвицею, которая должна была присоединиться къ ихъ лику. Поспиритие началось. Сперва исчезли спривы перья, которыми она была украшена; потомъ сняли жемчуги и дорогія камни, перевитые въ черныхъ ея кудряхъ; наконецъ упали и длинные, прекрасные ея волосы, отдѣленные спривомъ пожницъ. Когда она лишилась сего послѣдняго убора; то ополкнула оной рукою и воскликнула: „Abrenuntio mundo et omnibus pompis ejus.“ (Отрекаюсь отъ міра и всего его прелестей.) На сіе Хоръ, съ испинно-небесною мелодіею, спривившавалъ слѣдующимъ спихомъ: „Veni, sponsa Christi, accipe coronam, quam tibi praeparavit Dominus in aeternum!“ (Гряди, невѣста Христова; восприми вѣнецъ, приготованный тебѣ Господомъ въ вѣчности!) Въ продолженіе сего пѣнія, облекли ее въ иносескую одежду и приколотили небольшой вѣнокъ къ ея покрывалу. Засимъ обняла ее сперва Игумня, а потомъ все прочія монахини, какъ новую свою сеспру. Въ заключеніе сего обряда, все оныя преклонили колѣна и опустившійся занавѣсъ сокрылъ ее навсегда оныя взоры свѣта. — Нѣтъ словъ, которыми могли бы изобразить сильное, неизгладимое впечатлѣніе сего прогнательнаго зрѣлища! —

Въ шопъ же день, послѣ обѣда, ошправились мы въ Соборъ Св. Петра, въ намѣреніи, осмошрѣшь на сей разъ подземные ходы и куполь онаго. Дѣйствительно не одно шолько зданіе сего величешвеннаго храма, но и всѣ его высошы и глубины заслуживають удивленіе. Помянутыя подземелья суть ошпанки перводревней церкви и предметъ уваженія всякаго благочешиваго путешешвенника. Должно замѣшпшь, что женщины не имѣють шуда входа, выключая праздника *Сохешствія Св. Духа*, въ который напрошивъ запрещаешся мущинамъ, входить въ сін пещеры. — Во времена *Нерона*, когда еще на семь мѣсѣть находились обширные сады и респалища, пысячи первыхъ Хриштіанъ погибли здѣсь мученическою смершію. Нѣкоторые благочешивые люди собрали шѣла ихъ и похоронили оныя въ сихъ пещерахъ, подлѣ самаго Цирка. Здѣсь же погребено и шѣло Св. Апостола *Петра*. Папа *Аналектъ* построилъ часовню надъ его гробомъ. Императоръ *Константинъ* Великій воздвигнулъ въ послѣдешвіи церковь, которая и сущешвовала цѣлыя 11 столѣтій. Въ 1450-мъ году, когда храмъ сей начиналъ уже угрожать разрушеніемъ, Папа *Николай V* рѣшился возобновить оный. Предпріятіе его долго ошавалось недоконченнымъ и въ планѣ спросенія производили многія перемѣны. Наконецъ, въ Папештованіе *Юлія II* и *Льва X*, великолѣпный Соборъ сей довершенъ въ нынѣшнемъ его видѣ. (*)

(*) Спросеніе сего Собора продолжалось болѣе ста лѣтъ и стоило Папскому Правительству — 45 милл. Римскихъ скуди.

Должно замѣтить, что всѣ Архисекторы имѣли предписание, щадить ту часть пола, которая прикрывала древнія, первобышнія подземелья. По сему-то и подняли они полъ новой Базилики выше прежняго плана церкви на 16 Римскихъ палмъ; подперли оныя крѣпкими столбами, утврдили сводами и устроили такимъ образомъ нынѣшнія пещеры. Въ оныя сходясь обыкновенно изъ верхней церкви, по особой двери и лѣстницѣ.

Невозможно, безъ нѣкотораго благоговѣйнаго ужаса слѣдовать за Священникомъ, когда онъ, съ фонаремъ въ рукахъ, показываетъ вамъ путь чрезъ низкія извилины сего обширнаго подземелья. Едва ли есть мѣсто, болѣе достопамятное, относительно къ Христіанскимъ древностямъ! Трудно описать безчисленное множество Мозаикъ, надписей, рѣзной и лепной работы, великолѣпныхъ гробницъ и другихъ достопримѣчательностей. Здѣсь, посреди глубокой тьмы и мрака, покоятся смертные останки Императора *Оттона II*, Королевы *Христины Шведской*, нѣкоторыхъ Папъ и проч. И никакой отголосокъ жизни, ни одинъ лучъ дневнаго свѣтила не проникаетъ въ сей священный приговоръ, въ сію безмолвную обитель смерти. — Богато украшенная часовня, называемая: *Capella della Confessione*, привлекаетъ наибольшее число благочестивыхъ посѣщителей. Она находится подъ главнымъ олшаремъ новой церкви и заключаетъ въ себѣ гробницу Св. Апостола *Петра*. Два образа глубокой древности, писанные на серебрѣ и представляющіе Апостоловъ *Петра* и *Павла*, украшаютъ олшаръ сей часовни. Неугасаемыя лампы, висящія предъ оными,

изливаютьъ какой-то особенный, таинственный свѣтъ.

Прямо изъ пещеръ поднялись мы на кровлю церкви, по свѣтлой, широкой и весьма удобной лѣшницѣ. Когда мы вошли на верхъ; то казалось, что находились въ какомъ-нибудь городѣ: сполько видишь тамъ вокругъ себя башенъ, галлерей и переходовъ! Статуи, кои украшаютъ края перилъ и кажутся снизу маленькими куколками, поспешенно возрастали, смотря по мѣрѣ нашего восхожденія и явились наконецъ безобразными, исполинскими фигурами. Но самое любопытное зрѣлище представляеть здѣсь большой куполь, который, такъ сказать, виситъ на воздухѣ. Смѣлость онаго поражаетъ и вмѣстѣ восхищаетъ взоры. Чудесная швердоссть и безоопасность, съ коими огромные своды его возносящя въ воздухѣ, приводящъ въ невольное изумленіе и заставляющъ благоговѣть предъ Геніемъ Художника, который предназначалъ и совершилъ оный.

Между внѣшними и внутренними сводами усроена широкая лѣшница, ведущая вверхъ до самаго *фонаря*, а опъ онаго до самаго *яблока*, въ пространствѣ коего 16 человекъ свободно могутъ помѣститься. Мы немного отдохнули въ семь воздушномъ домикѣ, который вертелся во все стороны, опъ въпра и собсвеннаго нашего движенія. Признаюсь, что положеніе сіе было не самое пріятное. — Ко креслу, находящемуся на яблокѣ, ведетъ небольшая желѣзная лѣшница, по которой входятъ одни только смѣльчаки. Одинъ изъ товарищей нашихъ, молодой Французскій Архисекшоръ, съ веселою бодростію, взобрался

по ней на самый верхъ. Спрашно было видѣть, какъ онъ, обнявъ одною рукою крестъ, крѣпко держался въ семь опасномъ положеніи.

Возвращаясь внизъ, посѣтили мы компану, въ коей сохраняется модель купола, здѣланная *Мишель-Анжемъ*; равно какъ и планъ всей церкви, предначертанный *Брамантомъ* и *Антоніемъ де Сангалло*. Последній вздумалъ-было присроить къ передней фасадѣ двѣ башни, испещренныя нелѣпыми украшеніями, а прекрасный куполь *Браманта* довершивъ оспріемъ въ видѣ *сахарной головы*! Но смерть его воспрепятствовала исполненію сего плана; а *Мишель-Анж Буонаротти*, бывшій его преемникомъ, совершенно уничтожилъ оный. Впрочемъ достойно примѣчанія, что не смотря на множество *Архискепоровъ*, прудившихся при построеніи сей церкви, не здѣлано почти существенныхъ перемѣнъ въ первоначальномъ, изящномъ ея планѣ.

М. Мэзиръ.

Оксфордскій Университетъ.

Англійскіе Университеты существуютъ совсѣмъ на другомъ основаніи, нежели всѣ подобныя заведенія въ прочихъ земляхъ Европы. Раздѣленіе Факультетовъ; образъ преподаванія Наукъ; порядокъ Академическихъ Курсовъ; предугошительныя свѣденія и учебныя пособія — словомъ, все имѣетъ нѣкошорый отличительный характеръ. Оксфордскій Университетъ, по всей справедливости, почитается первымъ въ

Англіи. Зданія онаго замѣчательны своимъ богатствомъ и обширностію; внутреннее ихъ расположеніе въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ ихъ цѣли. Экономическое управленіе можно назвать образцовымъ. Начальство Университета не жалѣетъ ни трудовъ, ни издержекъ, для блага многочисленныхъ своихъ питомцовъ.

Сей Университетъ, равно какъ и всѣ прочіе въ Великобританіи, раздѣляется на Коллегіи. Оныхъ числомъ 20, изъ коихъ только одна (Christ-Church-College) заведена Правительствомъ. Всѣ прочія основаны богатыми частными людьми, кои, для содержанія оныхъ, отдали значительное недвижимое имѣніе. Должно замѣнить, что каждая изъ сихъ Коллегій имѣетъ особый домъ, по большей части съ обширнымъ и прекраснымъ садомъ; свою церковь и библіотеку; своихъ Профессоровъ и Пансіонеровъ.

Въ то время, когда Коллегіи еще не существовали, Профессоры и Студенты жили обыкновенно въ частныхъ домахъ, гдѣ находились также и учебныя залы. Но въ 13-мъ вѣкѣ, Епископъ Эпскій, Гугъ *Бальзамъ*, основалъ въ Кембриджѣ первую Коллегію и нашелъ вскорѣ многихъ послѣдователей. Она расположена была въ видѣ монастыря, каковое расположеніе сохранили сіи заведенія и въ наше время, какъ мы увидимъ послѣ. Члены сихъ Коллегій раздѣляются на нѣсколько разрядовъ: 1.) Такъ называемые *Товарищи* (Fellows) суть дѣйствительные Члены Коллегіи, кои имѣютъ полное участіе въ управленіи оной, содѣйствуя трудамъ своего *Главы* или Начальника (Head). Мѣста сіи, въ разныхъ Коллегіяхъ, сопряжены съ разными правами:

въ нѣкоторыхъ каждый Товарищъ имѣеть свой голосъ при избраніи, а въ другихъ только одинъ старшій изъ сего Сословія. Въ иныхъ Коллегіяхъ избираюся Товарищи изъ воспитанниковъ сегожъ заведенія, а въ другихъ изъ цѣлаго Университета. Въ Королевской Коллегіи есть мѣста Товарищей, принадлежащія исключительно нѣкоторымъ фамиліямъ, оныхъ коихъ оныя учреждены. Другія напрошивъ обязаны принимать извѣстное число воспитанниковъ, изъ разныхъ низшихъ училищъ. Такимъ образомъ, Эшонскіе Пансіонеры, смотря по возрасту, поступающъ въ Кембриджскую Коллегію, гдѣ пользуются безъ плащы насщавленіемъ и пищею, а сверхъ того получающъ ежегодно извѣстную денежную сумму. Въ случаѣ упраздненія мѣста одного изъ Товарищей, занимается оное по старшинству или сообразно съ предварительными постановленіями. Такимъ образомъ С-шъ-Джемская Коллегія въ Оксфордѣ принимаетъ воспитанниковъ изъ Лондонскаго училища *Merchant-Tailors*; такъ называемая *Новая Коллегія* изъ Винчестерскаго училища; Коллегія *Christ-Church* изъ школы, находящейся при Вестминстерскомъ Аббатствѣ въ Лондонѣ. Сіи Товарищи, если только пожелающъ, могушъ навсегда удерживать мѣста свои и лишаютъ оныхъ только въ случаѣ жендѣбы, полученія Пасторскаго мѣста или наслѣдства, коего доходы просширающъ свыше извѣстной суммы. Такимъ образомъ, могушъ они обезпечить себя на всю жизнь. Сіе дѣйствительно случилось съ знаменитымъ Спихшворцемъ *Пріоромъ*, который былъ Товарищемъ С-шъ-Джемской Коллегіи въ Кембриджѣ. Въ Царствованіе Королевы *Анны* былъ онъ упощребленъ

къ Посольствамъ, но не оставлялъ сего мѣсца. Когда же, при Король *Георгъ I*, просидѣлъ онъ долгое время въ тюрьмѣ и лишился всего своего имущества; но получалъ отъ онаго единственное свое пропитаніе, не имѣя впрочемъ обязанности, жить всегда въ Коллегіи. — *Товарищи* имѣютъ обыкновенно кварширу, состоящую изъ трехъ комнатъ и порядочно мебелированную. Отсутствующіе предоставляютъ свои комнаты Пансіонерамъ, здѣлавъ съ ними какое-нибудь предварительное соглашеніе. Каждая изъ сихъ кварширъ имѣетъ особый входъ и расположена со всею возможною удобностію. Всѣ сіи Господа пользуются хорошимъ споломъ и получаютъ до 150 фунтовъ шерлинговъ ежегоднаго дохода, которій постепенно умножается. — 2.) *Demies* или *Полу-товарищи*, коихъ жалованье не столь значительно и споль не такъ изобилуетъ. 3.) Воспитанники (*Scholars*), молодые люди, кои сверхъ уроковъ пользуются споломъ и, ко успавамъ сихъ заведеній, имѣютъ право заснупать мѣсца Товарищей въ той или другой Коллегіи. 4.) *Exhibitionners*, воспитанники, кои не будучи Товарищами, получаютъ ежегодно извѣстную денежную сумму. 5.) *Servitors*, *служители* — бѣдные молодые люди, обязанные прислуживать прочимъ во время спода, въ продолженіи 4-хъ лѣтъ. Они получаютъ за то содержаніе и насцавленіе, а потомъ, по мѣрѣ способностей своихъ, могутъ быть и Бакалаврами. — Каждая Коллегія имѣетъ своего Начальника, (*Head-Warden, Prevost, Rector*); также Капеллановъ или Священниковъ, для отправленія Богослуженія; которое совершается ежедневно; Пѣвчихъ (*Choristes*) и церковнослужителей

(Clerks). Наконецъ въ каждой Коллегіи находилея множество слугъ, какъ-шо ключниковъ (Butlers), поваровъ, шпорожей и проч.; также и женщинъ, для смотрѣнія за больными и пересыланія поселелей. Сии послѣднія мѣста имѣюшъ многихъ искашелей; ибо оныя доставляюшъ каждому, и съ семействомъ его, хорошее и надежное содержаніе.

(Продолженіе впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Александру Яковлевиу
Княжнину (*).

Почтенный Ивалидъ въ служеніи Беллонъ
И добрый Офицеръ въ почешномъ башалонъ,
Въ кошоромъ швой ошець (**)
— *отець и Командиръ!*
Прими риемъ нѣсколько при дружескомъ поклоиъ
И выслушай меня! Парнасскій *Бригадиръ*, (***)
Случайно къ коему Нѣмецкій *фонъ* приковаиъ,
Кошорымъ *Недоросль* къ безмершью завербованъ,
Съ Поэшомъ *Хвастуна* былъ въ дружеской связи.
Безъ зависти, они соперничештво знали;
Срывая за одно цвѣшы съ одной сшези,
Другъ друга шернїемъ они не раздирали;
Кололись изрѣдка, но нѣжно и шуия
И безъ злопамятештва, какъ съ сверешникомъ дшпя.
Изящный образецъ возвышенныхъ шаланшовъ!
Сближаешъ слава ихъ на высотѣ чешпей,
Тогда, какъ въ ихъ ногахъ, вашага риемачей
И незговорчивыхъ Педаншовъ

(*) Хорошїй Стихошворецъ и храбрый Генераль.
Онъ покрытъ ранами на полѣ чешпи; но и шеперь
съ чешшїю и пользою служишъ ошечештву.
Примѣг. Изд.

(**) Яковъ Борисовиць *Княжнинъ*, славный нашъ Дра-
машическій Писатель и непремѣнный Секретаръ
Россїйской Академи. *Прим. Изд.*

(***) Такъ называешъ здѣсь Поэшъ *фонъ-Визина*, напи-
савшаго Комедию: *Бригадиръ*. *Прим. Изд.*

Колошнися за лавръ который не для нихъ.
Я помню, какъ любилъ, въ пріятцахъ ты разсказахъ,
Живописать уму покойниковъ живыхъ;
Твердилъ объ ихъ шрудахъ, жишь-бышь, проказахъ
И мнѣ передавалъ преданья старины,
Въ шѣ дни, какъ положивъ предѣлъ швоей опвагъ,
Свинець сразилъ себя на одръ съ полей войны.
Нельзя ль изушное предать шеперь бумагъ

И вышацишь изъ намяши швоей,

Чшо о *Фонь-Визни* лежишь подь спудомъ въ ней?

Ты одолжишь меня заслугою богашой:

Писашь хочу его я списокъ послужной (*)

Будь въ эпомъ дѣль мой вожатой!

Когда еще я былъ обворожень мечшой,

Чшо съ Музой и меня ждешь къ славъ производшво;

То Авторскихъ побѣдъ мнѣ льшило превосходшво.

А нынѣ ужъ ошылъ честолюбивый жаръ;

Дѣлами личными немного я прославлюсь

И опъ забвенія лишъ развѣ шѣмъ избавлюсь,

Чшо славныхъ воиновъ сосшавлю формуляръ.

Когда я времени жестокимъ приговоромъ

Не убылъ изъ числа пріятелей швоихъ,

Надѣюсь, чшо, какъ всшаръ, просишельный мой стихъ

(*) Поэшь, пишущій сіи стихи къ военному чловѣку, съ намѣреніемъ упошребляешъ здѣсь военные термины. — *Ки. Вяземскій* сочиняешъ Біографіи знаменитыхъ Россійскихъ Писателей.

Просмотришь благосклоннымъ взоромъ
И не захочешь ты, мой заслуживъ упрекъ,
Чтобъ я, желая бышь у Музъ Аудишоромъ,
Профосомъ дожилъ бы свой вѣкъ.

К. Вяземскій.

Село Остафьево,
Января 9-го дня, 1823.

Сельская сиротка.

Э л е г і я.

(Подражаніе Г. Сулц.)

Разспалась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣялась съ радосной мечпою;
Я вмѣстѣ съ упренней зарёю
Была на холмъ луговомъ.

Заѣбла пшичка шамъ надъ свѣжими кущами;
Въ душистой рошцѣ привольно ей лепашъ. . .
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней спремится . . .
вѣрно машъ!

И залилася я слезами.

*

Ахъ! Миѣ не суждено, какъ пшичкѣ молодой,
Въ пшичи безвѣстной жить у машери родной:
Дубъ мирное гнѣздо оиѣ бури укрываешъ;
Привѣшный вѣперокъ его шамъ колыхаешъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на земли?

И колыбели я не знала:

У храма сельскаго когда меня нашли,
На камѣ голомъ я лежала.

*

Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ!
Скишаюся одна; вездѣ чужія лица;
Слыву въ деревнѣ сиротой;
Подружки лѣшь моихъ — долинныя дѣвицы,
Спыдаюся звать меня сестрой.
И люди добрые сиротку не пускаютъ:
На вечерникахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой;
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю
И передъ сладкимъ сномъ, въ эту пору, какъ дѣшею
Опець благослова прижмешь къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали выдаю.

*

И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ опшвершными дверями.

И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, кошорыл на пѣмъ,
Бышь можешь, мать моя роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.

*

Пятнадцать разъ уже весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаешь;
Цвѣшокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.

Родная, гдѣ же ты? Увидимся ль съ побой?
Приди: я жду тебя все шакже сиросою —
И все на камнѣ шомъ, и все у церкви шой,
Гдѣ я покинуша побою!

И. Козловъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. IX.

П Р О З А.

П р и т ѣ и.

(Изъ Круммахера. Продолженіе.)

5.

Первая и послѣдняя улыбка.

Ева, машеръ живущихъ, въ сшраданіяхъ произвела на свѣсъ вшораго своего сына. Нѣмъ, подобно дольнымъ живошнымъ и безъ всякихъ признаковъ человѣческихъ чувствованій, новорожденный лежалъ на груди ея. Одинъ лишь голось плача; однѣ ушса, жаждавшія пищи, обнаруживали слабое его бышіе.

„Увы!“ — со вздохомъ сказала машь къ опцу младенца — „въ сшраданіяхъ осуждена я рождашь дѣшей, въ сшраданіяхъ пишашь и лелѣашь ихъ. Ни одинъ лучъ радости не блеснулъ для меня въ шемныя ночи, для нихъ безъ сна проведенныя. Взоръ *Каппа* мраченъ и унылъ и онъ шествуетъ предъ нами, какъ грозное привидѣніе; а изъ ушсъ сего новорожденнаго вырывается лишь голось сокрушенія. Какъ образъ смерти, покоится онъ безчувшвенно въ моихъ объятіяхъ: младенческая душа его кажется нераспусшившимся цвѣшкомъ, заранѣе увядающимъ. Счастливые, спо-

крашъ счастливые насъ зѣри долгие и птицы поднебесныя. Не прыгаешь ли ягненокъ вокругъ своей машери? Не находишь ли пшичка надежный покровъ подъ крыломъ своей родимой? Увы! когда взгляну я на живошныхъ; шо, кажешя, они упрекають насъ въ грѣхахъ, нами содѣянныхъ!“ — Такъ говорила Ева и назвала новорожденного *Авелемъ*, шо ешь *плагущимъ*.

Долго предавалась она горести; но Адамъ вѣщаль ей: „Не сокрушайся, Ева! Господь милосивъ: Онъ сжалился надъ нами!“ — И Иегова сжалился надъ горестною машерью: Ангель рай явился незримо и коснулся усъ младенца, на лонѣ шокующей машери лежавшаго.

И нѣжныя уста его открылись; блескъ первой улыбки возсіялъ на лицѣ и веселый взоръ его покоился на машери.

И Ева всшала со слезами радости, призвала отца Авелева и вручила ему младенца; сей улыбнулся, *въ другой разъ*, и отцу своему.

„Слава Всевышнему!“ — вѣщаль Адамъ, возвысивъ голосъ: „Онъ горестъ нашу обрашилъ въ радость! Онъ возвысилъ наше чело надъ живошными, безмолвно пресмыкающимися во прахѣ. Ликъ младенца подобенъ шеперь взору Пословъ Господнихъ, подобенъ взору Евы, когда радость и благодарность наполняютъ ея сердце! Дыханіе Иеговы въ Авель: оно оживляетъ ликъ и очи младенца. Священъ да будешъ намъ сей день, въ кошорой Господь излилъ на насъ шоль много щедростъ и имя Его да будешъ славимо во вѣки вѣковъ!“

Такъ вѣщаль Адамъ, лобызая младенца.

И Ева, прижимая къ груди сына своего, говорила: „Я впервые увидѣла на немъ печать Божію и попому хочу поцѣловать и лелѣять его съ машеринскимъ поцѣченіемъ.“

Мудрость, смиреніе и красота рано возникли въ юности. Адамъ далъ ему спадю, дабы онъ пасъ его, и спадю сіе дивно размножилось. Агнцы любили Авеля; ибо онъ былъ всегда веселъ и крошокъ. Но зависть и злоба вспыхнули въ сердцѣ Каина, брата его. Онъ перзался душою, видя, что Іегова любитъ Авеля болѣе, нежели его. Сердце Каина было злобно опъ самой нѣжной юности; а попому и прошивно Господу.

И въ день своего рожденія, Авель приносилъ Господу въ жертву первенца своего спадю и душа его была исполнена радости и благодарности. Но Каинъ, въ злобѣ на брата, ударилъ его по головѣ палицею. Добрый юноша повергся на прахъ; а шопъ, смѣясь, оспавилъ его въ крови плавающего. Опець и машеръ пришекли и нашли убіеннаго; Ева шерзала себѣ грудь и власы и горько плакала.

Но Авель, приподнявъ окровавленную главу, взглянулъ на сокрушенныхъ родителей и прелестная улыбка осѣнила уста его. Попомъ приникъ онъ главою къ землѣ и испустилъ послѣднее дыханіе, и на лицѣ почившаго сіяло тихое веселіе.

„Таковъ же былъ образъ лица его“ — вѣщала Ева со слезами — „когда въ объятіяхъ моихъ опкрылось мнѣ впервые его сердцѣ. Адамъ! если это называешся умирашь, о, тогда смерть невиннаго ничто иное, какъ новое развишіе къ прекраснѣйшей жизни!“

Такъ говорила машерь живущихъ и оба горько плакали, предавая землѣ прахъ Авеля. Агицы посковали по своемъ паспырѣ и цвѣшы весенніе возрасли на могилѣ его въ красотѣ роскошной.

6.

Пчелы и мотылекъ.

Садовникъ водилъ юнаго друга своего по пчельнику и показывалъ ему удивительную дѣяшельность, кошорая господствовала въ ульяхъ.

Между тѣмъ прилешълъ прекрасный мотылекъ; блескъ золоша, и небесная лазурь, и пурпуръ вечерней зари переливались на бархашныхъ его крылышкахъ. Онъ долго качался на цвѣшочкѣ, пошомъ вспорхнулъ и исчезъ въ просшранствѣ воздуха.

„Какое прекрасное швореніе!“ — воскликнулъ садовникъ — „и оно развивашся изъ червачка, во прахѣ пресмыкающагося!“

„А я думалъ“ — отвѣчалъ ему юноша съ удивленіемъ — „что вы, любилели пчелъ, имѣете одну шолько шпращь къ ульямъ и не примѣчаете другихъ даровъ Природы?“ — „Любезный другъ!“ — возразилъ садовникъ — „я люблю пчелъ не для одной пользы, кошорую онѣ приносяшъ. Однѣ низкія склонности шѣсняюшъ сердце челошъка и дѣлаюшъ его равнодушнымъ; но чѣмъ съ большею любовью дружимся мы съ Природою, тѣмъ болѣе расширяшся наше сердце для всего прекраснаго и добраго, насъ окружающаго. Хотя пчела и ничшожное животное, но приносишъ плодъ самый сладкій.“

„Но прекраснѣйшаго мошылка“ — продолжалъ юноша — „нельзя сравнить съ трудолюбивою, полезною пчелою“ . . .

„Любезный сынъ мой!“ — отвѣчалъ садовникъ, указывая на жужжащія ульи, — „здесь видишь ты образъ дѣятельной жизни въ шѣсныхъ сея предѣлахъ, образъ связаннаго ума въ земномъ дѣйствіи; тамъ — картину развишаго ума въ его свободѣ и пареніи надъ прахомъ. Посему-то Художники древности изображали члестую, развишую душу съ крылами мошылковыми.“ —

„Образъ и сравненіе сіе конечно справедливы“, — возразилъ юноша — „но почто Природа не соединила изящнаго съ полезнымъ?“ — „Ужели ты хочешь“ — сказала садовникъ съ важною крошостою — „чтобы священное и высокое всегда были прикованы къ землѣ и служили цѣлью для земныхъ выгодъ? Сіе значило бы унижать собственную свою, божественную Природу!“

(Окончаніе впрѣдь.)

Н п ъ з т о о б а л а х ъ .

Каждый возрастъ, каждая эпоха жизни имѣетъ свои забавы и увеселенія, исключительно ей принадлежащія. Съ лѣтами перемѣняются наши привычки, склонности и занятія; а вмѣстѣ съ симъ перемѣняются и удовольствія. Что веселило рѣзвую молодость, дѣлается скучнымъ для челоуѣка совершеннолѣтняго и несноснымъ для важнаго, нерѣдко угрюмаго старца.

Одни только балы дѣлаютъ исключеніе изъ сего общаго правила. Свѣтскіе люди, — разумѣется тѣ, кои ни въ какое время не осмавляли обществва, —

посѣщаютъ балы во всю свою жизнь и всегда находятъ въ помъ если не удовольствіе, шо по крайней мѣрѣ занятіе.

Въ 17 *лѣтъ* ѣздящъ на балъ, чшобы танцовать, веселишься, принесши домой нѣсколько пріятныхъ воспоминаній. — Въ 25 *лѣтъ*, продолжающъ ѣздишь на балъ; но танцы не имѣющъ уже сей исключительной прелести. Для перемѣны играющъ въ висшъ или въ экарше; выигрывающъ или проигрывающъ; споржествующъ или сердлшся; возвращающся домой съ полными или пусными карманами.

Въ 30 *лѣтъ* надобно женишься и — ѣздишь попомъ на балы съ своею супругою. Это почищается обязапностію; всѣ исполняющъ ее, но обязанность рѣдко бываешь сопряжена съ удовольствіемъ.

Въ 40 *лѣтъ*, честолюбіе дѣлается единственною вашею спрасшію. Вы ѣздите на балы, чшобы встрѣчашься съ знатными и случайными людьми и найши благопріятную минушу, для предложенія имъ своей прозбы или своихъ услугъ.

Въ 50 *лѣтъ* другія обязанности заставляющъ ѣздишь на балы. Надобно пристроить дочь, записашъ въ службу сына или имѣть надзоръ за поведеніемъ его въ свѣшѣ. Пожилые, одинокіе люди не подвержены сей необходимости; но и они продолжающъ ѣздишь на балы, частію для шого, чшо не хошашъ еще записашься въ старики, частію же по привычкѣ и по немѣнню другихъ занятій.

Такимъ образомъ свѣшскій человекъ, во все продолженіе жизни своей, не перестаетъ ѣздишь на балы!

Оксфордскій Университетъ.

(Продолженіе.)

Пансіонеры Коллегій сущь шроякаго рода: 1. *Noblemen* — ш. е. Перы или дѣщи Перовъ. Ихъ называютъ также *золотоносными* или *золотоклестными* (*Gold-Gowns, Goldtufts*); ибо они оплачиваются золотою кисючкою на своей шапкѣ, а при торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ маншіи, богато вышитыя золотомъ. Въ учебныхъ залахъ имѣють они особенныя мѣста. (Число ихъ впрочемъ весьма не велико; ибо самыя дѣщи Перовъ, отправляясь въ Коллегіи, часто довольствуются правами второго разряда.) Сии *Noblemen* въ продолженіи шрехъ лѣтъ дѣлаются Бакалаврами, между тѣмъ какъ всѣ другіе должны ожидать сей сшепенн 4 года. 2. *Gentlemen-Commoners*, молодые люди знатнаго происхожденія или богатые наследники, кои, подобно первымъ, живутъ своими капиталами, но не имѣють ихъ правъ. Большая часть изъ нихъ сущь младшіе сыновья или внуки Перовъ. 3. *Commoners* — дѣщи Врачей, Юристовъ, Помѣщиковъ, купцовъ, Художниковъ и ш. д. Впрочемъ, они могутъ записываться и во второй разрядъ, *Gentlemen-Commoners*. Молодые люди первого и второго классовъ, въ продолженіи 7 мѣсяцовъ, кои проводятъ они здѣсь ежегодно, проживаютъ 400 фунш. стерл. Расходы Пансіонеровъ шрешьяго разряда простираются не свыше 100 фунш.

Учащіеся не всегда называются Сшудентами, но получаютъ также названія: *the Undergradetes, the young Gentlemen* или просто — *the young men*. Число

Штатныхъ мѣстъ при Коллегіяхъ всегда одинаково; но число Студентовъ и Пансіонеровъ неограниченно. Первыхъ считается въ Оксфордѣ около 1100 человекъ; а число всѣхъ особъ, находящихся при Университетѣ, простирается до 3000.

Каждая Коллегія образуетъ особенное, самостоятельное Сословіе. Въ составъ онаго входятъ: *Нагельникъ*, *Товарищи* (Fellows) и такъ называемый *Визиторъ* или Попечитель, избираемый обыкновенно изъ числа духовныхъ или свѣтскихъ Перовъ. Домогающійся ученой степени представляетъ просьбу свою въ Коллегію, къ коей онъ принадлежитъ; а Деканъ оной (Dean) или Цензоръ предлагаетъ его пребываніе общему Правленію Университета. Никто не имѣетъ права непосредственно обращаться къ послѣднему; поему-то каждая Коллегія можетъ почитаться особымъ Университетомъ. — Доходы сихъ заведеній состоятъ въ недвижимыхъ имѣніяхъ и вообще весьма значительны. Каждая Коллегія имѣетъ особенную казну, которая ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть раздробляема и изъ коей уплачиваются чрезвычайныя издержки. Такимъ образомъ, изъ сей казны выдано было пособіе многимъ Французскимъ выходцамъ духовнаго званія. — Въ нѣкоторыхъ есть особливая *Строительная касса*, для поддержанія старыхъ зданій и для постройкіи новыхъ. Въ зависимости Коллегій есть также свои приходы, кои и отдаются *Товарищамъ* оныхъ. — Каждая Коллегія имѣетъ особенную *столовую*, называемую *Палатою* (the Hall.) Въ ней первый столъ (the high Table) назначенъ для Настоятелей Коллегіи и для Товарищей. Въ нѣкоторыхъ

допускающа къ сему столу молодые Дворяне и *Gentlemen-Commoners*, получившіе Магистерскую степень; въ другихъ имѣють они собсвенный столъ. Также и *Commoners*, удосвоенные Магистерской степени, въ нѣкоторыхъ Коллегіяхъ обѣдають за симъ столомъ, а въ другихъ за особливими. Прочіе столы заняты разными классами Членовъ и воспитанниковъ заведенія. — Въ нѣкоторыхъ Коллегіяхъ вовсе не употребляютъ вина; а въ другихъ употребляется оно только за первымъ столомъ. За то послѣ обѣда, большая часть собесѣдниковъ переходитъ въ общую комнату (*common-room*). Здѣсь Магистры, Дворяне и Баккалавры, занимающіе мѣсто между Товарищами, — разумеется, на собсвенный свой счетъ — пьютъ вино, прохлаждаются фруктами и читають Газеты. Здѣсь также собираются они къ ужину, въ шѣхъ Коллегіяхъ, гдѣ нѣтъ вечерняго сщола.

Доходы Товарищей умножаются отъ мѣстъ, кои могутъ они занимать, оставаясь въ Коллегіи. Сюда принадлежатъ мѣста: Казначей, Священника при одномъ изъ приходовъ, зависящихъ отъ Коллегіи, Библиошечаря, Цензора или Смотрителя (*Tutor*). Сихъ послѣднихъ въ каждой Коллегіи находится отъ двухъ до чепырехъ и всѣ они получаютъ жалованье отъ Сшуденшовъ. Такимъ образомъ Дворяне ежегодно платятъ Смотрителю 30, *Gentlemen-Commoners* 20, *Commoners* 10 гиней. Наконецъ, Члены Коллегій имѣють ближайшее право на Профессорскія мѣста въ Университетѣ, когда оныя остаются праздными.

Избраніе Насшоятеля или Начальника происходитъ различнымъ образомъ: въ нѣкоторыхъ Коллегіяхъ по

большинству голосовъ, а въ другихъ не иначе, какъ по единодушному согласію. Съ того времени, какъ существуютъ сіи заведенія, Начальники оныхъ получаютъ дохода отъ 400 до 600, 800 и 1000 фунтовъ, а въ Christ-Church-College даже 1200 ф. ст. Сверхъ того, нѣкоторые имѣютъ приходы, званіе и права Канониковъ и могутъ даже занимать Епископскіе престолы. Они впрочемъ не обязаны имѣть постоянное пребываніе въ Коллегіи; ибо каждый имѣетъ своего Помощника, который исправляетъ его должность. Сей послѣдній по большой части избирается изъ старшихъ Товарищей, постоянно живущихъ въ Коллегіи. Въ Christ-Church носитъ онъ званіе Каноника. — Младшіе Студенты и Пансіонеры находятся подъ строгимъ надзоромъ. Во всѣхъ церквахъ, ежедневно поутру и ввечеру, отправляется Богослуженіе, при коемъ должны они присутствовать. При началіи вечерней молитвы врата Коллегіи запираются. Всѣ Студенты, если только не имѣютъ высшей степени, подвергаются сему строгому надзору. Въ случаѣ добровольнаго перехода изъ Оксфорда въ Кембриджъ и обратно, зачисляются учебныя годы, проведенныя въ первомъ Университетѣ; но въ случаѣ изгнанія или принужденнаго перемѣщенія, учебныя лѣта не зачисляются, и изгнанный, при вступленіи въ другой Университетъ, долженъ начинать снова свой курсъ.

Подробное описаніе всѣхъ Коллегій, съ ихъ зданіями и обширными заведеніями, превзошло бы предѣлы листовъ нашихъ. Ограничиваемся только двумя: Christ-Church и All-Souls-College. Зданіе первой состоитъ изъ 2-хъ просторныхъ и квадратныхъ дворовъ,

кои всё и со всёхъ сторонъ застроены. Западная часть фасады содержишь въ себя 382 фуса. Внешнія украшенія оной прекрасны. На внутреннемъ дворѣ, у главнаго входа, предспавляется взорамъ спашуя Королевы *Анны*, а по обѣимъ сторонамъ спашуи Кардинала *Вольсея*, основателя сей Коллегіи, и Декана *Фелля*, великодушнаго благошворителя оной. Изъ старыхъ отдѣленій сего зданія застроены частными особами, въ царствование *Карла II.*, два прекрасныхъ двора. *Пекатеръ*, съ Ионическими пиластрами во вкусѣ Вѣнской Хирургической Академіи, и *Кактербури*, гдѣ помѣщены Анапомическій Театръ и библіюшка, съ Коринтскими столпами, принадлежатъ къ 18-му спольшію. Въ нижнемъ этажѣ зданія, занимаемаго библіюшкою, находицца карнизная галлерей; а въ верхнемъ самая библіюшка сей Коллегіи, состоящая изъ 30.000 томовъ. — Церковь Коллегіи имѣетъ названіе Собора. Она построена еще прежде 1200-го года, въ древне-Саксонскомъ стилѣ. Большое окно посреди хора съ расписаннымъ стекломъ; также и многія наружныя украшенія оной здѣланы въ Готическомъ вкусѣ. Плафонъ, перенесенный Кардиналомъ *Вольсеемъ* изъ упразднишагося Аббатства, писанъ превосходно. Подлѣ церкви находицца съ одной стороны жилище Канониковъ, а съ другой особливая библіюшка Богословскихъ книгъ. Споловая зала есть прекрасное зданіе во 130 фузовъ длиною, 40 шириною и 50 вышиною. Она украшается портретами бывшихъ Студентовъ сей Коллегіи, изъ коихъ многіе превосходно написаны. Подъ сею залою находицца общая комната, кладовая и училище хорнаго пѣнія. Деканъ сей Коллегіи

есть вмѣстѣ Начальникъ Канониковъ при Соборной церкви и пользуется многими преимуществами. — Въ столовой поставлено 13 столовъ, за которыми ежедневно обѣдаютъ 150 человекъ; ибо половина Членовъ Коллегіи всегда находится въ отсутствіи. Впрочемъ все они весьма удобно могли бы въ ней помѣститься; да и тогда зала не была бы еще наполнена. — Обѣдъ начинается въ 3 часа. За онымъ не позволено употреблять вина, которое дается въ общей комнатѣ; да и симъ правомъ исключительно пользуются Магистры и Дворяне; прочіе пьютъ вино въ своихъ комнатахъ. — Помынушая общая комната бываетъ открыта до самой полуночи. Въ оной безпрестанно топится каминъ; также находится особой служитель и 6 разныхъ Газетъ. Около 10-ти часовъ начинается ужинъ, за которымъ каждый платитъ наличными деньгами. Справедливость требуетъ замѣтить, что все кушанья, напитки и припасы, выходящіе изъ здѣшней кухни, погреба и кладовой, превосходны въ своемъ родѣ.

Аль-Сольская Коллегія не есть воспитательное заведеніе. Здѣсь нѣтъ Смолришелей; все 40 Товарищей равны между собою и сами избираютъ своего Настоятеля, по большей части изъ Дворянъ. Новые Товарищи принимаются старшими по большинству голосовъ. Едвали 4-я часть сего Сословія находится въ собраніяхъ; но они не подчинены никакой особенной власти, такъ какъ люди, совсѣмъ уже образованные. Здѣшніе Товарищи живутъ весьма пышно. — Церковь ихъ есть одна изъ красивѣйшихъ. Позади жертвенника находится образъ *Св. Маріи Магдалны*, писанный

славнымъ *Менгсомъ*. Библиотека, состоящая изъ 32,000 томовъ, помещается въ прекрасномъ зданіи, въ 200 футовъ длиною. Послѣ *Бодлеевой*, почищается она важнѣйшею въ Оксфордѣ. — Спловая зала есть одно изъ прекраснѣйшихъ зданій. Здѣсь находится мраморная статуя славнаго Юриспа, Сиръ-Вилліама *Блакстона*. — Впрочемъ вся Коллегія выстроена въ красивомъ Готическомъ вкусѣ, съ приличными украшеніями.

Сверхъ того есть еще 5 такъ называемыхъ залъ (коихъ не должно смѣшивать съ спловыми), а именно: *С-тъ-Альбана*, *Эдмунда*, *Маріи*, *Пью-Иши* и *Магдаллы*. Это — особенныя заведенія, имѣющія одну цѣль съ Коллегіями, но менѣе значительныя. Здѣсь нѣтъ *Товарищей*, и кромѣ Начальника, его Помощника и Смирителя, состоятъ оныя изъ Пансіонеровъ, кои живутъ за свои деньги. Бѣльшее или мѣньшее число постыпителей сихъ залъ зависитъ обыкновенно отъ славы Настоятеля. Главный доходъ сего послѣдняго происходитъ отъ отдачи въ наемъ комнатъ, для молодыхъ Студентовъ. Графъ *Кларендонъ*, Канцлеръ Короля *Карла II.*, воспитанъ въ залѣ *Св. Магдаллы*.

Самый Университетъ состоитъ изъ большаго и малаго Совѣтовъ. Каждая Коллегія имѣетъ здѣсь своего Депутата. Сии послѣдніе называются вмѣстѣ *the house of delegates* или *heads of houses*, и, съ Вицеканцлеромъ и двумя Проректорами, составляютъ малый Совѣтъ. Засѣданія онаго происходятъ довольно часто. Члены сего Совѣта не могутъ посановлять узаконеній; но безъ предварительнаго ихъ разсмотрѣнія никакое дѣло не переходитъ на судъ Магистровъ,

составляющихъ большой Совѣтъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, оба сіи Сословія соединяюся. Магистры (ибо и Докторы дѣйствуютъ здѣсь только въ качествѣ Магистровъ), большинствомъ голосовъ могутъ все отвергнуть, но ничего не въ правѣ предложить; ибо сіе принадлежитъ малому Совѣту. Власнѣ общаго собранія весьма обширна: она - по даетъ ученія епископы, замѣщаетъ Профессоровъ, опредѣляетъ на всѣ подѣомыя Университету мѣста, избираетъ двухъ представителей въ Нижній Парламентъ; налагаетъ иногда небольшіе сборы; издаетъ новые законы и перемѣняетъ старые. Во всѣхъ сихъ случаяхъ власнѣ сія независима и не подлежитъ никакой апелляціи, ограничиваясь однимъ только общимъ Правомъ, по есть Государственнымъ законами, кои для всѣхъ Англичанъ одинаковы.

(Окончаніе впродъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б а с н и.

1.

Львиное право.

Медвѣдя левъ просиль: „Черезъ швою берлогу
Позволь мнѣ проложитъ военную дорогу.“ —
„Нельзя!“ сказалъ медвѣдь и въ шубу носъ ушкнулъ.
Чшожь сдѣлалъ левъ? — Перешагнулъ.

2.

Чужеземное растѣніе.

Чшо сдѣлалось съ шобою нынѣ?
О милый кушпъ! шы блѣдень спаль.
Гдѣ зелень, запахъ швой? — „Увы!“ (онъ опшѣчалъ)
„Я на чужбинѣ.“

3.

Равновѣсіе.

Сынъ Сѣвера! суровъ и хладень швой климашъ!
Ужасны льды швои; но счастливъ шы спокрашъ:
Въ тебѣ и бодрый духъ, и богатырска сила;
Въ Сициліи жь Вулканъ, чума на брегъ Нила!

И. Демитуровъ

П о д о к о н ь е.

(Съ Богемскаго.)

Ночь придешъ. Знакомой мнѣ
Обойдя дорожкой,
Запою я, въ тишинѣ,
Подъ швоимъ окошкомъ;

„Спи, мой Ангель! Добрый сонъ!
Пусть тебя ледѣшь онъ!“ . . .

*

„Будь онъ сладокъ, какъ швоа
Золошая младосшь!
Кшо жь приснишья? — Если я, —
Улыбнись, какъ радость!
Спи, мой Ангель! Добрый сонъ!
Пусть тебя ледѣшь онъ!“

Ф. Глинка.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. X.

П Р О З А.

П р и т ѣ и.

(Изъ Круимахера. Окончаніе.)

7.

Я б л о к о.

При Дворѣ Ирода, Царя Іудейскаго, находился одинъ богашій и знашній человекъ, кошорый одѣвался всегда въ драгоцѣнныя лкани и жилъ пышно и весело.

Однажды пришелъ изъ дальнихъ странъ другъ его юноши, кошорого не видалъ уже онъ многіе годы.

И Вельможа устроилъ въ честь его пиръ великолѣпный и пригласилъ всѣхъ друзей своихъ. Столы покрыты были злашыми и серебряными сосудами, со вкусными яспвами, винами и благовонными куреніями всякаго рода.

Царедворецъ былъ исполненъ радости; подлѣ него сидѣлъ другъ, изъ дальнихъ странъ пришедшій, и всѣ собесѣдники ликовали и веселились.

„Нигдѣ не видалъ я шакой роскоши и шакаго великолѣпія, какое нахожу въ домѣ швоемъ!“ сказалъ пришелецъ и превозносилъ до небесъ богашества и пыш-

ность друга-Вельможи, и называлъ его счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Но Царедворецъ взялъ изъ одного сосуда яблоко, большое, прекрасное и румяное, какъ пурпуръ. Держа его въ рукѣ, вѣщаль онъ: „Не правда ли, что сіе яблоко лежало на злашѣ и что наружный видъ его прекрасенъ?“ — Засимъ подалъ его другу своей юности. Гость разрѣзалъ яблоко на двѣ части — и чтожь? — въ срединѣ онаго находился червь! —

Пришелецъ взглянулъ на Вельможу; но сей, пошупивъ очи, вздохнулъ шяжко.

8.

Смерть Авраама.

Авраамъ, мужъ Богодухновенный и отецъ вѣрующихъ, предчувствовалъ близкій конецъ свой.

Дряхлый и усталый онъ долгаго пуши жизненнаго, возлегъ онъ на одръ и велѣлъ призвать дѣшей и внуковъ своихъ.

Они пришли и сшали вокругъ умирающаго.

„Дѣши!“ — вѣщаль онъ имъ съ видомъ радостнымъ — „днесь зовешъ меня Богъ, въ кошораго я всегда вѣровала!“ — И сказавъ, благословилъ ихъ.

Чада его отвѣчали со слезами: „Всемогущій да удалишь еще онъ насъ сей горестный часъ!“

„Нѣшъ, мой возлюбленные!“ — ошѣшшшвовалъ имъ старецъ — „во всѣ дни моей жизни не шешшвовалъ ли я передъ Нимъ въ любви и правдѣ? Почшо же медлишь мнѣ, ошойши къ Нему нынѣ, когда Онъ зовешъ меня?“

Сказавъ эпо, приникъ онъ челою къ изголовью и скончался. И ликъ почившаго былъ ясенъ.

9.

Утренняя заря.

Въ сумракъ ушра, мудрый Гиллель прогуливался съ учениками своими въ окрестностяхъ горъ Гермонскихъ. Они бесѣдовали о вѣрѣ въ лучшей мѣрѣ и о премудрости Вседержителя.

„Раввинъ!“ — спросили юноши — „чему уподобляешь ты премудрость Божію?“

Гиллель вознесъ десницу и вѣщаль: „Смотрите! шамъ сіяетъ изображеніе ея — утренняя заря! Туманъ и сумракъ еще покрываютъ горы и долины; земля покоится въ безмолвіи; но нѣко и мало по малу отверзаются уже врата неба!“ —

„Понимаемъ себя,“ — говорили ученики — „она нисходитъ свыше и освѣщаетъ шихое, Вѣрѣ преданное смѣреніе.“

Гиллель снова просперъ десницу къ небу, вѣщая: „Смотрите! Теперь она весело склоняется къ мрачной, дремлющей землѣ. По долинамъ и холмамъ уже разливается нѣжный, розовый свѣтъ ея, и мертвое созданіе является въ блескъ волшебномъ. Смотрите! Огненный пошокъ ея, шихо волнуясь, шѣсно обзываетъ землю, подобно поясу, связующему ее съ небомъ!“

„Или челоуѣка съ Богомъ!“ шихо сказали юноши. „Облеченная въ пелену туманную, она не разсыпаетъ еще яркаго дневнаго сіянія, но предвѣщаетъ своимъ крошкимъ блескомъ источникъ свѣта, скрывающійся за таинственной завѣсою. — Мы, спрѣ-

ники мрака и ночи, взираемъ на нее съ радостію и упованіемъ; ибо увѣрены, что она приноситъ намъ день!“

„Чувствуете ли, какъ Гермонъ благоухаетъ, какъ травы, древа и почки, будто обновленные, зелѣютъ и процвѣтають въ блескъ зари утренней. Изъ нѣдръ ея рожденная, роса спустилась долу. Смотрите, какъ она сверкаетъ на каждомъ листочкѣ, на каждой травкѣ, подобно жемчугу Востока!“

„Такъ Вѣра рождаетъ Любовь!“ — говорили юноши.

„Также и свѣтъ и силу!“ — присовокупилъ Раввиъ. — „Воззрише горь!“ — продолжалъ онъ, снова простирая длани къ денницѣ. „Теперь она испосылаетъ намъ юный день. Согрѣтый и подкрѣпленный у материнской груди ея, исполненный силы и мужества, выплываетъ онъ на сзезю великолѣпную. Бури и тучи его не удерживають!“

„Образъ челоѣка, кошорого сердце наполняютъ Вѣра и божественная мудрость!“ — воскликнули юноши.

„Пушемъ высокимъ, небеснымъ“ — продолжалъ Гиллель — „печетъ онъ спокойно и сильно, и, сынъ зари утренней, простираетъ повсюду пышщекрапное благословеніе. Когдажъ совершилъ онъ сзезю, ему назначенную, тогда утренняя заря, прежде нежели наступитъ ночь, снова является — зарею вечернею и заключаетъ его въ свои материнскія объятія.“

Человѣкъ и солнце.

Снѣгъ, снѣгъ Ноя, въ думу погруженный, усуремлялъ неподвижные взоры свои на солнце.

Ной, подошедъ къ нему, спросилъ: „Почпо взираешь на небо?“

„Я созерцаю“ — отвѣчалъ Симъ — „по созданіе, которое Господь одѣлъ дивнымъ блескомъ. По высотамъ неба печешъ оно нушемъ лучезарнымъ, а подъ стопами его бушуютъ водныя пучины и бури. Ахъ! еслибы Господь шаковымъ сотворилъ человека! — думалъ я самъ въ себѣ.“

„Любезный сынъ!“ — сказалъ Ной. — „Не желай того, что не дано тебѣ. Еслибъ исполнилось твоѣ желаніе; ты можешь быть тогда сномъ бы ниже и лишился бы лучшаго!“

„Можешь ли это быть, родитель мой?“ — возразилъ юноша — „Здѣлаешь подобнымъ солнцу — не значишь ли возвыситься?“

„Ты былъ бы тогда огромнѣе Арарата, огромнѣе всего земнаго шара, нами обитаемаго; но развѣ черезъ то пріобрѣлъ бы себѣ болѣе цѣны? Ты вѣчно шеспивовалъ бы по одной и той же спезѣ: не могъ бы отклониться по собственнѣй воль ни на право, ни на лѣво. Днесь возносишь взоры на солнце; оно не можешь взиращъ на себя; еще менѣ можешь взиращъ горѣ и познавать и молишься Сущесшву, его создавшему. Дневное свѣшло одиноко печешъ по небу, безъ любви и надежды. Нѣкогда и для него насшанешь день, въ кошорый оно попухнешъ, какъ лампада, и щешно будешь ждашъ восхода его на небѣ. Но ты назначень къ бышю вѣчному, гдѣ будешь спомашъ выше свѣшила дневнаго. Уже ли еще желашъ промѣняшь жизнь свою на бышіе солнца?“ —

„Нѣшь! ошець мой!“ — отвѣчалъ юноша — „Я теперь спыжусь моего младенческаго желанія.“

В. Тило.

Щитъ о двухъ лицахъ.

Древній Англійскій анекдотъ.

Въ то время, когда мракъ язычества господствовалъ еще въ Британіи, одинъ изъ шаманскихъ владѣтелей воздвигнулъ сташую въ честь богини побѣдъ и поставилъ оную въ шакомъ мѣстѣ, гдѣ сходились четыре дороги. Въ правой рукѣ держала она копье, а лѣвою опиралась на щитъ, коего одна сторона была золотая, а другая серебряная. Начертанныя на ономъ надписи долженствовали увѣковѣчить, для позднѣйшаго потомства, воинственные подвиги Випязей, прославленныхъ сею богинею.

Однажды случилось, что два Рыцаря, съ ногъ до головы вооруженные, подъѣхали въ одно время къ сей сташуѣ, двумя противоположными дорогами. Одинъ изъ нихъ имѣлъ на себѣ черныя доспѣхи, а другой бѣлые. Оба они остановились предъ сташуею, дабы прочесть надписи и удивляясь таланту Художника, изваявшаго оную съ ешоль отличнымъ искусствомъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго созерцанія, сказалъ черный Рыцарь: „Чѣмъ болѣе размашриваю я сей золотой щитъ“... — „Почему же золотой?“ прервалъ бѣлый Рыцарь, смотря пристально на противоположную его сторону. „Въ моихъ глазахъ кажется онъ серебрянымъ“ — „Въ подобныхъ случаяхъ я вѣрю только своимъ глазамъ и нахожу, что онъ

дѣйствительно золошой.“ — „Но вѣроятно ли“, возразилъ бѣлый Рыцарь, „чтобы кому-нибудь вздумалось, выставивъ на большой дорогѣ щипъ, здѣланный изъ споль драгоцѣннаго мешалла? Хотя я твердо увѣренъ, что онъ только серебряной; но и пусть удивляюсь: какимъ образомъ, до сихъ поръ, не учинился онъ добычею какого-нибудь корыстолюбиваго путешественника? Судя по надписи кажется, что памятникъ сей существуетъ уже болѣе 300 лѣтъ.“

Сіе замѣчаніе показалось черному Рыцарю споль же колкимъ, какъ и нелѣпымъ; ибо находилось въ явномъ противорѣчьи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ. Онъ отвѣчалъ своему противнику споль же рѣшительнымъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ тономъ. Наконецъ, споръ ихъ дошелъ до того, что они рѣшились, окончивъ оный поединкомъ.

Засимъ, поворотивъ коней своихъ, поскакали они въ ближнюю равнину. Тамъ, списнувъ свои копья, вихремъ понеслись они другъ на друга. Удары ихъ были споль сильны и стремительны, что оба они, въ одно время, сшибены были съ коней своихъ и лишенные чувствъ, лежали распрощершы на мѣстѣ бившы.

Одному доброму Друиду случилось тогда проходитьъ черезъ сію равнину. Онъ нашель обоихъ Рыцарей въ весьма жалкомъ состояніи. Известно, что Жрецы сего времени были вмѣстѣ и Врачами. Сей почтенный старецъ, зная спасительныя свойства разныхъ растѣній, ошановилъ ихъ кровь, приложилъ цѣлишельный бальзамъ къ ихъ ранамъ и мало по малу привель ихъ въ память. Какъ скоро оба Рыцаря пришли въ себя;

шо добрый Друидъ спросилъ ихъ о предметѣ спора, предшествовавшего сей битвѣ. Тогда черный Рыцарь отвѣчалъ: „Противникъ мой осмѣливается утверждать, что щипъ сей богини серебряной.“ — „А онъ,“ прервалъ бѣлый Рыцарь, „хочешь противъ воли заставишь меня вѣрить, что щипъ сей золошой.“ — Засимъ оба начали рассказывать спарцу подробности своей распри.

„Я вижу“, отвѣчалъ со вздохомъ Друидъ, „что вы оба правы и оба виноваты. Каждый изъ васъ видѣлъ только ту сторону щипа, копорая съ перваго разу представилась его взору. Если бы вы взглянули и на противуположную; шо не дошли бы до столь жаркаго спора, а еще менѣе до поединка. Впрочемъ и изъ сего печальнаго происшествія можете вы извлечь урокъ, копорый принесетъ вамъ пользу во многихъ случаяхъ жизни. Оный состоить въ слѣдующемъ правилѣ: „Прежде, нежели приступите къ рѣшенію какого-либо спора, разсмотрите оный со вниманіемъ, не съ одной, но съ обѣихъ сторонъ!“

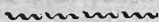
Съ Франц. С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С т и ш к и ,

созиненные въ слѣдствіе шутоваго заклада съ дѣвицею

К — ой. ()*

Когда я принужденъ съ поржешвенною скукой
Являясь по чинамъ на пиръ или на балъ,
Пусть всѣ меня зовушь по Князь, по Генераль;
Но ты меня вездѣ кличь просто: „Долгорукой!“

*

Когда я увлеченъ невольною разлукой
Приду тебѣ на мысль по счастью гдѣ-нибудь
И хвашишься меня; — чины мои забудь
И просто лишь спроси: „Да гдѣ же Долгорукой?“

*

Или пошери злой опягощаясь мукой,
Съ довѣріемъ о ней всхупишь захочешь въ рѣчь,
Заглавный шишуль мой прошу тебя опсѣчь
И просто мнѣ скажашь: „Послушай, Долгорукой!“

*

(*) Закладъ сосполялъ въ помѣ, что я принужу ее
назвашь меня просто моею фамиліею, на что она
не соглашалась; но прочтя стихи принуждена
была назвашь меня шочно шакъ, да и *плать разъ.*

Кн. П. Д.

Прости, что я тебя шревожу сей доукрой;
Но чшобъ не пошеряшь и счастье и закладъ,
Преслѣдовать дошоль швой буду милый взглядъ,
Пока изушно мнѣ ты скажешь? „Долгорукой!“

*

Сей вызовъ не лукавъ; мнѣ старость въ томъ по-
рукой,
И съ нею не къ лицу желашь, чшобъ на примѣрь
Сказала бы ты мнѣ: „Ахъ, милый! . . . ахъ, топ cher!“
Лишь молви: „Мой закладъ проигранъ, Долгорукой!“

Кн. П. Долгорукой.

На конгину П. С. К. С — на.

т т т т т

Чшо юность, красота? — Чшо почести, богат-
ство?
Мечта и шлѣнь! . . . — На шоль я знаемъ спаль
шбой,
Чшобъ дружества вкусишь мгновенное пріятство
И память чшишь пошомъ горячею слезой?

*

Я мнилъ, что будешь ты сынамъ моимъ под-
порой,
Чшо имъ любовь мою и ласку передашь!
Я мнилъ — и пораженъ швоей кончиной скорой! . . .
Непоспижимъ Твой пушь, Великій Боже нашъ!

*

Такъ! Промыслъ Всевяшый на шо насъ позна-
комилъ,

Чшобъ я друзей шебъ и кровныхъ замънилъ;
Чшобъ вмѣшо ихъ шебя въ послѣдній часть спо-
коилъ

И съ горестью опца въ могилу опушилъ!

*

Усни же близъ моихъ дѣшей, опшедшихъ къ Богу!
Ошь буръ жишейскихъ всѣхъ спокоясь опдыхай!
И тамъ — земную здѣсь когда прейдю дорогу —
Тамъ съ вами съединюсь на вѣки! — Ожидай!

Б*

С. Върно.

Августа 31-го, 1822.

Прелестъ ужаса.

*Отрывокъ изъ III пѣсни Делллевой Поэмы:
Воображеніе.*

~~~~~

Скажи мнѣ: почему предметы хороши,
Въ чемъ ихъ плѣнительность?— Въ потребности души,
Бышь раздражаемой. Тревога, мракъ съ грозю
Насъ ужающей прельщаютъ красою.
Не замѣчалъ ли ты, какъ любишь человекъ
Смопрѣшь на зарево или, взойдя на брегъ,
Взирашь на бунтъ стихій, на кораблекрушенъе?
Какъ съ сладкимъ шрешпомъ онъ смопритъ на
сраженъе!

Я знаю, что любя насъ радующій свѣшь,
 Философъ прочь бѣжишь ошъ зрѣлища сихъ бѣдъ;
 Но я, я, какъ Поэшь, къ ихъ ужасамъ привязанъ
 И какъ мудрецъ, ихъ здѣсь изобразишь обязанъ:
 Хочу на страшныя ихъ прелести взглянуть,
 Горь огнедышущихъ къ жерлу направить путь,
 Приблужишься градовъ погибшихъ къ пепелищу
 И къ полю бишвъ — людей обширному кладбищу.
 Съ боязнью сладкою бросаю взглядъ съ горы
 На спящій рашный спрой, на пушки, на шапры,
 На шлемы свѣшлые, на рядъ шпиковъ блестящій,
 Ошъ солнечныхъ лучей, какъ яркій жарь, горящій.
 Убранство пынное, блескъ погребальный сей
 Бишвъ безобразіе скрываютъ ошъ очей.
 И страшный часъ пробилъ: перунъ по холмамъ грянулъ;
 Какъ бурный Океанъ, смященный спанъ воспрянулъ
 И понялъ къ бишвъ знакъ неперѣлимый конь,
 Но обученъ скрыватьъ, какъ рашники, огонь,
 Ржеть, скачешъ на дыбы, кишишь ошъ неперѣнья
 И ждепъ ошъ всадника послушно мановенья.
 Раздался звукъ шрубы — онъ мчишя, онъ лещишь
 И брызжешъ кровь съ пескомъ изъ подъ его копынь.
 Блескъ спали, молніи сверканье, громовъ рокошъ;
 Въ опѣшь имъ скаль, лѣсовъ и горъ просяжный
грохощъ,
 Лѣсовъ, гдѣ сельскихъ былъ досель приушъ боговъ
 И раздавалися лишь пѣсни паспуховъ.
 Воображеніе, съ горящими очами
 И съ распущенными по вѣшру волосами,
 Теряешя въ рядахъ, въ лѣсу шпиковъ, мечей,
 Подъ пылью, скрывшею свѣшь солнечныхъ лучей;

Въ дыму и пламени, по шрупамъ падшихъ бродишь
И мнѣ живописать сей страшный видъ приходишь.
Духъ брани, весь въ крови, ко славъ вопіеть,
И свѣшлый призракъ сей летишь ему во слѣдъ —
И смерти ужасы цвѣтами украшаешь.

Всякъ ждешь — иль встрѣчу къ ней, убишь иль убиваешь.
Рядъ смяль прошивный рядъ, съчешся мечь о мечь,
И бомбы лопаются, и сыплется карпечь.

Внимай, какъ вопіюшь убійцы, стонушь жертвы!
Смотри, какъ опшолкнулъ кошь врага полмершвый;
Какъ сей, произенный въ грудь, для мукъ живешь
еще,

Какъ молишь и друзей и недруговъ вообще;
По собственной крови скользя, у сосраданья
Онъ смерти потребуешь — мукъ страшныхъ окончанья
И сею милоспью обязанъ грабежу.

О! если воевъ здѣсь угасшихъ разбужу,
И вопрошу у нихъ о младости счастливой;
Что скажешь мнѣ они? Одинъ распался съ нивой,
Другой съ невѣспюю; сей кинулъ опчій домъ,
Тошь браша и сеспру, надежду зрѣвшихъ въ нёмъ,
А тошь пріятныя забавы сельской жизни.

Но слышите ли гласъ зовущей васъ опчизны?
Къ мечамъ, шоварищи! Грудь въ грудь, рука съ рукой,
Ударимъ, разорвемъ гуспой прошивныхъ шрой;
Умремъ иль выручимъ изъ рукъ враговъ, изъ пламя
Свое кровавое, разорванное знамя!

О воинъ молодой, ты гибнешь въ цвѣтъ лѣтъ!
Ахъ, сколько машь швоя горячихъ слезъ прольешь!
Плачь, дружба и любовь! вы, Зодчештво, Ваянье,
Посшавше мавзолей въ его воспоминаье. — —

Такъ грознымъ зрѣлищемъ войны имѣешь власть
Воображеніе дашь собешвенную спрось,
Характеръ, дѣйствіе и мѣру ошдаленья,
Разнообразишь ихъ, усилишь впечатлѣнья,
Распроганься, грустинишь иль гнѣвомъ воспылашь,
Клясшь славу, иль для ней храмъ пышный воздвигашь.

Оно по прихоши Героями играешъ,
Полубогами ихъ, бичами предсавлешъ
И говоришь въ слезахъ, смонря на пепель сѣль:
„Иль мало было намъ Природой данныхъ золь!“

Когда бь съ волканами Природы смѣль я нынѣ
Волканы сердца слишь въ одной живой каршинѣ!
Пошелъ, приближилсѣбъ къ огромнымъ симъ горамъ,
Къ подземнымъ симъ, подь льдомъ шаящимся огнямъ,
Еще ужаснѣйшимъ, чѣмъ ярой бишвы поле!
Тамъ воины лешяшъ на смерть по доброй волѣ!
Опасностью самой ихъ храбросшь возжена;
Смерть безобразная въ блескъ славы убрана
И лаврами черны чеда ея покрышы.
Здѣсь жалкій челоувкъ безъ славы, безъ защишы,
Спихіямъ въ добычу; волнь, пламя, вѣшровъ гнѣвъ,
Трусъ, раздирающіи земли ушробу, ревъ,
Лешящій бурю огонь, зола и камень,
Изъ ада до небесъ шолпомъ всшающій пламень,
Горячіе ручьи, въ долинахъ и горахъ,
И бѣгшво жишелей и ихъ гонящій спрахъ.
А между шѣмъ въ градахъ, главы церквей, шашаясь
И съ шрескомъ о верхи чершоговъ ударяясь,
Обрушивающся въ горящее жерло.
Чье око осмонрѣшь и выдержашь могло

Сіе великое и грозное явленье?
По краю пропастей бродя, Воображенье
Одно мѣста сихъ каръ дерзаетъ созерцать.
Со страхомъ гнѣвную Природу вопрошашъ:
Бюффона съ Плиніемъ ведешъ на ихъ стремнину,
Дарить Художествамъ ученую руину.
Съ нимъ въ глубь клокочущей и мрачной бездны сей
Я погружаюсь; хочу узнатьъ ошъ ней
О всемъ, что сѣрные здѣсь поглотили гробы.
Быть можешъ, нѣкогда, я мышлю — изъ утробы
Волкана являся опяшъ на бѣлый свѣшъ
Сокрытые на днѣ ошъ взоровъ сполько лѣшъ
И смертныхъ и боговъ изящныя жилища,
Судилища, враша, Театры и гульбища,
Мѣдъ бранноносная, желѣзо оларей
И злано съ именемъ и образомъ Царей.

По безпріютному, безрадостному полю,
Гдѣ лава прошекла, хожу, смотрю — и волю
Воображенію даю расчислишъ я
То время дальнее, когда сіи поля,
На коихъ селянинъ нигдѣ не зришъ угоды,
Неплодіе опдашъ вновь въ руки плодородья.
Безъ шѣни, безъ плодовъ здѣсь много лѣшъ пройдешъ
И поколѣній рядъ безчисленныхъ минешъ.
Такъ, ежели корышъ, и наглостъ и коварство
До основанія поколебали Царство,
Законы, нравственность, искусство, долгій шрудъ
Мгновенно падающъ, вѣками восплающъ.
Попухнувшій вулканъ еще для насъ ужасенъ!
Но щещенъ ропошъ нашъ! Законъ Судьбы прекра-
сенъ

И утѣшительнѣе: и здѣсь добро изъ зла!
Сія созрѣвшая богатая земля
Одѣта гроздами и жашвою опличной —
И плашишь за шруды орашаемъ спорично.

Воейковъ.

Печашашъ позволяешся: Марша 16-го дня, 1823 года.

Цензорь А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XI.

П Р О З А.

Оксфордскій Университетъ.

(Окончаніе.)

Университетъ, какъ особенное Сословіе, имѣетъ собствєнные доходы, состоящіе въ недвижимыхъ имѣніяхъ. На главное Правленіе онаго возложена обязанность, содержать въ хорошемъ состояніи Университетскія зданія, не принадлежащія никакой Коллегии. — Званія, присвоенныя сему Сословію, суть: 1.) *Канцлеръ*, обыкновенно одна изъ первыхъ особъ въ Государствѣ. 2.) *High Sheward* (*Верховный блюститель*), почетное званіе. 3.) *Вице-Канцлеръ* есть собствєнный Начальникъ Университета. Онъ получаетъ по 300 фунт. ст. годоваго жалованья. Его разбирашельству подлежатъ все споры и дѣла, неимѣющія особенной важности. 4.) Четыре *Про-Вице-Канцлера*, засмущающіе его мѣсто, въ случаѣ болѣзни или отсутствія. 5.) Два *Проректора*, коихъ должность состоитъ въ соблюденіи строгаго порядка въ Университетѣ. О важнѣйшихъ случаяхъ доносятъ они Вице-Канцлеру. Сии получаютъ ежегоднаго жалованья по 200

фунш. сперл. Прочіе Чиновники сего ученаго Сословія сущь: 1.) *Университетскій Ораиторъ* (University's-Orator), который при торжественныхъ случаяхъ, ошъ имени собраній своихъ, произноситъ привѣтственные рѣчи Королю, чужестраннымъ Монархамъ и другимъ знатнымъ особамъ. 2.) *Бодлейскій* и *Радклифскій* Библиотекари. 3.) *Архивариусъ*. 4.) *Смотритель Музея*. 5.) *Университетскій Регистраторъ*. 6.) шесть *Педелей*, изъ коихъ 3 *Esquire-Beadles*, кои сущь Магистры и 3 *Yeomen-Beadles* изъ низшаго званія. 7.) *Клеркъ* и 8.) *Церковнослужитель* Университетской церкви.

Публичныхъ наставниковъ находится въ Оксфордскомъ Университетѣ 21, изъ коихъ нѣкоторые называются Королевскими, а другіе просто Профессорами. Они обыкновенно назначаются для цѣлаго Университета, а не для каждой Коллегіи въ особенности. — Первые получаютъ хорошее содержаніе и по большей части не преподають лекцій; ибо сіи послѣднія преподаются въ особыхъ Коллегіяхъ. Тѣ, кои дѣлають исключеніе изъ сего правила, получаютъ за то особую плату. Профессоры Богословіи избираются всегда изъ числа Канониковъ Коллегіи Кристъ-Чурчъ. Королевскій Профессоръ Правъ пользуется званіемъ и доходами Салисбургійскаго Каноника: единственное мѣсто сего рода въ Англіи, которое дается свѣтскимъ людямъ. Прочіе Профессоры получаютъ свое наименованіе и жалованье ошъ извѣстныхъ основашелей, на примѣръ: *Севалійскій* Профессоръ Астрономіи, *Камденскій* Профессоръ Исторіи, *Веснерійскій* Профессоръ общаго Права. Сіе послѣднее мѣсто занималъ нѣкогда знаменимый *Блак-*

стонъ, кошорый за свое *Истолкованіе на Англійскіе законы* (Commentairy on the laws of England) получилъ отъ Книгопродавца 16,000 ф. сш.

Академическія сшепени въ Англійскихъ Университетахъ раздѣляются на 4 класса: 1.) *Баккалавры Художествъ* (Bachelor of arts.) Сшепенъ сію получаешь тошъ, кшо пробыль 4 года въ своей Коллегіи и выдержалъ нѣкошорыя, впрочемъ незначительныя состязанія. Послѣ сего не находишь онъ болѣе подъ надзоромъ Смощришеля; но занимается ученіемъ еще шри года, въ продолженіи коихъ не обязаъ осшавашься однакожь въ Коллегіи, цо долженъ только являшься въ оную въ извѣстное время. Засимъ, производится они въ 2.) *Магистры свободныхъ Искусствъ* и чрезъ шо пріобрѣтають многоразличныя и важныя преимущесшва, соединенныя въ Англіи съ симъ достоинствомъ. Таковыя называются *Commoner-Masters* и могутъ занимать разныя мѣста при Университетѣ, какъ-шо: Профессорскія, Проректорскія и прочія. 3.) *Баккалавры Факультетовъ*: Богословіи, Правъ, Медицины и Музыки. — Баккалавры и Докторы Философіи во все неизвѣсны въ Англіи. Здѣлавшись Магистромъ, нужно еще семь лѣтъ для полученія сшепени Баккалавра Богословіи, въ кошорой надлежитъ пробыть еще 4 года. Такимъ образомъ весь Академическій курсъ, необходимый для полученія достоинства Доктора Богословіи, продолжается 17 лѣтъ. Засимъ обязаъ онъ только говорить проповѣди и преподавать нѣкошорыя лекціи. — Для полученія сшепени Доктора Гражданскаго Права, послѣ Магистерской сшепени, шребуешь еще 5 лѣтъ, въ шеченіи коихъ Кандидатъ

дѣлаешся сперва Баккалавромъ Правъ, а по совершеніи 12-ти-лѣтняго Академическаго курса, достигаешъ помянутой степени. Званіе Доктора Медицины пріобрѣтаешся двумя годами равнѣ. Желаящій бытъ Баккалавромъ Музыки, долженъ предсавишь свидѣтельства, что онъ въ продолженіи 7 лѣтъ занимался оною, и попомъ сочинишь Концертъ съ пѣніемъ и дашь оный въ Академической Аудиторіи. По прошествіи 5-ти лѣтъ долженъ онъ выдержатъ еще одно подобное испытаніе и попомъ уже дѣлаешся Докторомъ Музыки. Сія послѣдняя степень червѣдко даешся извѣстнымъ Виршюзамъ, для чести Университета и безъ всякаго предварительнаго испытанія. Такъ получилъ оную знаменитый *Гейденъ* въ 1792-мъ году. Равнымъ образомъ даюшся почетныя степени Магистра и Доктора Правъ иностраннымъ Государямъ и ихъ первымъ Министрамъ. Сыновья знатныхъ и богатыхъ людей, при выпускѣ изъ Университета, обыкновенно получаюшъ Магистерское достоинство; а Докторскаго могушъ они искашь не иначе, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того. Издержки при производствѣ въ ученія степени не велики: на примѣръ, Магистерская степень стоишь не болѣе 10 фунтовъ стерлинговъ. Почетныя степени изъемлюшся отъ всѣхъ издержекъ.

Права дѣйствительной Магистерской степени весьма важны. Она доставляешъ во многихъ Коллегіяхъ приходы и ученія должности; шакже влашь управлять доходами, отдавашь на откупъ имѣнія и проч.; словомъ, Магистры сосавляютъ правительственную часть Коллегій. Магистръ принимаешся въ

Университетскій Совѣтъ и имѣеть право на всѣ Академическія мѣста. Магистры избирають двухъ Членовъ Парламента. Ни одинъ Врачъ не можетъ быть Бакалавромъ Медицины, следовательно и производить практику, не бывши прежде Магистромъ. Ни одинъ Священникъ, исключая развѣ Бакалавровъ Гражданскаго права, не можетъ имѣть двухъ приходовъ, не имѣя Магистерской степени. — Для полученія законнаго права на званіе Адвоката, должно напередъ записаться въ какое-либо Общество Юристовъ (*Juris of law*) въ Лондонъ, для практическаго наставленія, которое продолжается 5 лѣтъ. По имбующей степени дѣйствительнаго Магистра, двумя годами ранѣе пріобрѣтаешь и сіе право. Такой молодой Юристъ обучается обыкновенно подъ руководствомъ званнаго Адвоката, который показываетъ ему порядокъ дѣлопроизводства и назначаетъ книги для чтенія. Потомъ Кандидатъ долженъ пребыть въ Юридическомъ Обществѣ и въ Университетѣ предписанныя сроки, прежде нежели достигнешь своей цѣли; но время сіе сокращается, ежели онъ Магистръ и уже 3 года занимается практикою.

Члены Университета оплачивающа особенною одеждою, которая состоитъ изъ 1.) *the Gown*, 2.) *the cap*, 3.) *the Band*. *Gown* есть родъ епанчи съ длинными и широкими рукавами, отличающейся какъ покроемъ своимъ, такъ и нѣкоторыми украшеніями. Дворяне, Докторы и нѣкоторые Магистры носятъ шелковыя епанчи. Обыкновенно употребляюща здѣсь черныя епанчи; но парадныя, надеваемыя при торжественныхъ случаяхъ, у Дворянъ бывають цѣшныя,

какъ-то красныя, зеленыя, пурпуровыя, и богато вышитыя золошомъ. Докшоръ Правъ носить пурпуровую маншію, подбишую краснымъ бархатомъ; Докшоръ Богословіи — пурпуровую же съ чернымъ бархатомъ. Каждая Академическая степенъ имѣеть свою *Hood* или широкую перевязь, висящую сзади до самаго пояса. *Cap* есть особеннаго рода черная шапка съ четырехугольнымъ верхомъ. Дворяне носятъ бархатную съ большою золошою кистью. *The Band* называется бѣлый ворощникъ, подобный тому, какіе носить Прощеспанское Духовенство. Въ Оксфордѣ никто не можетъ имѣть полнаго одѣянія безъ сихъ прехъ принадлежностей. Одежда сія, при многихъ торжественныхъ случаяхъ, а особливо въ Университетской церкви, придаетъ членамъ нѣкошорый великолѣпный видъ. При семъ случаѣ замѣшимъ, что Англійскіе Университеты назначены исключительно для Членовъ Епископской церкви.

О воспитаніи молодыхъ людей въ Оксфордѣ.

Молодой человекъ, въ теченіе первыхъ прехъ или четырехъ лѣтъ своего здѣсь пребыванія, не знаетъ различія между Богословами, Врачами и Юристами. Его даже не спрашиваютъ: къ какому назначаетъ онъ себя состоянію? Онъ обучается Латинскому и Греческому языкамъ, Математикѣ и Логикѣ, подъ руководствомъ своего Смотрителя или у Начальника Коллегіи. Потомъ дѣлается онъ Баккалавромъ Искусствъ. Тогда онъ не имѣетъ болѣе нужды въ руководствѣ Смотрителя. Сей послѣдній не преподаетъ собственно лекцій; но избираетъ для нихъ Латинскихъ и Греческихъ Авшоровъ, объясняетъ оныхъ и поправляетъ

писменныя упражненія своихъ воспитанниковъ. Въ Коллегіи Christ-Church, молодые люди въ 2 года совершенно прочишывають *Геродота, Фукидиду, Ксенофонта, Гита - Ливія, Гомера*, Греческихъ Трагиковъ, рѣчи *Демосвеновы* и другихъ древнихъ Писателей. Три раза въ году, каждый изъ Студентовъ предсавляетъ краткое обзоріе всего, что онъ прочелъ; Деканъ, его помощникъ и другіе Члены Коллегіи разсавривають сіи обзорія и симъ средствомъ усовершенствуются въ способностяхъ и прилжаніи каждаго. Къ изученію Классиковъ присоединяются древняя Исторія, Географія, Философія и Древности. На третій годъ Академическаго курса задають воспитаннику сочиненія, входяція въ составъ того предмета, къ которому онъ себя назначаетъ. Въ сіе время совѣщаютъ ему слушать лекціи Физическія и высшей Математики. Чтожь касается до Геометріи и Логики; то онъ непременно обязанъ слушать ихъ въ своей Коллегіи.

О Профессорскихъ лекціяхъ.

Каждый Факультетъ имѣетъ особую Аудиторию. Профессорскія лекціи во многомъ различаются отъ Немецкихъ. Онѣ двоякаго рода, т. е. или составляютъ полный такъ называемый Курсъ, или ограничиваются преподаваніемъ одной только лекціи (*recitatio*), служащей введеніемъ въ каждую Науку. Курсы сіи довольно кратки и состоятъ обыкновенно изъ 23-хъ, 20-ти, а иногда 16-ти часовъ, хотя и плашится за оныя по гинетъ. Такимъ образомъ Д-ръ *Педжъ* два раза сряду прочишывалъ полный Курсъ *Анастоміи*, въ 30 уроковъ и за 3 гинетъ. Такимъ образомъ

за при же гиней и не болѣе, какъ въ 40 часовъ, окончены были лекціи о всѣхъ часяхъ общаго Законоуѣденія. — Судя по крашкости сихъ Курсовъ, само собою разумѣется, что помянутыя лекціи слушаютъ не для того, чтобы изучиться какой-либо Наукъ. Вообще Англичане, — и какъ кажется, не безъ основанія, — полагаютъ, что нельзя научиться Наукъ изъ лекцій, но что сіи послѣднія должны шолько дать общее понятіе о предметѣ оной и открытъ наспоуціи путь шѣмъ, кои хотятъ посвятить себя какой-либо отрасли человѣческихъ познаній.

Мы уже выше сказали, что такъ называемыя *Баккалавры Искусствъ* обучаются пошомъ Правовѣденію въ Юридическихъ Общесшвахъ. Каждый Сшудентъ обращается въ такомъ случаѣ къ извѣстному Адвокату, кошорый занимается практическимъ хожденіемъ по дѣламъ. Сей упражняетъ его въ слогъ, посѣщаетъ съ нимъ Суды и постепенно пригошовляетъ его къ полученію шепени Магистра Правъ. Удосшоившись оной, Сшудентъ можетъ уже самъ производить Юридическую практику.

Молодые Медики дѣлаютъ по же самое подъ руководствомъ одного изъ славныхъ Врачей, прежде въ Эдинбургѣ, а нынѣ въ Лондонѣ. Шепень Магистра и здѣсь, равно какъ въ Юридическомъ Факультетѣ, даетъ уже право на практическія занятія. При семъ случаѣ кшатя замѣтитъ, что ученіе Медицины въ Лондонѣ, по причинѣ чрезвычайной дороговизны нужныхъ для онаго пособій, шпоишь весьма дорого; а пошому шолько дѣши досташочныхъ родителей могутъ посвящать себя сей Наукъ.

Кому извѣстны продолжительное образованіе молодыхъ Англичанъ въ древней Словесности и обширная ихъ начитанность; щось конечно не найдешь увеличеннымъ, когда мы скажемъ, что Англія, во все время производила и донынѣ производитъ большее число *угенныхъ людей*, въ собственномъ смыслѣ сего слова, нежели другая какая-либо земля въ свѣтѣ, выключая развѣ Германію.

Съ Нѣмецк. С.

Достопримѣзательный поединокъ.

Принцъ *Нассау-Зигенъ* имѣлъ случай, оказавъ важныя услуги Польскому Дворянину *Забелль*. Сей послѣдній любилъ его какъ отца и изыскивалъ все способы къ изъявленію ему своей признательности. Однажды находилсь они на званомъ обѣдѣ, въ многочисленномъ и блистательномъ обществѣ. Собесѣдники, разгоряченные виномъ, начали жаркій споръ, въ коемъ они оба приняли участіе. *Забелла* не былъ одного мнѣнія съ Принцомъ, а сей, раздраженъ будучи его прошиворѣчіемъ, ошебчалъ ему въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Польскій Офицеръ, который всегда почиталъ его своимъ благодѣтелемъ, съ крошечію перенесъ сію обиду. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Принцъ встрѣнилъ *Забеллу* и, вспоминая о происшедшемъ, сказалъ: „Признаюсь, что я виноватъ предъ тобою; но уже поздно поправить мою ошибку. Знаю, что, по дружбѣ своей, ты давно просилъ меня и не думаешь объ удовлетвореніи. Я умѣю цѣнить свое великодушіе; но шѣмъ большую чувствую обязанность,

загладить сію обиду. Намъ остается одно только средство — стрѣляйся! Мы теперь безъ свидѣтелей и никто не можетъ упрекать тебя въ неблагодарности.“ — „Соглашаюсь,“ хладнокровно отвѣчалъ Полякъ и, съ пистолетами въ рукахъ, оправились они въ назначенное мѣсто. *Забелла* почтнулся въ то время искуснѣйшимъ стрѣлькомъ между своими соотечественниками: въ 30-ши шагахъ попадалъ онъ въ серебряную монету.

Опмѣрили 12-шь шаговъ. *Забелла*, имѣвшій право стрѣлять первый, долго прицѣмивался, наконецъ выстрѣлилъ и — не попалъ. Удивленный Принцъ приближился къ своему противнику, взялъ изъ рукъ его другой пистолетъ, осмошрѣлъ оный и вскричалъ: „Праведное Небо! Я это предчувствовалъ: Ваши пистолеты заряжены однимъ только порохомъ!“ — „Неужели Вы думаете“ отвѣчалъ *Забелла*, „что я могъ зарядить ихъ пулями, противъ лучшаго моего друга и благодѣтеля? Я скорѣ согласился бы умереть отъ руки его, нежели показаться неблагодарнымъ.“

Принцъ обнялъ его съ брашкою нѣжностію и возвращаясь въ городъ, разсказалъ всѣмъ о благородномъ поступкѣ *Забеллы*. Онъ примирился чрезъ то съ самимъ собою и осшался навсегда искреннѣйшимъ его другомъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б а с н и.

4.

Преступники.

Тигръ, ужась всѣхъ звѣрей, поднявъ кровавы взоры,
Морфея умолялъ, чшобъ сонъ къ нему послалъ. —
„Для изверговъ, шебъ подобныхъ,“ — богъ сказалъ, —
„Гошовлю я не макъ, но совѣспи укоры.“

5.

Роза и шмель.

„Прочь, наглый! прочь шы, шмель!“ вскричала *утромъ*
роза:
„Ты осквернишь меня; шы мнѣ спрашнѣй мороза.“ —
„Прощаю спѣсь швою: шы шолько разцвѣла.
Я *всегромъ* приду; авось не будешь зла.“

6.

Пльсь лелебедя.

Пльсь лелебедь, и моихъ всѣхъ чувшвѣ онъ былъ вла-
дѣшель.
„Ты весель?“ я ему умильно говориль. —
„Да,“ онъ мкѣ опшвѣчалъ, „часъ смерши насшупиль.“ —
Спокойно жизни пушь свершаешь добродѣшель.

***

— *И. Риллеръ*

Иванъ Сусанинъ.

Д у м а.

„Куда ты ведешь насъ? ... не видно ни зги!“
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:

„Мы возьмемъ и шонемъ въ сугробинахъ снѣга!
Намъ знашь не добраться съ тобой до ночлега!
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пуши;
Но шѣмъ Михаила шебѣ не спасши!“

*

„Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ!
Но смерти ошъ Ляховъ вашъ Царь не минуешь!...
Веди жъ насъ, — шакъ будешь шебѣ за шруды;
Иль бойся: недолго у насъ до бѣды!
Засшавиль всю ночь насъ пробиться съ мяпелью!..
Но что шамъ чертѣешь въ долину за елью?“ —

*

— „Деревня!“ — Сармашамъ въ опѣвшъ мужичокъ:
„Вошь гумна, заборы, а вошь и мостокъ!
За мною! въ вороша! — избушечка эша
Во всякое время для гостя нагрѣша!
Войдише, — не бойшесь!“ — „Ну шо-шо, Москаль!...
Какая же, брашцы, чершовская даль!“

*

„Такой я прокляшой не видываль ночи!
Слепились ошъ снѣгу соколии очи!...
Жупанъ мой — хошь выжми! Нѣшь нитки сухой!“
Вошедъ, проворчалъ шакъ Сармашъ молодой.

„Вина намъ, хозяинъ! Мы смокли, иззябли!
Скорѣй! . . . Не заславъ насъ приняшься за сабли!“

*

Вопъ скаперть просая на шоль послана;
Поспавлено пиво и кружка вина,
И Руская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломпами.
Въ окончины вѣшеръ, бушуя, спучишь;
Уныло и съ прескомъ лучина горишь.

*

Давно ужъ за полночь! . . . Сномъ крѣпкимъ объяшы,
Лежашъ беззаботно по лавкамъ Сармапы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, насторожъ, Сусанинъ съдой
Въ поль-голоса молишь въ углу у Иконы
Царю молодому свяшой обороны!

*

Вдругъ кто - то къ ворошамъ подъѣхалъ верхомъ!
Сусанинъ поднялся и въ двери шайкомъ . . .
„Ты ль эшо, родимый? . . . А я за тебою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь! . . . а вѣшеръ еще не зашихъ!
Наводишь шеску лишъ на сердце родныхъ!“

*

— „Приводишь самъ Богъ тебя къ этому дому.
Мой сынъ! Поспѣшай же къ Царю молодому!
Скажи Михаилу, чшобъ скрылся скорѣй;
Чшо гордые Ляхи, по злѣбъ своей,
Его пошаченно убишь замышляющъ
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!“

*

„Скажи, что Сусанинъ спасаетъ Царя,
Любовью къ опчизнѣ и Вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужь убійцы со мной на ночлегѣ!“ —
„Но что ты запѣялъ? подумай, родной!
Убьюшь себя Ляхи!... Что будетъ со мной?

*

И съ юной сеспрою и съ маперью хилой!“
— „Творецъ защитишь васъ свяшой Своей силой!
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой! намъ дорого время!
И помни: я гибну за Руское племя!“ —

*

Рыдая, на лошадь Сусанинъ молодой
Вскочилъ, и помчался свиспящей спрѣлой!
Луна, между тѣмъ, совершила полъ-круга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга!
На небѣ Воспочномъ зардѣлась заря:
Проснулись Сармаши — злодѣи Царя.

*

„Сусанинъ!“ вскричали, „что молишься Богу?
Теперь ужь не время! пора намъ въ дорогу!“ —
Оставивъ деревню шумящей пѣлпой,
Въ лѣсъ шемный вступаютъ окольной шропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вошь ушро настало!
И солнце сквозь вѣшви въ лѣсу засіяло:

*

То скроешь быстро, но ярко блеснешь,
То тускло засвѣшишь, но вновь пропадешь!
Стояшь нешелохнясь и дубь и берѣза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипишь опъ мороза.
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумишь,
И дяшель дуллишюю иву долбишь.

*

Другъ за другомъ идушь, въ молчаньѣ, Сарманы;
Все далѣ и далѣ съдой ихъ вожаный.
Ужь солнце высоко сѣдешъ съ небсѣсь;
Все глуше и диче спановишся лѣсь!
И вдругъ пропадаешъ пропинка предъ ними!
И сосны и ели въшвами гуспыми —

*

Склопившись угрюмо до самой земли,
Дебришюю сѣтну изъ сучьевъ сплели!
Вошще насшорожъ превожное ухо:
Все въ шомъ захолусшьѣ и мершво и глухо!...
„Куда шы завель насъ?“ .. Ляхъ спарый вскричалъ.
— „Туда, куда нужно!“ — Сусанинъ сказалъ,

*

— „Убейте! замучьте! — моя здѣсь могила!
Но знайте и рвишесь: я спасъ Михаила!
Предашеля, мнили, во мнѣ вы нашли!
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Руской земли!
Въ ней каждый опчизну съ младенчештва любишь
И душу измѣной свою не погубишь.“ —

*

„Злодѣй!“ закричали враги, закипѣвъ:
„Умрешь подь мечами!“ — „Не страшень вашъ гнѣвъ!
Кшо Руской по сердцу, пошъ бодро и смѣло
И радосно гдбнешъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь!
Не дрогнувъ, умру за Царя и за Русь!“

*

— „Умри же!“ Сармаши Герою вскричали —
И сабли надъ шпарцемъ, свиспя, засверкали!
— „Погибни, предашель! Конецъ твоей насмалъ!“ —
И пвердый Сусанинъ весь въ язвахъ упаль!
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обagriла:
Она для Россіи спасла Михайма!

Рылѣевъ.

Печашашъ позволяешся: Марша 22-го дня, 1823 года.

Цензорь А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XII.

П Р О З А.

Письмо изъ Неаполя.

(Изъ Н. Friedländer's Ansichten von Italien.)

Везувій.

Сегодня совершилъ я странствованіе на Везувій, давно уже условленное съ моимъ соупникомъ. Не смотря на усталость, чувствую духъ мой освѣженнымъ и воспорженнымъ. Всякое изящное наслажденіе, которое вкушаю въ сей классической землѣ, почитаю я приобрѣщеніемъ на всю мою жизнь, драгоценнымъ сокровищемъ для картинной галлерей воспоминаній. Если нѣкогда, подъ отечественнымъ небомъ, въ тихій часъ вечера, страны Гесперидскія обновяшся въ моемъ воображеніи, во всемъ блескѣ цвѣшовъ и разнообразіи видовъ своихъ; если очаровательные опголоски здѣшнихъ пѣснопѣній коснутся моего слуха: — тогда и твой образъ, о Везувій, тогда и воспоминанія нынѣшняго дня предстануть во всей красотѣ мысленнымъ моимъ взорамъ и возбуждять въ душѣ пламенное желаніе, созерцать тебя снова!

Утро было прекраснѣйшее. При ясномъ небѣ и съ веселыми сердцами, выѣхали мы изъ города; быстро промчались чрезъ Поршичи и остановились у подошвы горы, въ мѣстечкѣ Резинѣ. Крошко и величественно возносятся Везувій надъ берегами моря. На скамѣ его попеременно возвышаются города и села, загородные дома и виноградные сады. Все представляешь благопріятный видъ плодоносія и изобилія, населенія и промышленности. Счастливые обитатели, на краю пропасти, спокойно и беззаботно пользуются дарами Природы. — Въ Резинѣ обступила насъ цѣлая толпа проводниковъ или шакъ называемыхъ *Cicerone*, съ ихъ мулами. Всѣ они предлагали намъ свои услуги, и при томъ за довольно дешевую цѣну. Но мы всѣмъ имъ рѣшительно отказали; ибо я не могъ и не хотѣлъ имѣть лучшаго проводника, какъ мой пріятель, который сегодня, въ седьмой уже разъ въ своей жизни, всходилъ на вершину Везувія.

Такимъ образомъ отправившись мы въ путь одни, по каменистой и довольно шрудной тропинкѣ, ведущей между виноградниками къ пустынѣ *Св. Сальватора*. Здѣсь живешь опшельникъ, къ коему обыкновенно заходятъ путешественники, для отдохновенія и подкрѣпленія силъ своихъ умѣреннымъ завтракомъ. Но мы опспутили отъ сего обычая; ибо намъ было извѣстно, что вино и съѣстные припасы, при всей оныхъ посредственности, продаются здѣсь весьма дорого. — У сей пустыни окончилась плодоносная почва, и обширная долина, составленная изъ охладѣвшей лавы, представилась нашимъ взорамъ. Впереди насъ находилась коническая вершина Везувія, бывшая

цѣлю нашего странствованія. Она почти вся состоишь изъ пепла: обстоятельство, не мало затрудняющее путешественниковъ. Мы съ трудомъ на нее взбирались, спановясь на крупные куски лавы; но и сіи послѣдніе часто скользили и обрушивались подъ нашими ногами. Наконецъ, по прошествіи часу, достигли мы до самой вершины. Испощивъ всѣ свои силы, остановились мы отдыхать въ такъ называемой *теплой пещерѣ*. Вскорѣ засмѣ явился человекъ съ корзинкою, кошорый вмѣстѣ съ нами отправился изъ Резины и шелъ во все время, шо впереди, шо позади насъ, хотя, какъ казалось, немного нами занимался. Онъ открываетъ свои корзинку, и — нѣсколько бутылокъ добраго вина, златобокіе апельсины, яблоки и хлѣбъ представляющаеся взорамъ усмалыхъ странниковъ, кои позабыли запаснися завтракомъ. За всѣ сіи сокровища потребовалъ онъ самую малость, кошорую мы и заплашили весьма охотно. Признаюсь, что никогда въ жизни моей яблоки не казались мнѣ столь вкусными, ни вино столь превосходнымъ, какъ на вершинѣ Везувія!

Подкрѣпивъ свои силы, могли мы, смѣло и бодро, приступить къ созерцанію величественнаго и вмѣстѣ ужаснѣйшаго зрѣлища. Поверхность горы съ ея жерломъ, сіе средоточіе и позорище гибельнаго разрушенія, приводятъ въ нѣкошорое невольное содроганіе. Вулканъ извергаетъ нынѣ свое пламя изъ двухъ отверстій: первое, имѣющее видъ опрокинушаго конуса, есть древнѣйшее; второе существуетъ только съ 1816-го года. Впрочемъ, во время изверженій, оба находящаеся въ непрерывной дѣятельности. Прибли-

жаясь къ жерлу, слышишь, изъ внутренности онаго, нѣкоторое глухое хрипѣніе, которое ежеминутно усиливается и нерѣдко довершается ударами, подобными выспрѣлу изъ мѣлкихъ огнеспрѣльныхъ орудій. Вмѣстѣ съ сямъ, посреди молній и клубящагося дыма, поднимающіяся въ воздухъ густыя массы пепла и камней. Потомъ, послѣ минушнаго опдыха, глухое хрипѣніе въ пронасти вновь начинается и — новое пламя вылетаетъ изъ чернаго зѣва! Какъ истиино, какъ живописно сказано у *Виргилія*:

Interdumque atram prorumpit ad aethera nubem,
Turbine fumantem piceo et candente fanilla,
Attolitque globos flammaram et sidera lambit! (*)

Мы достигли новаго жерла и съ зелено-желшоватаго его края хотѣли посмотришь во внутренность онаго; но густыя и вредныя испаренія не позволили намъ, что-либо разпознашь. Оба отверзшія находящіяся по срединѣ дикой, черной, изъ выгарковъ лавы образованной долины. Оная во многихъ мѣстахъ перестѣкается ущелинами, коихъ края, отъ сѣрной и купоросной осадки, испещрены зеленымъ, краснымъ и желтымъ цвѣтомъ. Какъ изъ сихъ, такъ изъ прочихъ разщелинь дикаго утеса, проникаешь шеплый паръ и дымъ. Мы не могли насытись дикими красошами сего ужасно великолѣпнаго зрѣлица. Чѣмъ внятнѣ слышали мы гуль въ упробѣ горы, чѣмъ чаще повпорялся громopodobный прескъ, исходящій изъ ея отверзшій; — шѣмъ живѣе спшановились наслажденія души нашей!

(*) Аен. III, 570.

Видъ съ Везувія въ долину имѣеть споль же неизяснимую прелесь. Когда густыя шучи дыма и пепла разсѣвались въпромь; тогда являлись намъ — обширное море, острова, великолѣпныя зданія Неаполя и очаровательныя его окрестности. Благословенныя страны счастливой Кампаніи (*Campania felix*), сей обителі мира и благоденствія, составляли разительную прошивуположность съ мрачнымъ позорищемъ опустошенія, на коемъ мы находились. Но сіе послѣднее въ споль сильной степени привлекало наши взоры и вниманіе, что мы не хошѣли ничего другаго видѣшь, ни о чемъ другомъ мыслишь.

Засимъ обрашили мы свои наблюденія на другую вершину, на гору *Сомму*, отдѣленную ошь вышеописаннаго конуса на 2000 фушовъ, глубокою и дикою долиною, кошорая вся состоишь изъ лавы, пепла и пережженныхъ камней. Должно полагашь, что нѣкогда, — можеть бышь во время ужаснаго изверженія, бывшаго въ 79-мъ году послѣ Р. Хр., — верхняя часть горы, сосставлявшая какъ бы средоточіе сего Вулкана, обрушилась и, раздѣлясь на двѣ части, образовала обѣ сіи вершины. Пространство, находящееся между оными, мало по малу наполнилось лавою. — Кшо знаешь: долго ли удержится и нынѣшняя вершина Везувія? Кшо знаешь: не опкроюшся ли въ немъ новыя опверзшія, и сія гора, коей изверженія опустошають нынѣ всѣ окрестности, не покроешь ли нѣкогда черную свою главу собственными развалинами?

Можеть бышь, цѣлыя тысячельшія опдыхала сія гора, кошорую древнѣйшіе Ицышашели Природы, по внѣшнимъ признакамъ, почипали угасшимъ Вул-

каномъ. Спихошворецъ *Марціалъ* описываетъ Везувій, какъ гору, знаменишую своими селеніями, садами и Виллами. Наконецъ, въ 79-мъ году, воспослѣдовало споль же неожиданное, какъ и ужасное изверженіе, коему едва ли были подобныя въ позднѣйшія времена. Безпримѣрная дополь борьба стихій, громаы и молніи, сопровождавшіе сіе изверженіе, не безъ причины испугали изнѣженныхъ Римлянъ и привели въ ужасъ всю Италію. Сіе достопамятное событіе въ Природѣ, казалось, долженствовало разбудить дремлющее чело- вѣчество ошь чувственнаго упоенія и обратишь взоры и сердца къ Небесамъ, къ Царствію горнему и неслѣнному, кошорое не есть ошь міра сего!

Въ сихъ-то размѣшеніяхъ, на вершинѣ Везувія, провелъ я нѣсколько часовъ, кои навсегда остануся для меня незабвенными. Давно уже собирались мы итти въ долину; но всякой разъ, когда намѣреніе сіе хотѣли привести въ исполненіе, встрѣчался намъ какой-нибудь новый предметъ, кошорый привлекалъ наши взоры и останавливалъ насъ на пуши. Наконецъ, я бросилъ послѣдній, прощальный взоръ на Везувій, и образъ его запечатлѣлся навѣки въ душѣ моей. Потомъ взглянули мы еще разъ на Сомму, потомъ на море и долину, просширавшіяся предъ нами у подошвы горы. Засимъ не пошли, а побѣжали мы внизъ, перѣдко погружаясь въ пепель до самыхъ колѣнь. Часа чрезъ два достигли мы Резины, нѣсколько хромая и съ изорванными башмаками, но весьма довольные нашимъ странствованіемъ. Тамъ нашли мы свою коляску и сѣвъ въ оную, съ веселымъ сердцемъ

и съ пріятнѣйшими воспоминаніями, возвратились въ Неаполь.

М. Мэзиръ.

Лордъ Бейронъ и Пѣвецъ Томази.

Извѣстный Пѣвецъ Лондонской Оперы, Кавалеръ *Томази де Санъ-Клара*, находился, года за три предъ симъ, въ Венеціи и жилъ въ одномъ домѣ съ Лордомъ *Бейрономъ*. Знаменимый Спихотворецъ полюбилъ общество *Виршуоза*, а сей былъ почти ежедневнымъ его гостемъ. Въ это время прибылъ въ Венецію одинъ путешественникъ, который очень желалъ познакомиться съ *Бейрономъ*. Капитанъ *Ф.*, веселый Шотландецъ и пріятель Лорда, взявъ на себя, представилъ его славному Брипанскому Поэту; но воспользовался симъ случаемъ, дабы надъ нимъ позабавиться. Онъ уговорилъ *Томази*, играть ролю *Бейрона*, и одѣвшись въ плащъ, какое носилъ обыкновенно сей послѣдній, принявъ у себя легковѣрнаго чужестранца. Пѣвецъ охотно на сіе согласился. Капитанъ приводитъ къ нему путешественника, котораго мнимый Лордъ встрѣчаетъ какъ нельзя лучше, оставляетъ обѣдать въ многочисленномъ и весьма пріятномъ обществѣ, сажаетъ подлѣ себя за столомъ и осыпаетъ учтивостями. Усердный Энтузіастъ *Бейрона* почитаетъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Послѣ обѣда, *Томази*, пропѣлъ нѣсколько пѣсень знаменишаго Спихотворца, кои произвели еще большую веселость между собесѣдниками. Вечеромъ, мнимый Лордъ исчезъ; а путешественнику поднесли довольно длинный счетъ.

Онъ изумился; но Капишанъ Ф. разрѣшилъ ему сію загадку. „*Бейронъ*,“ сказалъ онъ, „пріѣхавъ сюда на время, живешь въ пракширѣ и это былъ хозяйской споль. Впрочемъ, всякой плащъ шолько за себя.“ Чужестранецъ охотно заплашилъ свою часть и много еще благодарилъ Капишана за доставленіе ему споль лестнаго и пріятнаго знакомства. — На другой день, гуляя на одной изъ Венеціанскихъ площадей, встрѣшилъ онъ насшоящаго Лорда *Бейрона*. Узнавъ его по одеждѣ, подошелъ онъ къ нему весьма дружешвенно и спросилъ: „Здоровы ли Вы, Милордъ? Довольны ли вчерашнимъ объдомъ?“ — Удивленный Спихопворецъ, онъ коего скрывали все происходившее, отвѣчалъ, что не имѣешь чесши его знашь. „Какъ?“ вскричалъ пушешественникъ. „Вы уже позабыли, съкъмъ вчера объдали и кому пѣли свои Романсы?“ — „Эшотъ человекъ сумасшедшій!“ подумалъ Лордъ и спокойно продолжалъ свой пушь. Вечеромъ рассказали ему всю шушку, кошорая ему однакожь совѣмъ не понравилась. Чужестранецъ поспѣшно оставилъ Венецію, чшобы не бышь предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ; а *Бейронъ* принялъ швердое намѣреніе, наказашъ суешнаго Ишаліянца, кошорый вздумалъ играшь его ролю. Онъ зналъ, что *Томази* былъ шогда влюбленъ въ Графиню * * * и, имѣя весьма высокое мнѣніе о своей особѣ, ожидалъ взаимности. *Бейронъ* корошко былъ знакомъ съ Графинею и оба они рѣшились наказашъ шщеславнаго Виршуоза. Графиня пригласила его къ себѣ запискою, прибавивъ, что будешь совершенно одна. *Томази*, кошорый почишалъ сіе свиданіе несомнѣннымъ признакомъ взаимной любви, явился

къ ней въ назначенный часъ. Чрезъ нѣсколько минушь послышался въ передней голосъ *Бейрна*, и Графиня, кошорая пришворилась испуганною, совѣшвала *Томази* спряшанься въ каминь. Едва успѣлъ онъ се здѣлать и Графиня заставила его экраномъ, какъ взошелъ Лордъ, сопровождаемый нѣкошорыми изъ своихъ пріятелей. Графиня приняла ихъ съ обыкновенною своею любезностію и болѣе шрехъ часовъ прошекло въ веселомъ разговорѣ, между шѣмъ какъ бѣдный *Томази* все шомился въ каминь. Наконецъ нѣкошорые изъ общешва изъявили желаніе, окончить вечеръ Музыкою. На сіе сказалъ *Бейронъ*, что у Графини сидить въ каминѣ шпичка, кошорая подражаетъ голосу извѣшнаго *Томази* съ удивительнымъ сходшвомъ. Пошомъ приблизился онъ къ экрану и шешнулъ своему плѣннику, что онъ непременно долженъ спѣшь арію, если хочешъ получить свободу. *Томази* принужденъ былъ повиноваться и пропѣлъ, скрѣпивъ сердце, жалобную арію, коей содержаніе сходшвовало съ его положеніемъ. Все общешво было оною шронушо; *Бейронъ* выпустилъ своего плѣнника и дружеское и искреннее примиреніе заключило сей веселый вечеръ.

Съ Нѣмецкаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Паденіе листьевъ.

Поблекнули ковры полей,
Брега взрывалъ источникъ мушной
И голосистый соловей
Умолкнулъ въ рощѣ безпріютной.
Болѣзни жершва въ цвѣшѣ лѣшѣ,
Къ сей рощѣ юноша унылой
Послѣдній горестный привѣшь
Отдашь прибредь опчизнѣ милой:
„Судьба исполнилась моя!
Прости, убѣжище драгое!
О прорицанье роковое!
Твой спрашный голосъ помню я.
Съ ненастной осенью приспѣешь,
Въщало ты, мой смершый часъ,
И для спрадальца пожелшѣешь
Дубравный листь въ послѣдній разъ.
Заплачешь милая мнѣ дѣва;
Я вяну: легкою мечшой
Мелькнувъ исчезъ мой вѣкъ молодой.
Послѣдній листь падешъ со древа;
Послѣдній часъ ударить мой!
Зашмили шучи сводъ лазурный;
Осеннихъ вѣшровъ слышенъ свистъ.
Шуми, шуми, о вѣшеръ бурный!
Вались, вались, поблеклый листь!
Отъ взоровъ матери унылой
Сокрой меня съ моею могилой;

Когдажъ съ опчаяньемъ въ очахъ,
Пусшнюю воплемъ оглашая,
Моя подруга молодая
Ее ошыщешъ въ сихъ мѣсахъ;
Тогда надъ камнемъ безошвѣшнымъ,
Гдѣ я на вѣкъ опочию,
Буди ты шорохомъ привѣшнымъ
Тѣнь услажденную мою! —
Сбылось. Увы! Судьбины гнѣва
Мольбами бѣдный не смягчилъ:
Послѣдній листъ упалъ со древа;
Послѣдній часъ его пробилъ.
Близъ рощи шой его гробница;
Но не пришла краса-дѣвица
Свой долгъ завѣшный ей опдашь,
А зрѣла каждая денница
Надъ ней рыдающую машь.

Баратынскій.

---

*Къ звѣздѣ,
въ бессонную ночь.*

(Изъ Бейрона.)

Звѣзда, притѣшный свѣтъ щоски моей!
Уныло ты горишь во шмѣ ночей
И пререшно въ шакой дали мерцаешь;
Ты мракъ одинъ лишь шолько умножаешь.
Все призраковъ ночь страшная полна!
Съ бывалою ты радостью сходна.
Такъ прежнихъ дней и благъ воспоминае,
Какъ шомное швое, звѣзда, сіяе,
Обманчивой опрадою манишь,
Волнуешь духъ, а сердце не живишь.
Такъ и звѣзда во шмѣ чушь пламенѣшь,
Горишь въ дали, блискаетъ, но не грѣишь;

П. Козловъ.

Въ Альбомѣ * * * (*)

Когда надъ сонною рѣкой
Въ шуманѣ мѣсяць красной всходишь
И пушникъ робкою шпоной
По сельскому кладбищу бродишь,
И если шамъ случайно онъ
Знакомца камень повспрѣчаешь;
То въ думу шихо погружёнъ,
Бывалое воспоминаешь.

*

(*) Сии прекрасные стихи были уже напечатаны въ прошедшемъ году; но, по желанію Автора, помѣщающагося здѣсь вторично, исправленные. *Изд.*

Ахъ, такъ и ты, другъ милый мой!
Въ шоть часъ, какъ грусть тебя коснешся
И взору, полному тоской,
Мое здѣсь имя попадется:
То мертвымъ ужъ ечишай меня!
Чѣмъ жизнь цвѣшеть, мнѣ миновалось;
Лишь вѣрь тому, что у тебя
Мое здѣсь сердце *все* оспалось.

И. Козловъ.

Ч у ж б и н а.

Тамъ, гдѣ въ блескъ горделивомъ,
Межъ зеленыхъ береговъ,
Волга вшоришь ихъ ошзывомъ
Пѣсни радостныхъ пловцовъ
И, какъ Ниль-благосворишель
На поля богатешво льешь, —
Тамъ опщевъ моихъ обишель,
Тамъ любовь моя живешъ.

*

Я давно просшился съ вами,
Незабвенные края!
Подъ чужими небесами
Ощцвѣшеть весна моя;
Но ни въ громкомъ шумѣ свѣша,
Ни подъ бурей роковой,
Не слешшъ со струнъ Поэша
Голосъ, родинѣ чужой.

*

Радость жизни, другъ свободы,
Муза любвишъ мой приюшъ.
Здѣсь, когда брега и воды
Подъ шуманами заснушъ,
И, какъ щипшъ передъ сраженьемъ,
Свѣшель мѣсяцъ золошой,
Съ благошворнымъ вдохновеньемъ
Легкокрылою шолпой,

*

Изъ страны очарованья,
Въ ихъ эфирной пишинѣ,
Ушѣшишели-мечшанья
Ниспускаются ко мнѣ;
Предъ очами оживаетъ
Красоша минувшихъ дней,
Сладко грудь моя вздыхаетъ,
Сердце бѣшся, взоръ яснѣй.

*

Эшо ты, страна родная,
Гдѣ весенніе цвѣшы
Мнѣ дарила жизнь младая!
Край прелесшный, эшо ты,
Гдѣ видѣніемъ игривымъ
Каждый день мой пролешаль,
Каждый день меня счастливымъ
Находилъ и осшавляль!

*

Вы, холмы, лѣса, поляны,
Скашы злчныхъ береговъ
И старинные курганы,
Память смѣлыхъ пращцовъ,
Сохраненные вѣками,
Какъ свидѣтели побѣдъ!
Непришворными струнами
Васъ привѣщешуешъ Поэшь.

*

Вашъ пѣвецъ въ чужбинѣ дышешъ
И одинъ, во цвѣтѣ дней,
Долго, долго не услышишь
Пѣсенъ Волжскихъ рыбарей.
Долго грустный проблуждаешъ
Онъ по дальнымъ споронамъ;
Долго арфа не съиграешъ
Пѣсни радостной друзьямъ.

*

Ты, копорая вливаешъ
Огнь божественный въ сердца
И цвѣтами убираешъ
Кудри юнаго пѣвца,
Радость жизни, другъ свободы,
Муза Лирь! Прилешай
И ушраченные годы
Мнѣ въ мечшахъ напоминай.

*

Муза Лиры! ты прекрасна,
Ты мила душѣ моей;
Мнѣ съ побою не ужасна
Буря свѣта и спрасшей.
Я горжусь швоимъ учасьемъ;
Ты чаруешь жизнь мою
И, забытый рано счасшьемъ,
Я ушъшенъ: я пою!

И. Языковъ.

Д е р п ш ь .

Печашать позволяшся: Марша 29-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XIII.

П Р О З А.

Отрывки изъ записокъ Барона Гагерна (*).

Я былъ еще весьма молодъ, когда прѣхалъ въ Вѣну. Сіе однакожь не препятствовало мнѣ, познакомиться съ достопримѣчательнѣйшими людьми того времени. Императора *Иосифа II* и Князя *Кауница* могъ я видѣть почти ежедневно; но съ Фельдмаршаломъ *Лаудономъ* встрѣчался довольно рѣдко. Я имѣлъ письмо отъ отца моего къ почтенной единокровкѣ нашей, Графинѣ *Пергенъ*, урожденной *Гросслагъ*. Она приняла меня весьма ласково и, во все продолженіе жизни

(*) Королевско-Нидерландскій Дѣйствишельный Тайный Совѣтникъ и Полномочный Министръ во Франкфуртѣ, Баронъ *Гагернъ*, принадлежишь безъ сомнѣнія къ числу знаменитѣйшихъ Дипломатовъ нашего времени. Дѣяшельный его Патриотизмъ, сильное и мужественное краснорѣчіе, обширныя свѣденія и превосходныя шворенія — равно извѣсны и уважаемы во всей просвѣщенной Европѣ. Недавно привелъ онъ къ окончанію новое и весьма любопытное сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Antheil*

своей, не преставала мнѣ оказывать несомнѣнные признаки искреннѣйшей пріязни. Это былъ единственнѣй домъ, куда *Иосифъ II* пріѣзжалъ иногда по вечерамъ. Присутствіе Императора не только не водворяло этикета или принужденія въ семь обществѣ, но напрошивъ много содѣйствовало къ пріятности онаго. Сей Государь, оупъ Природы веселый и разговорчивый, обходился со всѣми просто и дружественно; а примѣрная его учтивость соопвѣщивала рѣдкой любезности. — Надобно имѣть живой и образованный умъ, многоразличныя свѣденія и нѣкоторый особенный, неизъяснимый талантъ, чтобы съ успѣхомъ принимать гостей своихъ. Графиня *Пергенъ* соединяла сіи качества въ споль высокой степени, что даже и во Франціи, гдѣ искусство сіе кажется приведеннымъ въ систему, не встрѣшилъ я ни одной Дамы, которая бы ее въ семь превосходила. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ болѣе содѣйствовать къ пріятности общества, какъ видѣшь посреди онаго добродѣтельную женщину, соединяющую образованный умъ и любезность съ чувствительнымъ сердцемъ и высокими нравственными качествами?

---

an der Politik unter Napoleon. Это — Историческія записки о пребываніи его въ Вѣнѣ и Парижѣ, во время Наполеонова владычества; объ успѣхѣ данныхъ ему порученій; о знакомствѣ съ достопримѣчательными людьми и проч. Сему предшесствуюшъ воспоминанія нѣжнѣйшей его молодости и перваго появленія на сцену свѣта. — Мы надѣемся угодишь нашимъ Читателямъ, сообщивъ имъ нѣкоторыя ошривки изъ сей любозной книги. *Изд.*

Князь *Кауницъ* былъ уже въ то время 80-ти-лѣтній старецъ. Онъ всегда любилъ казаться чудакомъ и странности его увеличивались съ лѣтами. Поздніе обѣды были тогда советамъ неизвѣстны: знатнѣйшіе люди садилась за столъ во второмъ часу. Но Князь *Кауницъ*, дабы отличиться отъ другихъ, обѣдалъ въ 6 часовъ. Столъ его накрывали обыкновенно на 12 кувертовъ; но число сіе рѣдко было полно, не смотря на всѣ старанія родственницы его, Графини *Кларн*, занимавшей мѣсто хозяйки въ его домъ. Легко можно себя представить, что я обѣдалъ у Князя, когда только хотѣлъ. Онъ былъ ко мнѣ весьма благосклоненъ и если бы я рѣшился осмѣлится въ Вѣнѣ, то конечно не оказался бы мнѣ вкривительспивовать. Но я не имѣлъ довольно честолюбія, чтобы искашь счастья въ обширной столицѣ: покойное и незануднительное мѣсто въ отчизнѣ моей, на берегахъ Рѣйна, составляло тогда единственнѣйшій предметъ моихъ желаній. Между тѣмъ, проводилъ я время вріяшнѣйшимъ образомъ; много танцовалъ; одинаково былъ принятъ и равно любимъ въ самомъ блестящемъ, какъ и въ среднемъ кругу; удивлялся прелестямъ многочисленныхъ Вѣнскихъ красавицъ и — ни о чемъ болѣе не думалъ!

Вскорѣ по прибытіи въ Парижъ, открылъ я себя входъ въ блистательнѣйшія общества. Къ сему немало способствовало жишельство мое въ домъ Г-жи *де-ли-Реньеръ*, шомъ самомъ, который, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, занималъ Герцогъ *Веллингтонъ*. Хозяйка моя, пожилая и почтенная женщина, была

вдова *Главнаго откупщика* (*Hermier-général*) сего имени. Покойный мужъ ея славился своимъ гостеприимствомъ и роскошью и въ домъ его собирались всѣ Вельможи Франціи. Я нашель въ ономъ нѣкоторыя только слѣды прежняго великолѣпія; но и сіи были уже довольно замѣтны, при тогдашнемъ недоспашкѣ ошкрытыхъ домовъ. Въ числѣ знашійшихъ Дамъ сего общества находились: Герцогиня *Бранкасъ* и Г-жа *Шампетць*, родныя сестры, происходившія изъ Голландской фамиліи *Нувегеймъ* и весьма приверженныя къ Оранскому Дому. Сіе послѣднее обстоятельство послужило мнѣ въ пользу: объ сіи Дамы оказывали мнѣ особенное покровительство и содѣйствовали къ распространенію моего знакомства. — Многочисленнѣйшія и вмѣстѣ блистательнѣйшія собранія знатнаго Дворянства были въ домѣ Г-жи *Клермонъ-Галлерандъ*. Но здѣсь, какъ и во многихъ другихъ обществахъ, главное занятіе составляла игра. Новый порядокъ вещей не былъ еще утверждень на твердомъ основаніи; спраси еще не успокоились и — надлежало прибѣгнуть къ сему единственному способу, для избѣжанія непріятныхъ воспоминаній и оскорбительныхъ личностей.

Вскорѣ попомъ завелись небольшія, но гораздо пріятнѣйшія общества у Г-жъ *Сталь*, *Флао*, *Вискости* и *Тальень*. Обѣ первыя были нѣкогда очень дружны съ Принцомъ *Таллейраномъ*, и я душевно сожалѣлъ, когда узналъ объ ихъ разрывѣ. Г-жа *Сталь* предложила ему однажды спранный вопросъ: „Я знаю, что Вы любите насъ обѣихъ. Но если бы находились Вы съ нами на морѣ, во время жестокой бури; что скажете

откровенно: кого бы напередъ бросились спасать?“ — „Вы умѣете плавать“ (Vous savez nager, Madame!) — отвѣчала *Таллейранъ*.

Въ послѣдствіи я гораздо короче познакомился съ Г-жею *Сталь*, будучи въ Англіи. Она жила въ Ричмондѣ и принимала меня, почти всякое утро, въ своемъ саду. Должно сознаться, что по шаланшамъ своимъ принадлежала она къ числу достопамятнѣйшихъ женщинъ нашего времени. Г-жа *Сталь* имѣла конечно свои слабости; ее особенно обвиняли въ слѣпомъ приспращіи къ своему семейству. Но если это слабость, то она конечно самая простишительная. Живой, быстрый и пронцашельный умъ ея обнаруживался въ самомъ простомъ разговорѣ. Я вскорѣ въ шомъ удословѣрился и едва успѣвалъ издалека за нею послѣдовать. Впрочемъ, если бы шогдашніе мои собесѣдники вздумали произнести обо мнѣ свое сужденіе, то конечно не нашли бы и шого, что Французы называютъ *умомъ* (esprit.) Но они имѣли случай, открыть во мнѣ другія качества, коимъ и отдавали полную справедливость: здравый разумъ, постоянный характеръ и искреннѣйшее расположеніе къ друзьямъ своимъ.

Долгое время былъ я ежедневнымъ посѣшителемъ Г-жи *Флао*, нынѣшней Графини *Суза*. Въ семь домѣ провель я многіе пріятные дни и пошому было бы непростишительно, не упомянуть о немъ съ благодарностію. Должно однакожь признаться, что Г-жа *Флао*, равно какъ и Г-жа *Сталь*, не совсѣмъ была свободна отъ духа интриги. Въ обоихъ сихъ домахъ явно говорили: „Intriguer, c'est faire.“ — Впрочемъ,

Г-жа *Флао* привлекала всѣхъ и каждаго своею учтивостію и любезностію; разговоръ ея былъ пріятенъ и занимателенъ, хотя и не имѣлъшой быспрошы, коею опличалась Г-жа *Сталь*. Первая, кошорая много занималась сочиненіемъ Романовъ, нерѣдко чипала мнѣ ихъ въ рукописи и шребовала моего мнѣнія. Какая-шо особенная крепость господствуетъ въ ея произведеніяхъ. Нравственное достоинство сихъ Романовъ, не менѣ заслуживаетъ уваженіе: всякая мать смѣло можетъ дать оныя чипанья своей дочери. (*) — Г-жа *Флао* воспитала единственнаго сына своего въ Англіи и Германіи, подъ собственнымъ неусыпнымъ надзоромъ. Образование сего молодаго человека было превосходное: онъ имѣлъ блистательнѣйшіе успѣхи въ свѣщѣ и по службѣ. Подписаніе Силезскаго перемирія здѣлало его извѣстнымъ между Европейскими Дипломатами. Наполеонъ любилъ и опличалъ его; а онъ, съ своей стороны, никогда не прешавалъ бытъ къ нему благодарнымъ. Рѣдкій примѣръ между приверженцами сего властителя, кои, шощасъ по паденіи его, почти всѣ разсѣялись!

Г-жа *Тальенз*, нынѣшняя *Карманз*, была еще прекрасна, не смотря на преклонность лѣтъ своихъ; но всего болѣе опличалась благородствомъ души и

(*) Многіе изъ сихъ Романовъ конечно извѣстны нашимъ Чипашелямъ, а особливо Чипашельницамъ: *Адель де Сенанжъ*, *Евгеній Ротеленъ*, *Карлъ и Марія* и проч. Оба послѣдніе переведены, съ переменною имень и съ нѣкоторыми сокращеніями, В. А. *Жуковскимъ* и помѣщены въ *Вѣстникъ Европы* 1808-го года. Изд.

кротосшію нрава. Извѣстно, что она немало содѣйствовала къ низверженію *Робеспьерра*. Я никакъ не могъ просиить знашимъ Французскимъ Дамамъ, кои увѣряли, что не могли принималъ Г-жу *Тальенъ* въ своихъ обществвахъ. Какъ скоро и легко онѣ забыли, что сія женщина, съ примѣрнымъ великодушіемъ, жертвовала нѣкогда собою и, находясь въ Бордо, спасла цѣлыя тысячи согражданъ!

Самый многочисленный и отчасти самый блистательный кругъ собирался тогда въ великолѣпномъ домѣ Бакира *Рекамье*, человека извѣстныхъ лѣтъ, но умнаго и прищнаго. Супруга его, урожденная *Бернаръ* изъ Ліона, была конечно одна изъ красивѣйшихъ женщинъ своего времени. Тогда находилась она во всемъ цвѣтѣ юности и почиталась нѣкошораго рода Царицею въ модномъ свѣтѣ. Г-жа *Рекамье* была щеславна, но имѣла превосходное сердце. Въ послѣдствіи, когда обстоятельства перемѣнились весьма невыгоднымъ образомъ, показала она благороднѣйшій характеръ. Лѣтомъ жила она въ Клиши, а я занималъ нѣсколько большихъ комнатъ въ замкѣ Багашеллѣ, въ сосѣднемъ Булонскомъ лѣсу. Нерѣдко отпралялся я въ Клиши верхомъ, рано по утру и на цѣлый день: всякой разъ находилъ я тамъ прекрасную Музыку и любезнѣйшихъ женщинъ. *Лагарпъ*, знаменишій Сочинитель *Лицея*, былъ другомъ сего дома и нерѣдко читалъ намъ стихи. Нѣкошорые чужестранные Посланники, съ ихъ семействами и свшою, посѣщали также Г-жу *Рекамье* въ прелестномъ ея уединеніи. Прогулки пѣшкомъ и верхомъ, Музыка и танцы, Липшература и чтение, разныя

веселыя игры и рѣзвости — забавляли насъ попеременно. Опъ времени до времени, все сіе общество прїѣзжало ко мнѣ въ Багателль и мы проводили день столь же прїяшнымъ образомъ. — Я былъ въ это время спрасшый, неушомимый охощникъ танцовашъ. Ближайшія сношенія съ Германією, къ коимъ часшыя и продолжшельныя войны наиболѣ содѣйствовали, ввели здѣсь въ упошребленіе вальсъ, любимый танецъ моихъ соощечешвенниковъ. Я въ шушку говаривалъ, что при заключеніи Люневильскаго мира, пошпановлена была шайная спашья, въ силу коей сей Нѣмецкій танецъ ушупленъ былъ Французамъ.

Нигдѣ не былъ я прїяшъ столь ласково и дружешвенно, какъ въ домъ Г-жи *Монтессонъ*. Такъ называлась вшорая супруга Герцога *Орлеанскаго*, дѣда существующей нынѣ фамиліи. Она происходила изъ благороднаго, но не владѣшельнаго Дома; а посему и не пользовалась правами Принцессъ крови. Г-жа *Монтессонъ* была уже немолода; разшроенное здоровье и бѣдствія, кошорыя испышала она въ смушныя времена революціи, придали ей нѣкошорую шихую задумчивосшь, но не измѣнили доброщы ея сердца, крошпости характера и прїяшности обшожденія. Она любила Науки и Искусшва, сочиняла сама спихи, упражнялась въ Художештвахъ и превосходно играла въ общешвенныхъ спекшакляхъ. Кругъ ея былъ единешвенный, гдѣ нашель я спаринную Французскую любезносшь и ушощенную учшivosшь, кои досель зналь шолько изъ книгъ и особливо изъ писемъ Г-жи *Севилье*. Въ домъ Г-жи *Монтессонъ* собирались всѣ благовоспишанные и образованные люди, безъ вся-

каго различія парсій. Приверженцы стараго и новаго Правительствa начали здѣсь сближаться. Буонапарте взираль на сіе съ особеннымъ удовольствіемъ. Когда Король и Королева Эшрурскіе, первые Принцы Бурбонской крови, посѣдившіе его Дворъ, находились въ Парижъ; шо Маршалъ *Бертье* и Г-жа *Монтессонъ* давали имъ великолѣпные праздники. Сія послѣдняя, корошко знакома съ обычаями прежняго Двора, нерѣдко принимала на себя всѣ распоряженія при свадьбахъ новыхъ Вельможъ. Въ семь числъ находились: Герцогъ *Бассано*, Генераль *Накути* и проч. — Императрица *Жозефина* посѣщала ее довольно часпо; проводила съ нею цѣлые часы наединѣ и называла ее *мамьюкою*. Я имѣю многія причины думать, что она нерѣдко пользовалась ея совѣтами. Значительные подарки и денежныя пособія, исключеніе изъ списка эмигрантовъ и возвращеніе имущества — были обыкновенными плодами сихъ свиданій. Г-жа *Монтессонъ* была посредницею сихъ прозьбъ и предложеній; а *Жозефина* брала на себя, убѣдишь Наполеона. Сей послѣдній иногда принималъ съ удовольствіемъ ея ходатайство; иногда же находилъ оное ошягошительнымъ. — Если Императрица *Жозефина* оказывала мнѣ многіе опыты своего благорасположенія; шо сіе безъ сомнѣнія должно приписатьъ благопріятнымъ опытамъ Г-жи *Монтессонъ*. Сія послѣдняя вскорѣ меня полюбила и при всякомъ случаѣ опличала между немногими чужестранцами, принятыми въ ея домъ. Я игралъ съ нею въ пикешъ и въ билльардъ, сопровождалъ въ ея прогулкахъ и осматривалъ новыя строенія. Въ это время привела она

къ окончанію прекрасный загородный домъ, который называла своею *Роменвилльскою мельницею* (mon moulin de Romainville). Оный находился на шѣхъ самыхъ холмахъ, гдѣ нѣкогда расположены были лагери *Юлія Цесаря* и Императора *Юліана*. Въ семъ сельскомъ замкѣ имѣлъ я гошовыя комнашы, экипажъ, и могъ, когда хошѣлъ, ѣздить на охоту въ окрестностяхъ.

— Славная Трагическая Актриса, дѣвица *Дюшенуа*, одолжена сему дому первымъ своимъ воспитаніемъ и образованіемъ ошличнаго своего таланта. Я нерѣдко видалъ ее шамъ на домашнемъ Театрѣ, гдѣ играла она вшоросшепенныя роли наперсницъ и служанокъ.

Бесѣда Г-жи *Моттессонъ* была для меня пріятна и насшавительна во многихъ опношеніяхъ: ни ошъ кого не слышалъ я большихъ подробностей и вмѣстѣ справедливѣйшихъ сужденій о тогдашнемъ сосшояніи Франціи.

Между множесшвомъ прелестныхъ В * * * скихъ Дамъ, ни одна шакъ не нравилась Наполеону, какъ Графиня *Марія В.*, урожденная *Л.* Супругъ ея, Графъ *Анастасій В.*, былъ 70-ши-лѣтній шарецъ, между шѣмъ какъ ей едва ли было и 17-шь лѣтъ ошъ роду. Мудрено ли, что шоль неравное супружество долженствовало кончиться разводомъ? Оный былъ уже назначенъ, какъ вступленіе Буонапарте и его войска зашазило, если не совсѣмъ его ошмѣдишь, шо по крайней мѣрѣ ошсрочишь. Сколько мнѣ извѣстно, шарый Графъ поступилъ при семъ случаѣ съ благоразуміемъ и ошорожношю. Юная его

супруга не менѣ привлекала крошестію права, какъ и цвѣтущею красотою. Иногда казалась она живою и веселою, соотвѣтственно лѣтамъ своимъ; иногда же впадала въ невольную задумчивость и уныніе, — необходимое послѣдствіе пягошившаго ее положенія. — Всѣ Нѣмецкіе Принцы, находившіеся тогда въ В***, были въ нее влюблены сипраспно. Почти ежедневно давались въ честь ея балы, кои она едва удостоивала кратковременнымъ посѣщеніемъ. Она нерѣдко мнѣ говорила: „Если бы Вы знали, какъ все это мнѣ наскучило! Шумныя удовольствія не могутъ сослѣдовать моего счастья!“ — Блескъ Двора Наполеонова и особенное вниманіе сего надменнаго властителя, долго не могли ослѣпить ее. Если она въ послѣдствіи здѣлалась къ нему благосклоннѣе; то сіе конечно должно привисать убѣжденіямъ собственныхъ ея родственниковъ, кои имѣли при томъ свои виды. Можешь бышь щеславіе, пѣлишь гордаго побѣдителя; можешь бышь и желаніе, принести какуюнибудь пользу своимъ соотечественникамъ, — также въ семь участвовали. — Связь сія продолжалась довольно долго и Наполеонъ давалъ ей значительное содержаніе. (*) По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ,

---

(*) Нѣкоторые усердные приверженцы Наполеона утверждали, что честолюбіе или — какъ они говорили — *любовь къ славы* была единственною его страстію. Но сей и множесство подобныхъ примѣровъ доказываютъ, что онъ имѣлъ и другія слабости. — Впрочемъ, истина сего анекдота подтверждается свидѣтельствомъ *Ласъ-Казеса*, въ 1-й части его *Записокъ*.

нашелъ я ее въ Парижѣ, гдѣ занимала она прекрасный домъ въ улицѣ Le Pelletier. Она представила мнѣ двухъ мальчиковъ, сыновей своихъ, изъ коихъ одинъ только старшій носилъ имя Графа В. Я узналъ въ послѣдствіи, что Графиня вышла попомъ замужъ за одного Французскаго Генерала и — скончалась родами, еще во семь цвѣтѣ молодости и красоты.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Подражаніе Псалму.

(„Услыши, Боже, гласъ мой!“)

Услыши, Господи, мой гласъ,
Души печальныя молишвы!
Ее кругомъ обходишь съшь
И пагуба къ ней хищны длани! —
И черный спрахъ надъ ней повисъ,
Какъ коршунъ надъ своей добычей! . . .
Закрой меня опъ сонма злыхъ!
Помилуй, Господи, помилуй! —
Они условились въ шиши
И собираются какъ звѣри,
Тобой хранимыхъ разшерзашь . . .
Но не молчашь ни крогъ, ни слезы.
Онъ, дымясь, пекушъ до звѣздъ,
Сихъ спражей и очей небесныхъ!
Смѣясь безумцы говоряшъ:
„Кпо узришъ насъ? Подъ ризой ночи
Пушями шайны мы пройдемъ
И будешъ ниръ спраспямъ роскошный!“
Но Ты внезапно освѣшилъ
Твоими грозными огнями
Свои свяшыя небеса!
И Ты засталъ ихъ на ловишвѣ,
Въ коварныхъ замыслахъ заспигъ, —
И обличенные блѣдньюшъ
Предъ окомъ пламеннымъ Твоимъ!

Ты высоко вознесся, Дивный!
И гдѣ они — Твои враги? . . .
Какъ вихремъ пыль, гонимы страхомъ
Трясушая въ дерзости своей . . .
И дѣши вяжущь исполиновъ,
Крѣпясь о имени Твоемъ!
И пѣснь гремишь: „Еговѣ слава!“
„Великъ въ дѣлахъ и дивенъ Богъ!“ —
Сей кликъ, какъ свѣшная молитва,
Течешъ высоко въ небеса
И Херувимъ, перелетая
Изъ міра въ міръ, слышалъ пѣснь —
Земли далекой отголосокъ —
И Легионамъ звѣздъ воспѣлъ:
„Земля гремишь Еговѣ славу:
Великъ въ дѣлахъ и дивенъ Богъ!“

О. Глинка.

Голосъ къ Вышнему.

„Узрю небеса, дѣла персть Твоихъ:
Луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси.“

(Псаломъ 8.)

„Помощь моя отъ Бога, спасающаго правылъ сердцемъ.“

(Псал. 7.)

~~~~~

Какъ я плѣненъ спокойнымъ небомъ!
Тамъ свящъ, Создатель, Твой законъ!
Туда нашъ гласъ, мольбы и спонъ!
Ты всѣхъ Своимъ питаешь хлѣбомъ;

Ты Богъ всего, Ты жизнь всему . . .

Одинъ лишь я въ Твоемъ дому,

Хожу, какъ труженикъ забышый,

И не живой и не убишый;

Но межъ живыми какъ мертвецъ . . .

Но Милосердый нашъ Опець!

Не Ты ли кедръ въ часъ ярой бури

На рухломъ холмѣ удержалъ?

Не Ты ли свѣтлосью лазури

Съдое небо осіялъ?

Не Ты ль *былинкой* полевою,

Едва приметною глазамъ,

Такъ нѣжно занимался самъ?

Не Ты ли влагою живою,

Пылинки дробныя жильцовъ

Цоилъ, пишалъ, очамъ незримыхъ,

И ошь небесъ, Тобой хранимыхъ,

× Опець, нѣжнѣйшій изъ Опцовъ!

× Не Ты ли слышишь гласъ неслышный

Дебелымъ смершнаго ушамъ?

× Вездѣ Твой взглядъ, Твой кровъ запишный;

Все пѣснь Тебѣ и все Твой храмъ! . . .

Всемощный! Ты въщаль *Пророку*: (*)

„Земной! Будь голосомъ Небесъ!

Труби могущему пороку

И свѣтомъ Божіихъ словесъ,

Очисти смрадные вершины

Звѣриныхъ козней и грѣховъ!

Пускай, кругомъ, враги свирѣпы,

× Какъ спая пробужденныхъ цесовъ,

(*) Пророкъ Іеакимъ, Глава 2.

На пупника безъ обороны,
Какъ зной, какъ змѣ скорпіоны,
Какъ волны бурныя рѣки, —
Тебя обьидушь съ зѣльнымъ крикомъ!
Будь смѣль — въ надѣяньи великомъ
На съвь, на власшь Моей руки!“ —
Я вѣрю, Господи; я чаю
И Вѣрой грѣю сердца хладъ:
Пускай я жизнью скучаю, —
Но для Тебя шерцѣшь я радъ!

Ө. Глинка.

22-го Марша, 1823.

Конецъ 3-й книжки.

Печашашъ позволяется: Апрѣля 7-го дня, 1823 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.